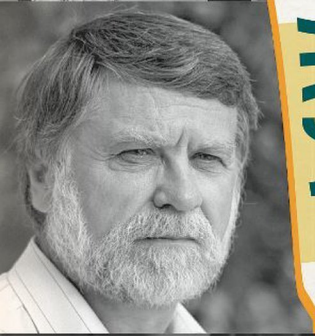

Российский колокол

Журнал

№ 1–2
2023

Московская городская организация
Союза писателей России

Российский колокол № 1–2 (38) 2023

Литературно-художественный журнал

Аннотация
Российский колокол. Ежеквартальный журнал художественной литературы. № 1–2 (38) 2023
Слово редактора
Поэзия
Борис Бурмистров
Судьбы моей морозные деньки…
«Снова май, черемуховый холод…»
«Всю жизнь мы играем в рулетку…»
Пасха
После наркоза
«Вы мне, пожившему, поверьте…»
«Что ж Ты меня снарядил в это тело…»
«То ли в ад, то ли в рай…»
«Что-то вновь замучила хандра…»
«Я снисхожденья, Боже, не прошу…»
Ответ русофобам
«Грешен я, милая, каюсь…»
Вид из больничного окна
«Видно, рано… еще не пора…»

Екатерина Годвер (Богомолова)
Герой
«Ночью небо в брызгах молока…»
31.12.2022
«Однажды нам покажется, что – кончено…»
«Грош ломаный в карман дырявый спрячь…»
Ко дню 77-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне
«Вырываясь из липкого сна…»
Сергей Донбай
«Родной язык в нас снова растревожит…»
«Нищим светом облиты снега…»
«В глубоком зените колодца…»
Ждал автобуса народ
«Какая тяжёлая старость…»
Храм
«Мне весело живётся!..»
Воспоминание о пионерском лагере
Возникновение
Покаяние
«Клясться в жизни не спеши…»
9 мая 2014 года
Проза
Верба (Юлия Артюхович)
Заговор на жизнь
Проверка

Без вранья
Транзитный вариант
Ольга Камарго
Мальтийский заговор
Игорь Корниенко
Иду искать!
Горсть Родины
Наталья Нелюбова
Эверест
Жизнь Орла
Зеркало
Красные пальцы
Олег Сафонов
Шоколадный заяц. Рассказ
Не мешайте кораблю плыть
Татьяна Твердохлебова
Гитлер овец
Литинститут
Владимир Голубев
Загадки литературной сказки. От Левшина до Писахова Очерки. (отрывок из книги)
Предисловие автора
Пролог
Часть 1. Осьмнадцатый век
Глава 1. Неведомое столетие
Глава 2. Страдания по В. Лёвшину

Культурология
Анна Гутиева
Русскость
Иррациональная сила произведений искусства. Эссе
Манифест нового направления
Накануне
Людмила Лазебная
Опалённое древо. Повесть

Аннотация

Литературный журнал «Российский колокол» – это не только сборник произведений, но и своего рода литературный источник, в котором каждый читатель может найти для себя что-то новое, неожиданное, удивительное, познакомиться как с известными и узнаваемыми, так и с начинающими авторами, расширить свои литературные горизонты и открыть интересные жанры.

Самое сильное оружие литературного журнала – это наши авторы и читатели, и мы любим и ценим каждого, кто присоединяется к нам для погружения в мир литературы. Вы – наша большая семья, и мы готовы делиться с вами литературными произведениями, искренностью и чувственностью, увлекательными и преображающими историями.

Российский колокол
Ежеквартальный журнал художественной литературы. № 1–2 (38) 2023

© Интернациональный Союз писателей, 2023

Слово редактора

Арина Камбарова
шеф-редактор журнала «Российский колокол»

Здравствуйте, дорогие читатели!

Рада представить первый в этом году выпуск «Российского колокола», а заодно поговорить с вами о миссии и важности нашего журнала.

Литературный журнал «Российский колокол» — это не только сборник произведений, но и своего рода литературный источник, в котором каждый читатель может найти для себя что-то новое, неожиданное, удивительное, познакомиться как с известными и узнаваемыми, так и с начинающими авторами, расширить свои литературные горизонты и открыть интересные жанры.

Мы гордимся тем, что имеем возможность поддерживать и развивать интерес к чтению, давать старт талантливым и перспективным авторам.

Каждый наш выпуск — это результат многомесячного труда и приложенных усилий большой команды неравнодушных людей в мире, где всё движется очень быстро, где новости успевают устаревать за считаные минуты. Но мы верим и продолжаем делать свою работу, которая сохраняет актуальность исключительно благодаря нашему орудию — слову.

Самое сильное оружие литературного журнала — это наши авторы и читатели, и мы любим и ценим каждого, кто присоединяется к нам для погружения в мир литературы. Вы — наша большая семья, и мы готовы делиться с вами литературными произведениями, искренностью и чувственностью, увлекательными и преображающими историями.

Спасибо, наши дорогие авторы и читатели, что вы с нами!

Благодаря вам мы продолжаем создавать вместе уникальные моменты, которые не только навсегда останутся в нашей памяти, но и продолжат существование в произведениях на страницах нашего легендарного литературного журнала «Российский колокол»!

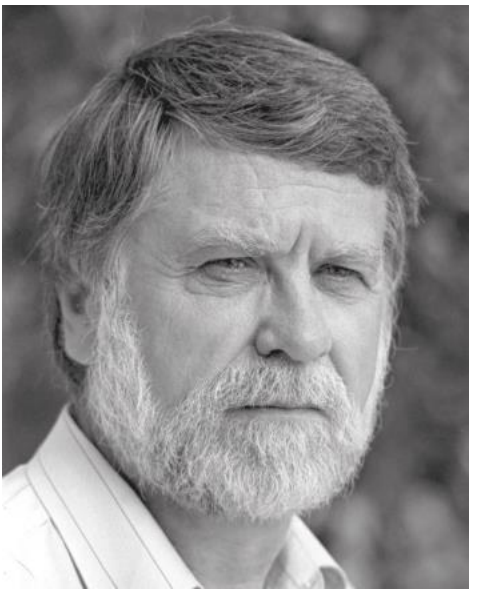
Поэзия

Поэзия

Российский
колокол

Борис Бурмистров

Родился в 1946 году. Многие годы трудился на предприятиях Кузбасса и на Крайнем Севере. Поэт, публицист, член Союза писателей России, председатель СП Кузбасса, член правления СП России. Автор 15 поэтических книг. Лауреат Большой

литературной премии России, Всероссийской литературной премии им. Святого благоверного великого князя А. Невского и др. Член-корреспондент РАЕН, академик ПАНИ, заслуженный работник культуры РФ. Живет в г. Кемерово.

Судьбы моей морозные деньки…
«Снова май, черемуховый холод…»

Снова май, черемуховый холод,
Белый цвет кружится и кружит,
Снова май, и я, как прежде, молод,
Хоть и время быстренько бежит.

Белый сад, высокая ограда,
Фонари оранжевые в ряд,
На скамейке возле палисада,
Как всегда, влюбленные сидят.

Прошлое так стало близко нынче,
Даже скрип калитки узнаю,
Снова песни, снова трели птичьи
Так же душу трогают мою.

Так же сердце екает тревожно,

Не спугнуть бы тишину аллей.
Подойду и сяду осторожно
На скамейку памяти моей.

2018

«Всю жизнь мы играем в рулетку…»

Всю жизнь мы играем в рулетку —
Меняем на медь серебро.
Подброшу повыше монетку —
А вдруг упадет на ребро.

А вдруг повезет ненароком
И радость сумею узреть.
Каким только вывернет боком?
С какой стороны посмотреть?

Кидаю повыше монетку —
Летит, тихой медью звеня…
Вновь ставит округлую метку,
Вновь падает наземь плашмя.

Орел или решка – не знаю,
Удачу в руках покручу —

И вверх ее, дуру, бросаю,
И знать ничего не хочу.

2016

Пасха

Сколько нежности в русском народе!
Чудо-вербы опять зацвели.
Прояснилось в душе и природе,
И разъяснилось небо вдали…

Боже! Милость какая нисходит
На тебя, на меня с высоты!
В одночасье в душе распогодит,
И любовью наполнишься ты.

И забудешь обиды пустые,
Чтоб друг друга простить мы могли —
В эти дни просияют святые
Над безоблачным ликом земли.

2016

После наркоза

Вот и очнулся после наркоза —
Белые стены, лепной потолок.
Слышу, по венам гуляет глюкоза —
Сил животворных свежий приток.

Медленно, медленно входит в сознанье —
Кто я, откуда, что было со мной.
Будто корабль, качается зданье,
И голоса, как набат, за стеной.

В белой косынке, глаза голубые,
Ближе, светлей очертанья лица.
Эти глаза мне до боли родные.
Тают на окнах следы ледяные —
Свет за окошком и даль… без конца.

2016

«Вы мне, пожившему, поверьте…»

Вы мне, пожившему, поверьте,

Бывал и я в объятьях сна…
Не бойтесь говорить о смерти,
Она не так уж и страшна.

Она приходит в срок, до срока,
Неважно, что ты ждешь, не ждешь.
Но всякий раз по воле Бога —
Ты умираешь и живешь.

09.12.2020

«Что ж Ты меня снарядил в это тело…»

Что ж Ты меня снарядил в это тело,
Что ж посильнее телес не нашлось?
Ведь поручил Ты мне трудное дело,
Сколько страдать за других довелось.

В душу вселил сердобольность и жалость.
Как же я жил этой болью чужой,
Кроме своей, что с рожденья досталась,
Соизмеримы ли тело с душой?

. . . .

Годы летели, мгновенья тянулись,
В явь превращались тревожные сны.
Вот и сошлись надо мной и сомкнулись
Светлые ночи и темные дни.

02.2021

«То ли в ад, то ли в рай…»

То ли в ад, то ли в рай —
Нам неведом путь.
Ты других вспоминай,
А меня забудь.

Как ненужный предмет
Под окном в дому,
Как случайный рассвет,
Что ушел во тьму.

Только сон, только миг —
Тропка ли, стезя…
Холод в душу проник —
Вот и сказка вся.

2019

«Что-то вновь замучила хандра…»

Что-то вновь замучила хандра,
Снится часто черная дыра,
Снится небо в клочьях облаков.
Просыпаюсь…. Столько дураков,
Что вокруг да около снуют,
Говорить нет смысла – не поймут.
Оттого и мучает хандра —
Нету слов, лишь скрип из-под пера…

14.04.2021

«Я снисхожденья, Боже, не прошу…»

Я снисхожденья, Боже, не прошу —
Гляжу на мир, чему-то удивляюсь.
Так и живу – то каюсь, то грешу,
То ни за что пред всеми извиняюсь.

Судьбы моей морозные деньки —
Минуты, как снежинки, быстро таю…

То тишь да гладь, то снова сквозняки —
До донышка всю душу продувают.

Завидовать другим я не привык,
Укрою душу от ветров постылых
И снова через годы напрямик
Пробью тропу – еще найдутся силы.

Лишь об одном Всевышнего прошу:
Чтобы окреп я в православной вере.
Я чистым русским воздухом дышу,
Которого всё меньше в атмосфере.

19.04.2020

Ответ русофобам

Где тот забытый причал,
Даль далека и близка —
Русская наша печаль,
Русская наша тоска?

Сотни и тысячи лет,
Не изменить ничего,

Только словесный бред
И поцелуй в стекло.

Только щенячья дрожь,
Призрачный свет вдали…
Только бесстыжая ложь
В адрес моей земли.

Где тот затерянный мир —
Земли, моря, города?
Я выхожу в эфир —
Слушайте, господа.

Русскую нашу печаль,
Русскую нашу грусть.
Только не надо кричать,
Что безответна Русь.

Встанем еще не раз
В полный, как водится, рост,
С русским прищуром глаз,
С вечною правдой звезд.

03.03.2020

«Грешен я, милая, каюсь...»

Грешен я, милая, каюсь.
К Боженьке тропку торю...
Я никогда не состарюсь —
Точно тебе говорю.

Слово в строке – не иголка,
Трудно, но можно сыскать.
Будет во мне еще долго,
Долго душа трепетать.

Ищущим взглядом младенца
В мир этот грешный смотрю.
Не успокоится сердце —
Правду тебе говорю.

Нитка, клубок и иголка —
Время прорехи латать...
Будет душа еще долго
Даже во сне трепетать...

Вид из больничного окна

Несколько дней наблюдал картину:
мужчина ровно в восемь утра выходит
с метлой и метет пятнадцатиметровую аллею
почти час. Приглядевшись, я увидел,
что он машет метлой, но не убирает
мусор, метла не касается земли.
По больничному двору каждый день
прогуливались вороны.

Он проходит через дворик,
много раз он здесь ходил.
Помнит только, что он дворник,
остальное позабыл.

Он не помнит, как ни ежься,
тот февральский гололед.
«Ты добычи не добьешься», —
он под нос себе поет…

Может, вспомнит что-то, скажет,
а пока бредет с метлой —
он по воздуху ей машет:

«Черный ворон, я не твой».

Палата № 89, б-ца № 11,
21.06.2020

«Видно, рано… еще не пора…»

Видно, рано… еще не пора…
Только хочется, чтобы скорее…
Я помыл семь окошек вчера,
Чтобы небо казалось светлее.

М. Анищенко

Просветлело, рассеялся мрак,
Что висел над уснувшей землею.
Просветлело, развеялся страх —
Он владел очень долго тобою.

Ты проснулась и вышла на луг,
Где ромашки от края до края…
Задрожал и рассыпался звук,
Над проселком лесным пролетая.

Только свет расстилался вдали —
Белый-белый, прочерченный звуком,

И глаза просыпались твои
И глядели на небо с испугом.

Где-то там, высоко в облаках —
Свои страхи упрятывал страх.

09.12.2020

Екатерина Годвер (Богомолова)

Родилась и живет в Москве. Клинический психолог, преподаватель, мастер FIDE по шахматам

среди женщин. Пишет стихи и прозу. Лауреат премии журнала «Северная звезда» (2022) и многих всероссийских конкурсов и фестивалей («Хрустальный родник», «Верлибр», фестиваль им. Чижевского и др.), победитель фестиваля «Я только малость объясню в стихе» им. Высоцкого (Новосибирск, 2023).

Стихи публиковались в журналах и альманахах «45-я параллель», «АлександрЪ», «День и ночь», «Южный маяк», «Литературный оверлок».

Герой

Был снег вторичен, неглубок.
Шёл год под стать ему.
Тезей укладывал клубок
В походную суму.

Он был не воин, не солдат,
Он не любил людей.
Умён, немолод, бородат —
Герой на чёрный день.

Но за порог шагнул, как в бой,
Навстречу всем ветрам…

Взошёл оранжевый клубок
Над городом с утра

И покатил за горизонт
Среди небесных тел.
А на нестриженый газон
Пушистый снег летел,

И Ариадна у окна
Сквозь снег смотрела вдаль.
Из шерстяного волокна
Была её печаль.

Под вечер снег следы укрыл,
Потом присыпал цель…
Но продолжалась до поры
История. В конце

Старуха пряла у огня,
А в небе голубом
Котёнок лапкой погонял
Оранжевый клубок.

«Ночью небо в брызгах молока…»

Ночью небо в брызгах молока.
Грязь да иней – кофе с серебром.
Сосны зацепляют облака,
Падает монета на ребро:

Быть – не быть, забыть – не позабыть?
Катится оброненный обол.
Подле бабки-ёжкиной избы
Розовый безвременник расцвёл.

Перекати-поле перека…
Тикают старинные часы.
Холодом учили дурака,
Холодом дурак по горло сыт.

Он стучит в окованную дверь:
«Отпирай, старуха, помогай!»
Ветер воет, снег летит наверх,
Топает куриная нога.

Вот бы растянуться на печи!
До утра не думать ни о чём,

Слушая, как времечко стучит
Маятника нёбным язычком.

Только хлад вокруг да ветродуй,
В ступе догнивает помело:
«Сгинула старуха, на беду,
Но тебе, голубчик, поделом!»

Ветер свищет, сосны гнёт шутя.
Падает монета на ребро…
И дурак уходит, как дитя,
Безысходно веруя в добро.

31.12.2022

У мира час до полночи
И пуговицы в ряд.
В лесу родилась ёлочка.
Её скосил снаряд.

Дурная аллегория,
Задумка несложна.
Закончиться история
На этом не должна.

Но мне добавить нечего:
Щепа летит к щепе…
Сидят в траве кузнечики
У ржавой БМП.

А мир звенит бокалами,
Подарков дети ждут…
Господь гирляндой алою
Накладывает жгут.

«Однажды нам покажется, что – кончено…»

Однажды нам покажется, что – кончено.
Что наше время, время колокольчиков,
Рингтоном отзвучало на распутице.
Пускай теперь сама планета крутится!

Нехай с неё ножом снимают кожицу —
Без нас пиры и скорби приумножатся:
Другие пусть ликуют и куражатся.
Однажды нам покажется. Покажет-

ся…

Согрелись в мягких креслах мы под пледами.
Но брызжет ночь из-под копыта медного,
И колокол над сонною Отчизною
По каждому звонит, отлитый сызнова.

«Грош ломаный в карман дырявый спрячь…»

Грош ломаный в карман дырявый спрячь:
Сегодня купишь Тане новый мяч —
Но завтра повторится, что и прежде:
Меланхоличный вечер мартобря,
Канал в неверном свете фонаря,
Утраты, сожаления, надежды…

Ты смейся, смейся! Сколько нам ещё?
Несёт котёнка нищий под плащом,
Бог весть зачем: спасёт или утопит?
А всё-таки, а всё-таки всегда

Есть белый свет и чёрная вода,
И мяч плывёт, накапливает опыт.

Ко дню 77-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне

Сокрыто личное в словах
Многозначительных и громких:
За «скорбью» прячут спесь и страх
Негорделивые потомки.

У них ни слёз, ни седины.
Для них ни Родины, ни братства.
Им «лишь бы не было войны» —
Всего лишь повод, чтобы сдаться.

Они другие. Высший сорт!
Не то что мы, в грехе зачаты…
Всего важнее им комфорт
И белизна своих перчаток.

Для них как тряпка для быка —
Знамёна алые Победы.
Чужой мундир им жмёт в боках
И отвлекает от обеда.

Холопы всякого царя,
Любой религии лакеи —
Они не станут повторять.
Ни за мечту, ни за идею,

Ни за чужих, ни за родных.
И страшно им сейчас до дрожи:
Не оттого, что враг под дых
Ударит, по холёной роже,

Сломает отчих три берёзы,
Клозет оставив и сарай,
А что у них по продразвёрстке
Изымут соль и каравай.

«Вырываясь из липкого сна…»

Вырываясь из липкого сна,
Возвращаешься в тёплую нору.
Времена, времена, времена,
Перепутье, война, разговоры

За стеной. Нависает стена:
Фотографии в рамках, плакаты —

Времена, времена, времена,
И мы едем, мы едем куда-то.

Век московскую серую мглу
Закатал в тротуарную плитку,
Но стоит человек на углу,
Ждёт трамвая, маршрутку, кибитку.

Снег не тает на хмуром лице,
На есенинских сбитых костяшках:
Ни письма, ни записки в конце,
Где уже не смешно и не страшно…

Но ему не туда. Не туда!
И таксист лихо трогает с места.
Над Москвой небеса в проводах,
Над Москвой облака из асбеста.

Свет в прихожей горит. Тишина.
Расцветает конфорка на кухне.
Времена. Времена. Времена…
Ни пера, человек. И ни пуха.

Сергей Донбай

Родился 22 сентября 1942 года в городе Кемерово. Автор четырнадцати книг стихотворений,

вышедших в Кемерове, Москве, Красноярске. Публиковался в литературных журналах: «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Москва», «Всеруссюй соборъ», «Сибирь», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Начало века», «Врата Сибири», «Алтай», «Барнаул», «Родная Ладога», «Бийский вестник», «Сибирячок», «Литературный меридиан», «Подъём», «Форум», «Роман-журнал XXI век», «Север». Лауреат литературных премий им. В. Д. Фёдорова, святого благоверного великого князя Александра Невского, «Белуха», Николая Клюева и др. Заслуженный работник культуры России, имеет Почётную грамоту Президента России. Секретарь и член приёмной коллегии Союза писателей России. Главный редактор журнала «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

«Родной язык в нас снова растревожит…»

Родной язык в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу прыть.
От первых потаённых чувств: «Быть может…» —
И до надежды страстной: «Может

быть!»

Родной язык. Мы все уйдём и сгинем.
Но строчка будет жить, ей хватит сил.
«Скажи поклоны князю и княгине», —
Так Бунин в прошлом веке попросил.

А в детстве кто из нас, как небожитель,
Не отхлебнул из русского ковша?
Родной язык – и ангел наш хранитель,
И песня, словно общая душа,

Которую всё реже дарит радио,
Но верещит всё громче на износ.
Родной язык: «Не в силе Бог, а в правде», —
В тысячелетье прошлом произнёс.

Народа нет и не было немого.
И гордость, и смиренье на лице
Он выразит: «В начале было Слово...»,
«Пусть будет пухом...» – он вздохнёт в конце.

Он узелок на память нам и – затесь,
Он оберег наш и – сторожевой,
Он был и есть, как Бог, без доказательств.
Родной язык – наш промысел живой.

«Нищим светом облиты снега…»

В. Ковшову

Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одиноко над полем висит.

И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.

«В глубоком зените колодца…»

В. Бородкину

В глубоком зените колодца

Плетёт паутину куржак.
Мы – дети холодного солнца:
Полгода сугробы лежат.
Несём, словно платим налог,
Мороза терновый венок…

Приходят, как белые, ночи,
Цветут – ленинградских короче,
Ломают соломинку льда
Черёмуховые холода.
И лето почуявший школьник
Как в галстуке красном шиповник.

Ребёнок холодного света,
За месяц согрелся земляк.
Но дышит короткое лето
Колодцу в озябший кулак.

Ждал автобуса народ

Моросило целый день.
Грязь блестела за сараем.
И собакам было лень
Провожать прохожих лаем.

Ждал автобуса народ.
Каждый почитал за благо
Потоптаться в свой черёд
У печи в избе сельмага.

И, вполсилы разозлясь,
Продавщица нас гоняла:
Натаскаете, мол, грязь,
Мой полы за кем попало!

Чтоб она была добрей,
Покупали карамели,
Выручку поправить ей
Помогали, как умели.

И, пока про молоко,
Хлеб и мясо говорили,
Те, кто жил недалеко,
На обед домой сходили.

Ждал молоденький шахтёр,
В город вздумал после смены,
И глаза устало тёр,
Словно угольные тени.

Две девчонки для него

Хохотали всё неловко.
Это только и всего,
Что их грело под ветровкой.

На раздумия влекло:
Осуждали и курили.
Те, кто жил недалеко,
Подоить коров сходили.

В сапожищах из кирзы
На дорогу вышел старец:
То ль погоде погрозил,
То ль ещё кому-то палец.

Ждал автобуса народ,
Как работой занят трудной.
До сих пор, наверно, ждёт…
Я уехал на попутной.

«Какая тяжёлая старость…»

Какая тяжёлая старость
У русских людей!
Вокруг ничего не осталось

От прежних идей.

Но гордость в их лицах откуда?
В недобрых краях
Бредут, опершись друг на друга,
Как на костылях.

Гремят чужеродные песни,
Ликует срамьё.
Куда ни взглянуть им – хоть тресни! —
Кругом не своё.

Пируют чужие им дети
Футбольных полей.
Осталась на всём белом свете
Лишь смерть им своей.

Вокруг ничего не осталось
От прожитых дней.
Какая тяжёлая старость
У русских людей!

02.08.2019

Храм

Там, где ангелом воздух уже поцелованный,
Озарённый весною, пречистый, притих,
За прозрачной железной оградой церковной
Люди строят пять солнц куполов золотых.

Колокольня пока не взметнулася около,
Лишь трамвай невпопад прозвонит на бегу,
Но видать, но видать, словно ясного сокола,
Отовсюду наш Знаменский храм на торгу!

И отныне в любом уголке позаброшенном
Осеняется наша с тобой нищета —
Боже мой, Боже мой, наравне, как положено,

Золотым троеперстьем большого креста!

«Мне весело живётся!..»

Мне весело живётся!
А почему бы нет?
Скажу – и улыбнётся
Мне женщина в ответ.

Забуду все печали —
От слов, как от вина,
Глазами и плечами
Хохочет вся она.

А там, совсем вначале,
У детского окна,
Меня с утра встречали
И тополь, и сосна.

И потому случалось,
Что в жизни мне везло:
И женщина смеялась,
И дерево росло.

Воспоминание о пионерском лагере

Пионерского горна бодрящий родник —
Выбегаем, от холода съёжив лопатки.
Вон и я, в синей майке на вырост, возник…
Начинается день – под баян – с физзарядки.

Начинается лагерный первый сезон.
Нас вчера завезли, укачав на трёхтонке,
На ухабах дрожал и скакал горизонт,
И визжали всё время от страха девчонки.

Я ещё не решил до конца, как мне быть:
В тот иль в этот кружок записаться мне надо
И кого я таинственно буду любить —
Верку или с косой из шестого отряда?

Мы дерёмся, растём, нарушаем режим…

Я тогда и не думал совсем, что когда-то
Станет всё это детством счастливым моим
Возвращаться на крылышках зябких лопаток.

Возникновение

Поднимаю жизни грядки,
Дюжу, как могу.
Собираю слов огарки,
Раздвигаю мглу.

И пока могу я с вами
Чувствовать и знать —
Что не передать словами,
Силюсь рассказать.

Это химия иль чудо?
Или шелест букв?
Что откуда, что откуда —
Прилетает звук.

Продолжается упрямо

И пока не стих,
Знать не знамо, знать не знамо —
Возникает стих.

14.03.2020

Покаяние

Вот я иду:
молодой, разудалый да ладный.
Время вокруг мне как раз —
и не шире, не уже.
Каждому встречному друг я
и каждому равный.
Впрочем, как все мы
в надёжном Советском Союзе.

Время сменилось.
На мне поменялося время.
Реки разумно текут, как текли,
слава Богу…
В дебрях тайги
та ж забота у всякого зверя…
Птицы небесную знают,

как знали, дорогу…

Горы стоять продолжают
надёжно и долго…
Замысел помнит звезда
и горит по команде…
С места не сдвинутся,
как ни толкай их,
берёза и ёлка…
Время на мне поменялось,
да будь я неладен…

05.04.2020

«Клясться в жизни не спеши…»

Клясться в жизни не спеши,
Не божись, по крайней мере.
Чувств живые чертежи
Прочитает, кто умеет.

Искры божьей свет горит,
Хоть от тела отделилась.
Расстояние томит
И растаивает близость.

Ожидание всегда
Рассветает, вечереет.
А жива ли та звезда?
Рассчитает, кто умеет.

09.04.2020

9 мая 2014 года

Америка и прочий Запад с Римом
Опять сорвались как с цепи на нас.
Опять кружат, как фурии, над Крымом.
И зреет новый «Севастопольский рассказ».

На части света рвёт себя Украйна.
Казацкий бунт республики? Да нет…
То с краешка у западного «рая»,
Как Брест, дерётся постсоветский континент.

Но Белый дом свой купол пусть почешет,
И новый купол поскребёт Рейхстаг…

Не по зубам славянский вам орешек.

А над рейхстагом был наш русский флаг!

Проза

Проза

Российский
колокол

Верба (Юлия Артюхович)

Член Союза писателей России, доктор философских наук, профессор. Поэт и прозаик. Автор более

250 научных и художественных публикаций (в том числе десяти научных монографий, более 60 поэтических и прозаических циклов и десяти книг стихов и прозы).

Живет в Волгограде. Публиковалась в литературных журналах: «Наш современник», «Белая Вежа», «Отчий край», «Перископ», «Здоровье и экология», «Слово-детям»; в «Литературной газете», «Новых известиях» и др. Лауреат международных конкурсов «Союзники-8», «Поэзия без границ», Gnesin-jazz-voice — 2021, литературной премии им. В. Б. Смирнова «Отчий край», Государственной премии Волгоградской области, дипломант премии им. Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству», номинант Международной премии за доброту в искусстве «На благо мира». Награждена золотой медалью В. Шукшина и почетной грамотой Союза писателей России, почетной грамотой губернатора Волгоградской области, почетными грамотами и благодарственными письмами Волгоградской областной и городской думы, почетной грамотой Президиума ЧИАССР (1990) и др.

Заговор на жизнь

Наташа проснулась рано. Она долго вертелась перед зеркалом, но никак не могла привести себя в порядок: волосы торчали в разные стороны, губная помада ложилась неровно, тушь комками липла к ресницам.

Девушка нервничала. Сегодня она должна быть особенно красивой, потому что в обеденный перерыв пойдет с женихом покупать кольцо. То, которое Саша наденет ей на палец, когда попросит стать его женой. Саша сказал, что невеста сама должна выбрать кольцо, которое ей понравится. И Наташа его выбрала: строгое, но изящное, с ярким бриллиантиком в середине тонкого золотого цветка.

Первая половина дня прошла медленно и бестолково. Наташа перепутала цифры в отчете, забыла проверить электронную почту и поругалась с коллегой из соседнего отдела по незначительному поводу. Все внимание девушки было приковано к большому круглому циферблату над столом подруги Иры, который неторопливо отсчитывал минуты, приближавшие Наташу к замужеству. Наконец наступил

полдень, и сотрудники весело потрусили вниз по этажам навстречу желанному обеду и отдыху.

Наташа выбежала из здания и огляделась: нигде в обозримом пространстве жених не обнаруживался. Девушка позвонила Саше, но он не ответил. Бесцельно покружив по ближайшим улицам, Наташа вновь позвонила жениху. Теперь его номер был недоступен. Вернувшись на работу, Наташа уже не владела собой. Она пыталась позвонить Саше по скайпу, искала его во «ВКонтакте», в других соцсетях — все было напрасно.

После работы Наташа отправилась к жениху домой. Дверь долго не открывали, потом на пороге показалась худая высокая женщина с мальчишеской стрижкой. Наташа уже видела ее на фотографии и знала, что зовут женщину Мариной. Они встречались с Сашей несколько лет, а потом расстались. Почему — Саша не рассказывал. Он вообще говорил о Марине редко и неохотно. Да, увидеть здесь женщину из Сашиного прошлого Наташа не ожидала… Марина стояла на пороге, загородив собой проход в коридор, и внимательно разглядывала непрошеную гостью.

— Саши нет дома. И вам здесь делать нечего.

— Я вообще-то его невеста, — неожиданно тонким голосом вскрикнула Наташа.

— А я — его жена. Больше не приходите сюда и ему не звоните.

— Это почему? — возмутилась Наташа.

— Потому. Уходите.

Дверь захлопнулась перед Наташиным носом. Она несколько минут растерянно постояла на пустой лестнице, потом спустилась вниз. Еще раз позвонила Саше, и снова никто не ответил.

Наташа не помнила, как добралась домой. За всю ночь девушка не сомкнула глаз: смотрела в потолок и думала, почему же Саша так с ней поступил. Ответа найти она так и не смогла.

Утром девушка отпросилась *у* начальницы и отправилась к Саше на работу. Тот встретил ее смущенно и нерадостно. Рассказал, что Марина вернулась к нему неожиданно и, похоже, навсегда. На вопрос Наташи, почему он не рассказал о возможном визите соперницы, Саша промямлил, что сам не был уверен в намерениях Марины:

— Понимаешь, мы с ней столько раз собирались пожениться, что я уже перестал ее ждать. Но вчера вечером, когда Марина вернулась, я понял, что больше мне никто не нужен. Поэтому и не сказал тебе ничего.

— А как же я? — тихо спросила Наташа.

— Прости, милая, — грустно ответил он, осто-

рожно дотронувшись до ее холодных пальцев. — Это жизнь. Прости и прощай.

Саша кивнул Наташе на прощание, помахал ей рукой, как чужой, и исчез в длинном коридоре.

Девушка собралась с силами и медленно побрела домой. Она легла на неразобранную кровать и пролежала без сна до утра.

На работе всё валилось из рук. Бледная, осунувшая Наташа как тень безмолвно бродила по комнате, невпопад отвечала на вопросы, теряла документы. О причине своего неадекватного состояния она решилась рассказать только ближайшей подруге Ире. Та сочувствовала, но требовала решительных мер: встретиться с неверным женихом, «разобраться» с соперницей, наконец, пойти к врачу — пусть лекарство какое-нибудь выпишет. Нельзя же так себя мучить! Но у Наташи просто не хватало сил что-либо предпринимать. Да и какое лекарство может помочь в такой ситуации?

На работе девушка еще как-то держалась, а дома бесцельно слонялась из угла в угол, потому что боялась ночи. Она знала, что опять не сможет уснуть.

На следующий день Ира вызвала ее в коридор и сунула в руку листок с адресом.

— Это экстрасенс, нашей соседке реально помог. Иди немедленно! Нужно же что-то делать!

Наташа вздохнула, равнодушно взяла адрес и в обеденный перерыв отправилась на прием. Она ничего не ждала от этого визита, но услышанное поразило в самое сердце. Экстрасенс подробно описал внешность Марины и сообщил, что эта женщина сделала ей заговор на смерть и поставила в церкви свечи за упокой Наташиной души. Снятие заговора оказалось делом долгим и нелегким, но, потрясенная до глубины души, девушка безропотно выполнила первое задание: посетила три церкви и в каждой заказала о себе молитву-сорокоуст «за здравие». Ночь опять прошла без сна.

Утром, вместо того чтобы ехать на работу, Наташа вновь отправилась по знакомому адресу. Долго звонила, потом стучала и звала Сашу. Наконец из-за двери раздался грубый женский окрик:

— Убирайся вон, я сейчас полицию вызову!

Девушка не стала дожидаться приезда стражей порядка. На трясущихся ногах она вышла из подъезда.

Саша позвонил ей сам. Узнав о заговоре, не поверил и посоветовал прекратить «беспочвенные и лживые обвинения».

— Не смей выдумывать такое о Марине! — возмущенно повторял бывший жених. — И вообще… даже если что-то и было, то она права, потому что семью защищает.

После очередной бессонной ночи Наташа приступила к выполнению следующего задания экстрасенса. Она купила простой белый платок и три дня носила его завязанным на талии перед проведением важного кладбищенского ритуала. Платок следовало снять, завернуть в плотную бумагу и в полночь бросить на ближайшую могилу со словами: «Откуда смерть ко мне привели, туда ее отправляю. А ты, усопший, возьми да куда следует передай!».

Самостоятельно выполнить это задание Наташа не решилась и обратилась за помощью к подруге. Ира, поразмыслив, решила привлечь к выполнению ритуала любимого дедушку. Отставной полковник Николай Иванович, крепкий худощавый старик, вел активный образ жизни и охотно общался с детьми и внуками.

После работы девушки сразу же отправились к нему в гости. Чтобы не тратить времени зря, Ира начала с главного:

— Дед, тут такое дело: мы с Наташей на кладбище собираемся. Давай с нами!

Николай Иванович удивился:

— Спасибо, внученька, за предложение, но я еще пожить хочу. Да и вам вроде бы на кладбище рановато.

— Дед, не смейся, у нас дело серьезное. Наташе заговор на смерть сделали. Она уже в три церкви ездила, в каждой молитву заказывала. Сегодня в полночь нужно быть на кладбище, а мы сами идти боимся.

— Зачем на кладбище?

— Чтобы платок Наташин на могилу бросить.

— Слушайте, девушки, вы случайно не того? Умом не тронулись?

— Пока нет, но Наташа, похоже, уже на грани. Она неделю по ночам не спит.

— Так, а теперь подробнее про этот заговор. Говорите четко и ясно, кто, когда, за что и для чего.

Наташа только открыла рот, чтобы ответить, как Ира, привыкшая к манере общения родственника, уже отчеканила:

— Гражданская жена ее жениха Марина; неделю назад; за то, что Саша на Наташе жениться хотел; для того чтобы Наташа умерла и их счастью не мешала. Бывает же такое: они с Сашей пожениться собирались, а тут эта Марина неожиданно у него поселилась, Наташин номер в телефоне у

Саши заблокировала, из друзей во «ВКонтакте» и в других соцсетях Наташу удалила, еще и заговор на смерть сделала.

— Подожди, не тарахти. А сам Саша что говорит?

— В заговор не верит, но Марину оправдывает. А Наташа белый платок три дня носит, сегодня срок истекает и в полночь на кладбище надо. Дед, пойдем, а?

Николай Иванович помолчал и повернулся к Наташе.

— Что, вы вправду с ним пожениться собирались?

— Да, в тот день кольцо должны были купить. Я сама выбирала. Только он не пришел.

— А красивое кольцо-то?

— Да, очень.

— Дорогое?

— Двадцать тысяч.

Николай Иванович вышел в соседнюю комнату, долго стучал и шуршал чем-то за дверью, потом вернулся и протянул Наташе сложенные купюры.

— Езжай за кольцом.

— Как?

— Так. Купи кольцо и возвращайся с ним сюда.

На кладбище мы не пойдем. Я знаю, как заговор с тебя снять. Ну, чего стоишь?

— Спасибо! Я сразу верну! У меня на свадьбу деньги отложены.

— Не суетись. Когда сможешь — вернешь. А для тебя, Ира, тоже задание есть: будешь праздничный стол готовить. Вот тебе на расходы. Сейчас список продуктов составим.

Когда Наташа вернулась, прижимая к груди пакетик с заветной коробочкой, стол уже был накрыт и притягивал взгляд продуктовым изобилием. Около каждого прибора блестели хрустальными гранями фужеры и стопочки.

Девушки приготовились сесть за стол, но Николай Иванович их остановил:

— Рано. Сначала подготовительную работу провести нужно. Доставай телефон, Наташа. Откуда, говоришь, тебя из друзей удалили? Вот теперь из всех этих мест Александра убирай и номер его блокируй.

Наташа выполнила указание старого полковника, без сожаления разорвав последние непрочные ниточки, связывавшие ее с неверным возлюбленным. Николай Иванович удовлетворенно кивнул, плеснул на самое дно стопочек пахучего французского коньяка и скорбным го-

лосом произнес:

— Сегодня в социальных сетях и виртуальном пространстве скоропостижно скончался Александр Синцов. Почтим его память, но вставать не будем.

Ирина хмыкнула, а по исхудавшему лицу Наташи медленно покатилась одинокая слеза. Николай Иванович снова налил всем немного коньяка:

— Не плачь, слезами горю не поможешь. В связи с виртуальной кончиной Александра Синцова объявляю Наталью Белянскую его вдовой. Надевай кольцо, Наташа! Носи и помни, что не всем людям доверять можно.

Потом Николай Иванович подвинул к себе бутылку шампанского и провозгласил:

— В связи с вышеизложенным заговор на смерть Натальи Белянской будем считать недействительным. Заговариваю тебя, Наташа, на жизнь — радостную и счастливую!

Пробка звонко ударила в потолок, возвещая начало новой жизни. Наташа уплетала пироги и салаты и украдкой поглядывала на левую руку, где маленький бриллиант во «вдовьем» кольце вспыхивал разноцветными искорками. Голова у нее кружилась от шампанского или от какого-то

нового, незнакомого чувства, которое трудно выразить словами.

Зато Наташа уже не боялась ночи и в первый раз за эту неделю спокойно проспала до утра.

Проверка

В пятницу Лариса Витальевна шла на работу в плохом настроении. Никак не могла забыть о странном разговоре с подругой. Вчера, после обеденного перерыва, Нина забежала к ней с таинственным и важным видом. Она строго окинула взглядом комнату и решительно заявила: «А ну, девчонки, погуляйте пять минут, нам с Ларисой Витальевной пошептаться надо». Молодые сотрудницы засмеялись, защебетали, пестрой стайкой радостно вспорхнули со стульев и скрылись в коридоре.

Нина удобно устроилась в кресле напротив и строго посмотрела на Ларису Витальевну.

— Ну давай!

— Чего давать? — удивилась Лариса Витальевна.

— Колись про своего!

— Не поняла. Чего ты хочешь?

— Ну рассказывай!

— Да что рассказывать?

— А что, нечего рассказать? Может, и не было ничего? Ты мне лапшу на уши не вешай! Я тебя сто лет знаю, Ларка! Врать ты не умеешь!

— Так, Нина, давай еще раз. Что я должна тебе рассказать?

Нина с обидой смотрела на подругу и молчала.

— Нина! Ну ты чего?

— Ничего. Не хочешь — не надо.

Нина резко встала и быстро вышла из комнаты. После работы она пулей промчалась мимо Ларисы Витальевны, хотя им было по пути.

Вот и сегодня подруга прошла мимо с высокомерным и независимым видом. Лариса Витальевна окликнула ее, но Нина даже не оглянулась.

Вздохнув, Лариса Витальевна углубилась в отчетную документацию, но тут зазвонил телефон. Секретарь пригласила ее на совещание.

К удивлению Ларисы Витальевны, в кабинете начальника больше никого из сотрудников не было. Женщина вопросительно взглянула на молодого руководителя, который почему-то отводил взгляд и задумчиво крутил в руках мобильный телефон. Повисла неловкая пауза.

— Я вас слушаю, Вадим Александрович, — официально напомнила о своем присутствии Лариса

Витальевна.

Начальник вздрогнул, выронил телефон, долго искал его под столом. Потом поправил волосы и неожиданно тонким голосом произнес:

— Как вы знаете, я никогда не позволял себе вмешиваться в личную жизнь сотрудников. Но если есть сигналы, я обязан как-то реагировать. Понимаете?

— Конечно, — согласилась Лариса Витальевна.

— Поэтому я прошу вас, как серьезного и ответственного работника…

Тут начальник запнулся и густо покраснел.

— Просите о чем? — уточнила Лариса Витальевна.

— Скорректировать свои отношения с Денисом Поляковым, — твердо сформулировал Вадим Александрович, облегченно вздохнул и продолжил: — Уже несколько раз звонила его невеста, почти жена. Жалуется…

У Ларисы Витальевны гулко застучало в висках. Она помолчала и тихо спросила:

— А с Денисом Поляковым вы разговаривали?

— Конечно.

— И что он вам сказал?

— Что мужчина такие вопросы ни с кем не обсуждает.

Лариса Витальевна уняла противную дрожь в руках и твердо заявила:

— Зовите его сюда.

— Сюда? — растерялся начальник.

— Да. Немедленно.

Денис Поляков, крепкий высокий парень, всегда модно и дорого одетый, вошел в кабинет начальника с довольным видом и широкой улыбкой:

— Приветствую вас, дорогие коллеги! Чем обязан?

— Объяснить обязан! — не сдерживаясь, завизжала Лариса Витальевна. — Объяснить, откуда эти нелепые!.. — Тут она закашлялась, и начальник услужливо подвинул ей стакан с минеральной водой.

— Объясняю, — спокойно ответил Денис. — Дело в том, что мы с невестой Ириной подали заявление в загс. И я решил проверить, насколько серьезно она ко мне относится. Ну, любит меня или так…

— И что? — звенящим голосом осведомилась Лариса Витальевна.

— И пустил слух, будто мы с вами…

— А со мной-то почему? Почему именно со мной? — перебила его Лариса Витальевна.

— А с кем? С Ниной Фёдоровной, что ли? Или с этими свиристелками сопливыми? Коллектив у нас небольшой. Вы женщина в расцвете лет, как раз подходите.

— Денис, вы вообще нормальный?

— А что такого? Симпатичный молодой человек и видная женщина в бальзаковском возрасте. Бывает сплошь и рядом.

Все замолчали. Потом начальник осторожно поинтересовался:

— И каков результат проверки?

— Отличный результат. За меня всех порвать готова, как Тузик грелку. Любит, значит. — Лицо Дениса расплылось в смущенной счастливой улыбке.

Лариса Витальевна ахнула и закашлялась.

Вадим Александрович хрюкнул, потом сделал серьезное лицо и строго приказал Денису:

— Немедленно извинитесь перед Ларисой Витальевной!

— За что? — удивился Денис.

Несколько минут участники совещания озадаченно переглядывались, а потом начальник, запинаясь, неуверенно выговорил:

— Ну… это… как бы… за дискредитацию репутации.

— В чем же тут дискредитация? Наоборот, любовник молодой и перспективный. Еще завидовать будут!

Этого Лариса Витальевна вынести уже не смогла. Она выскочила из кабинета и побежала по коридору. Денис бросился за ней и взял за руку.

— Да подождите вы!

Со всех сторон за ними с интересом наблюдали сотрудники.

— Не обижайтесь! Это же просто проверка была. Как мне еще убедиться, что Ирке я нужен, а не квартира моя и не машина? А вы женщина очень симпатичная. Только знаете что?

— Что еще? — обреченно выдохнула Лариса Витальевна.

— Зря вы мини не носите. У вас ноги красивые, вам бы пошло платье такое, короткое и облегающее… — Денис жестами стал показывать, каким должно быть короткое облегающее платье. Проходивший мимо главный бухгалтер Иван Васильевич замедлил шаг и осуждающе покачал головой.

Лариса Витальевна закрыла руками пылающие щеки и спряталась в туалете. Она долго смотрела в маленькое мутное окошко, выходившее на автомобильную стоянку. Потом собралась с силами

и вернулась на рабочее место.

Только дома женщина дала волю эмоциям. Она в лицах изображала «совещание» и кричала мужу:

— Представляешь?! Нет, ты представляешь?!

— Представляю. Эта Ирина мне на мобильный тоже два раза звонила.

Тут Лариса Витальевна заплакала в голос. Муж погладил ее по голове:

— Ларочка, ну что ты в самом деле?

— Денис этот… хам такой… сказал, чтобы я платье купила, облегающее, ми-и-ини, — прорыдала Лариса Витальевна.

— Вот и купи, — спокойно ответил муж.

— Что купить? — встрепенулась Лариса Витальевна.

— Платье себе новое купи и забудь про всю эту ерунду.

Выходные Лариса Витальевна провела в магазинах. В большом торговом центре она купила себе облегающее платье мини. И новый комплект белья. И еще туфли. И сумку. И… В общем, много чего купила.

В понедельник Лариса Витальевна в новом белье, платье и туфлях, с новой сумкой шла на работу и улыбалась.

Без вранья

Саша опоздала на родительское собрание. И напрасно, потому что собрание было посвящено ей. Точнее, ее сыну Алёше, ученику 5-го «А» класса, который ждал мать в школьном коридоре и выразительно тыкал пальцем в циферблат часов.

Саша птицей взлетела на пятый этаж, рванула тяжелую дверь и ворвалась в классную комнату. Невнятно пробормотав приветствие, женщина, задыхаясь, плюхнулась на ближайшее свободное место, рядом с незнакомым высоким мужчиной в строгом дорогом костюме.

«Проверяющий!» — холодея, поняла Саша. Господи, что же теперь будет?

— Наконец-то все в сборе, — удовлетворенно произнесла классный руководитель Ирина Александровна. — Всем известно, по какому печальному поводу мы сегодня собрались.

Родители неопределенно промолчали, а учительница продолжила:

— Вчера Алексея Сырцова застали на школьной крыше, где он бросал вниз камни и обломки черепицы.

— И только по этому поводу мы сегодня собра-

лись? — раздался недовольный возглас мамы Веры Костенко. — Я совещание отменила!

— А я — встречу с партнерами, — поддержал папа Иры Масликовой.

— Ремня дать пацану — и всё, — предложил папа Васи Стрельникова.

— Нет, не всё! — жестко отвергла его предложение Ирина Александровна. — Мы должны реагировать. Алексей Сырцов совершил дикий и безнравственный поступок. И как раз в тот момент, когда нас проверяет комиссия из комитета образования.

Мужчина в дорогом костюме расправил плечи и обвел строгим взглядом притихшую аудиторию.

На Сашу пахнуло сложным ароматом хорошей кожи и тонкого одеколона. Женщина сразу узнала этот запах уверенности и достатка: так пахло в фирменном отделе «Массимо Дутти» большого торгового центра. Саша не часто заходила туда, обычно пробегала мимо, стеснялась своей скромной одежды. Ей казалось, что холеные молодые продавщицы будут смеяться над застиранными джинсами и простеньким синим «дутиком»: «дутик» не вписывался в изысканный мир Дутти, где обычный на вид свитер стоил больше Сашиной

месячной зарплаты. Поэтому сейчас чужеродный «запах Дутти» от случайного соседа по парте в очередной раз напомнил женщине о ее незавидном положении.

В это время родители под напором энергичной Ирины Александровны вяло обсуждали безобразное поведение Алёши и наспех произносили дежурные слова осуждения. Было заметно, что всем хотелось поскорее покончить с этим скучным и неприятным собранием и отправиться домой по своим важным делам. Поэтому усталые мамы и папы вежливо вытерпели и стенания классного руководителя, и долгие нравоучения «проверяющего»:

— Разумеется, необходимо принять самые строгие меры для пресечения деструктивной активности ученика. Такое баловство подростка неестественно, просто социально опасно, не говоря уже о том, что оно глупо и бессмысленно.

Закончив речь, «проверяющий» важно опустился на свое место, и вновь на Сашу повеяло «запахом Дутти». Женщина почувствовала, что задыхается от этого богатого, лживого запаха. И тут ее понесло.

— Да сколько можно врать?! Будто вы никогда не баловались глупо и бессмысленно! Вот я в свои

десять лет гостила у бабушки. Глухая деревня, развлечений мало. Вечером мы с ребятами у дороги прятались, в бурьянах…

Она так и произнесла — «в бурьянах», как в деревне говорили, с ударением на последнем слоге, и умолкла.

— И что делали? — строго уточнила Ирина Александровна.

— Комья земли и камни бросали в проезжавшие машины, — закончила Саша упавшим голосом, внутренне ужасаясь внезапно вырвавшейся откровенной и жестокой правде.

— Значит, у Лёшки это наследственное, — догадался папа Иры Масликовой.

Все засмеялись.

— Попадали хоть? — с сомнением пробасил папа Васи Стрельникова, тренер баскетбольной команды.

— Попадали, — созналась Саша. — Как-то даже стекло ветровое разбили.

— А машины часто ездили? — спросила мама Веры Костенко.

— Нет, редко.

— А когда машин не было, что делали? — деловито поинтересовалась мама отличника Валеры Ивлева.

— В велосипедистов бросали, — честно ответила Саша.

— Не били вас? — сочувственно вздохнула мама Нади Белеховой.

— Нет, мы сразу разбегались и прятались.

— Что ж вы, так всей толпой и бежали? — вмешался папа Вити Шмитко, преподаватель ОБЖ, и снисходительно усмехнулся. — В разные стороны разбегаться нужно было, по одному!

Он покачал головой и недовольно пробурчал себе под нос: «Учишь их, учишь…»

— А прятались где? — прозвучало сразу несколько голосов.

— За магазином. Потом можно было на другую улицу огородами уйти. Или у деда Вити за забором. У него сад такой был, полузаброшенный.

Родители замолчали. Самые молодые из них, мама и папа Серёжи Ледяева, тихо перешептывались и изредка фыркали от сдерживаемого смеха. Остальные задумчиво и светло улыбались своим мыслям.

Пауза затянулась. Первой не выдержала учительница:

— Что вы такое говорите, Александра Викторовна? Хватит воспоминаний. Не отвлекайтесь, пожалуйста! У нас ЧП. Мы обсуждаем поведение

Алексея. Он совершил безобразный поступок, за который должен быть строго наказан.

— И что его, убить теперь? — пожалела Алёшу мама Нади Белеховой.

— Камнями забросать, — подсказал папа Иры Масликовой.

— Я же говорю: ремня дать — и дело с концом! — повторил свое предложение папа Васи Стрельникова.

— Детей бить нельзя! — решительно возразила мама Валеры Ивлева. — Всегда можно найти правильные слова! Поговорить, объяснить нужно!

Ирина Александровна беспомощно обернулась к «проверяющему». Тот сидел с отрешенной, задумчивой улыбкой, вовсе не отвечающей серьезности момента.

— Владимир Петрович! — жалобно воскликнула учительница. — Скажите им!

«Проверяющий» поерзал на жесткой парте и, запнувшись, произнес:

— Да, поговорить и объяснить нужно мальчику, что он мог попасть камнем в прохожих.

Потом помолчал и неуверенно добавил:

— Или в машину мог попасть.

— Или в велосипедиста, — дополнил папа Иры Масликовой.

Мама и папа Серёжи Ледяева дружно хрюкнули от смеха, но под осуждающим взглядом классного руководителя неестественно закашляли в унисон.

Вновь повисла тяжелая пауза.

Ирина Александровна с надеждой взглянула на «проверяющего», но тот не спешил продолжить речь. Поэтому учительница подвела итоги:

— Обсудив поведение Алексея Сырцова, мы пришли к выводу, что педагоги нашей школы, конечно же, примут необходимые меры, чтобы подобные поступки никогда не повторялись. В свою очередь, Александре Викторовне следует быть с сыном строже и уделять его воспитанию больше внимания, — и мстительно заключила: — Тем более что она воспитывает сына одна, мальчику не хватает мужского влияния.

Саша вспыхнула и выскочила из класса. Алёша бросился к матери, но она оттолкнула его и понеслась вниз по лестнице. Мальчик грустно потрусил следом.

— Подождите!

Саша обернулась.

Ее догонял «проверяющий»:

— Вы не расстраивайтесь! Всякое у мальчишек бывает.

— Бывает, — печально согласилась Саша.

— Вам в какую сторону? — поинтересовался «проверяющий».

— В противоположную, — вдруг разозлилась Саша и резко повернула к скверу. Клеится он, что ли? Еще этого не хватало! У сына на глазах! Саша обернулась, но мальчика нигде не было видно. Зато «проверяющий» не отставал:

— Не сердитесь! Если не очень торопитесь, давайте здесь на скамейку присядем. Я вот сказать хотел…

— Слушаю, — официально отозвалась Саша, но самой уже стало интересно: что придумал этот красавчик с «запахом Дутти». Она неохотно опустилась на скамейку и внимательно посмотрела на «проверяющего». А тот сел рядом, помолчал и, неожиданно смутившись, выдавил:

— Я вам скажу: здорово вы сегодня на собрании выступили. Без вранья. Мы сами такими же были. И баловались сильно. У нас рядом с домом частный сектор был. Жила там одна пожилая женщина. Домик старенький, садик маленький, немудреный: пара яблонь да груша. Мы к ней даже никогда в сад не лазили. Да и забор там был из ветхих колышков. Как-то мы с ребятами со Славкиного балкона увидели, что она намыла

много стеклянных банок и по колышкам на заборе сушиться развесила. Штук двадцать их было, наверное. Как хозяйка из дома ушла, стали мы с балкона по этим банкам из рогаток стрелять. Зачем — и сам не понимаю. Помню, так нам весело было, интересно: стекло звенит, банки на кусочки разлетаются. Так и стреляли, пока все не перебили. Скоро старушка домой вернулась. Мы на балконе стоим, смотрим, а она вошла во двор, у забора остановилась и колышки пустые трогает. Потом молча в дом ушла. А мне так стыдно стало! До сих пор, как вспомню — жаром обдает.

— И мне стыдно было, — вдруг разоткровенничалась Саша. — Я однажды кукольное платье украла. У своей одноклассницы Нины — она нас, девчонок, к себе в гости пригласила. Семья у нее обеспеченная: квартира большая, в престижном доме. У Нины своя комната была, они ее детской называли. Представляете, в этой детской комнате, в углу, специальная кукольная квартира была оборудована, с мебелью! Кровать, диван, шкаф — все как настоящее. За столиком красивая кукла сидела. И имя у нее тоже красивое было — Элиза. А платьев кукольных в шкафу — целый набор. Я потихоньку одно и стащила: голубое, с кружевом. В коридор выскочила и в портфель засунула. До-

мой принесла — а оно помятое всё, подол чем-то запачкался. И ведь совершенно ни к чему мне было это платье! У меня и куклы-то такой не было, чтобы в это платье одеть. Я его потом в мусорное ведро выбросила. А мама нашла и ругала меня сильно. Даже собралась платье выстирать и обратно Нине отдать, но потом передумала. Не хотела меня позорить. И так трудно жили: отец болел, мать на двух работах, еще братишка совсем маленький…

— Знаете, а мы тоже трудно жили, — стал вспоминать «проверяющий». — Помню, как впервые в богатый дом попал. Только не к однокласснице, а к девочке одной. Мы и знакомы с ней толком не были, но она мне очень нравилась. Звали ее Наташей. Красивая: волосы черные, волнистые. Тоненькая такая, стройная. Балетом и музыкой занималась. Идет всегда гордо, как королева. Она мимо наших пятиэтажек обычно из музыкальной школы домой возвращалась. Как-то смотрю: Наташа не одна, а с Вовкой Сидоровым из 6-го «Б». Идут и весело о чем-то болтают. Я, конечно, Вовку расспрашивать стал, и он мне рассказал, что его и Наташины родители вместе работают. А главное — у девочки скоро день рождения, куда Вовку с ребятами пригласили. Тут мне больше всего на

свете захотелось на этот день рождения попасть. Вовка понял, конечно, о чем я мечтаю, и говорит: «Возьму, если будешь вести себя пристойно». Мол, там все такие крутые да воспитанные будут, не мне чета. Я согласился. Мылся, чистился, лучшую рубашку надел, джинсы новые — как на праздник. Пришли — а там полный дом гостей. Девчонки, ребята незнакомые. Я Наташе букет протянул, а у самого руки дрожат — чуть не выронил. Она улыбнулась, к столу пригласила. А на столе всего полно, такая еда, какой я в жизни не видел. Ну я и стал метать всё подряд… Сижу рядом с Вовкой да ем, в разговоры не вступаю, веду себя пристойно. Только чувствую — требуется мне по неотложной нужде выйти. Я тихонько Вовке на ухо о своей беде шепчу, а он как заорет возмущенно на всю комнату: «Веди себя пристойно! Какой тебе тут сортир?»

Я в коридор выскочил. Дверь открыть не могу, дергаю — без толку. А в комнате хохот стоит. Не помню, как я оттуда выбрался, до дома не добежал. Пришлось под куст завернуть вот в таком скверике.

«Проверяющий» окинул взглядом сквер и засмеялся.

За спиной неожиданно раздался веселый дет-

ский смех. Листья зашуршали, и над низкими кустиками солнышком засияла знакомая рыжая макушка.

— Алёша, ты что, подслушивал? — возмутилась Саша.

— Больно надо! Вы сами на весь сквер орете.

— Вот ты какой, Алёша! А меня зовут Владимир Петрович. Я в комитете образования работаю. Сегодня у вас в школе на родительском собрании был.

Алёша опустил голову и тихо спросил:

— Сильно ругались? Я не буду больше…

— Правильно, куда уж больше! Больше и не надо. Ты сейчас домой возвращайся. За маму не беспокойся, я ее обязательно провожу. У нас еще с ней здесь дела важные.

Алёша утвердительно кивнул и пошагал к дому. А Саша улыбнулась про себя: надо же — дела важные! Здрасте — и до свидания! Вот и все дела.

Но женщина не угадала. Еще много раз Владимир с Сашей встречались по важным делам — для разговоров без вранья.

А потом поженились.

Транзитный вариант

В приемной директора многопрофильного колледжа было душно. Маленькая рыжая девушка тоскливо смотрела в окно и горько сожалела о своем приходе в среднее учебное заведение, куда она «по звонку» устраивалась на новую работу — преподавателем литературы.

Еще вчера рыжая Елена Алексеевна (или просто Леночка, как ласково именовали ее друзья и коллеги) была блондинкой, преподавала в университете зарубежную литературу и даже не помышляла о смене трудовой деятельности. В корне изменило ситуацию некое событие, на сухом языке милицейского протокола называемое рукоприкладством. Девушка ударила по лицу проректора по учебной работе Хасбулата Умаровича Идрисова, когда в своем кабинете тот неожиданно набросился на нее с объятиями и поцелуями.

До этого ей никогда и никого бить не приходилось. Более того, улыбчивая Леночка всегда относилась к окружающим очень доброжелательно и в свои двадцать восемь лет была уверена, что все ее любят. А если кто-то и не лю-

бит, то просто потому, что с ней незнаком (или знаком недостаточно хорошо). И действительно, девушку везде любили: и в семье, и на работе.

Впрочем, Леночка предполагала, что и Хасбулат Умарович ее любит. По-своему… Но зачем проявлять чувства так дико и грубо?

После рукоприкладства Леночка совершенно не знала, как жить и работать дальше. Она не заплакала (потому что вообще плакала редко, да и поводов не было), а пошла на дружественную кафедру педагогики и психологии за квалифицированной помощью.

Заведующий кафедрой Виктор Михайлович Зубков знал Леночку еще с тех славных времен, когда они вместе играли в стэмовских спектаклях. Тем не менее по отношению к девушке профессор лишнего себе не позволял и всерьез возмутился неджентльменским поведением проректора. Понимал Зубков и то, что в одном учебном заведении с мстительным горцем его молодой коллеге работать теперь не стоит.

Поэтому Виктор Михайлович отправил Леночку погулять, покрутил в руках телефон, полистал истрепанный блокнот и тяжело задумался о том, куда и кому стоит звонить с просьбой о трудоустройстве в середине мая.

От бесплодных размышлений его отвлекло появление старшего товарища — толстого бородатого профессора Краснова.

Заведующий кафедрой всемирной истории Виталий Сергеевич Краснов славился своей любовью к застольям, песням и мату (разумеется, не к тяжелому и примитивному, а к изящному, острому и виртуозному). Любому слову он мог моментально придать неприличный оттенок и смысл и делал это так часто, непринужденно и смешно, что на него давно перестали обижаться. Даже высокое начальство, вызвав профессора на ковер для разноса, на второй минуте разговора начинало фыркать и давиться от смеха, а к концу беседы напрочь забывало о первоначальных карательных намерениях.

Хасбулата Умаровича Краснов не любил и называл его не иначе как ХУИ (полупристойной аббревиатурой из имени, отчества и фамилии проректора). К Леночке же, наоборот, относился с искренней симпатией. Поэтому, кратко и совершенно непечатно охарактеризовав поведение ХУИ, Виталий Сергеевич лишь на минуту задумался и радостно воскликнул: «Есть вариант — Букин!»

Директор многопрофильного колледжа Букин

(фамилию которого Краснов в свойственной ему манере произносил иначе) был несчастным отцом одного из студентов исторического факультета. За два года обучения в университете Букин-младший успел прославиться стойким пренебрежением к учебе, абсолютным неприятием вузовских дисциплинарных требований, а также необузданно-игривым нравом и безграничной фантазией.

Поэтому многострадальный Букин-старший знал всех университетских преподавателей сына настолько хорошо и близко, что, по словам Краснова, как честный человек, давно уже должен был бы на каждом из них жениться. А с а-мому Виталию Сергеевичу — еще и выплачивать алименты за наиболее частые и продолжительные контакты.

Следствием студенческой несостоятельности беспутного сына Букина стало устройство на работу в колледж уже двух детей профессоров-историков. Недавние выпускники того же исторического (во всех отношениях) факультета тоже доставляли директору немало хлопот. Но до Букина-младшего им было бесконечно далеко.

Сомнительные успехи молодых историков на педагогическом поприще регулярно становились

предметом межкафедрального родительского обсуждения. А в последнее время частым стало упоминание о проблемах с преподавателями литературы, которые сменялись в колледже с поразительной быстротой. Причины текучести кадров среди представителей изящной словесности не обсуждались. Но на данный момент это было и несущественно. Главное сейчас — Леночке помочь. Устроили же к Букину двух профессорских детей. А где двое, там и трое. Кстати, и она — тоже дочка профессора.

Глубокомысленно заключив: «Бог Троицу любит», Краснов с ходу набрал хорошо знакомый номер. Так вопрос с трудоустройством Леночки был решен.

А та, пока вершилась ее судьба, уже перестала грустить и радовалась обретенной свободе: неторопливо прошлась по магазинам, забрела в парикмахерскую, где в преддверии новой профессиональной деятельности постриглась и покрасила волосы в рыжий цвет. В результате стала выглядеть еще моложе и легкомысленнее.

Дома свекровь радостно сообщила о звонке Виталия Сергеевича с замечательным предложением для невестки: новая работа в колледже, где и зарплата больше, и директор знакомый, и

коллектив прекрасный. Правда, начинать работать надо прямо сейчас, чтобы вакантное место не заняли. А диссертация может и подождать.

Удивившись и порадовавшись про себя изворотливости и хитрости профессорского ума, Леночка, разумеется, с восторгом согласилась.

Вот почему сейчас она томилась в ожидании неведомого Букина, и свежеокрашенные рыжие волосы ярким факелом сияли в темноватой приемной. Леночка ерзала на скользком черном диване, отворачивалась от сурового взгляда дородной директорской секретарши и утешала себя мыслями о том, что новая работа станет лишь непродолжительным «транзитным вариантом».

Наконец появился худой усталый Букин. Леночка с радостной улыбкой протянула ему папку с документами, которую тот взял в руки осторожно и неохотно.

— Скажите, Елена Алексеевна, сколько лет и где вы преподавали?

— Пять лет, в университете, на кафедре зарубежной литературы.

Директор поморщился. С некоторых пор слово «университет» наполнилось для него зловещим, пугающим смыслом. Горькие воспоминания о специфике обучения беспутного сына отозвались

в родительском сердце тупой болью. Букин тяжело вздохнул и грустно заключил:

— Понятно.

Хотя было совершенно непонятно, как эта девчонка сможет вести занятия на отделении ПТБ — у хулиганов-пожарных, в группах, от которых последовательно отказывались все преподаватели.

Отказников-филологов на этот день набралось уже шесть. Зато сын у Букина был один-единственный. Поэтому директор подписал Леночкино заявление и не без некоторого ехидства пожелал ей успехов.

Тут ему некстати вспомнился анекдот о попугае, который любил рассуждать на политические темы. В наказание за свободомыслие хозяин на целый день закрыл его в холодильнике. А поздно вечером, выпуская из плена замерзшую птицу, злобно заметил: «Будешь знать, падла, что такое Сибирь».

Но довольная Леночка, не заметив подвоха, резво застучала каблучками в направлении отдела кадров, ловко лавируя в толпе рослых студентов, высыпавших на перемену. Чей-то жидкий тенорок над самым ухом гнусаво пропел: «Рыжая-рыжая, рыжая-бесстыжая». Леночка не

обиделась, напротив, мысленно согласилась с точной оценкой своего нового образа: «В самом деле — бесстыжая: проректору по физиономии настучала, дома всех обманула с этим “транзитным вариантом”. И ведь не стыдно ни капельки!»

Собираясь в колледж на свой первый урок, Леночка надела нелюбимую строгую блузку и единственную длинную юбку, почти до середины колена. Случай был особый, и девушка решила пожертвовать красотой ради обретения преподавательского авторитета.

Колледж — не университет. Там другой контингент.

Леночка хорошо помнила страшный рассказ однокурсника Коли Дорохова про его педагогическую практику в ПТУ № 21. Там тридцать будущих слесарей на первом же занятии приветствовали студента коллективным корявым матом, а двое тут же затеяли нешуточную драку. Высокий спортивный Дорохов без особого труда раскидал драчунов по разным углам класса, громко стукнул журналом по учительскому столу и заявил:

— Я вас…., после занятий всех…….. на…, а сейчас…., заткнитесь…! Потому что…, на уроке…, нужно…, учителя слушать, а не… заниматься…!

Группа растерянно умолкла, потрясенная

суровой правдой Колиных слов и вескостью приведенных аргументов. А молодой педагог-новатор подчеркнуто вежливо начал урок, обращаясь к оппонентам исключительно на «вы». Зато на перемене дал волю чувствам и словам. Таких виртуозных ругательств ребята не слышали ни от кого и никогда. Они восторженно внимали изысканным филологическим матерным руладам и, судя по напряженным и сосредоточенным лицам, пытались запомнить хотя бы малую часть сказанного (чтобы потом с гордостью воспроизвести в кругу друзей).

На следующем уроке практикант опять поразил всех отстраненной вежливостью и серьезностью поведения. В результате его подопечные, охотно приняв предложенные «правила игры», постепенно вошли в рабочий ритм учебного процесса. Дорохова ребята полюбили настолько, что после окончания его практики написали директору училища коллективное письмо-просьбу о том, чтобы занятия и дальше продолжал вести студент.

Поэтому Леночка настроилась на непростую встречу с юными огнеборцами, но со свойственным ей легкомыслием заранее радовалась грядущим ярким впечатлениям. Поэтому появилась

в колледже с безмятежным лицом и обычной веселой улыбкой.

Новые коллеги смотрели на лучезарную Леночку с интересом и нескрываемым сочувствием, а преподаватель немецкого языка Ирина Сергеевна даже зачем-то ее перекрестила. При этом глаза пожилой женщины подозрительно заблестели.

Вскоре в недрах коридора задребезжал звонок, возвещая о неизбежном начале учебного процесса. Леночка поспешила на занятия. Она честно (но тщетно) пыталась ощутить себя опытным педагогом Еленой Алексеевной. Однако этот зыбкий и неопределенный образ безвозвратно канул куда-то в глубину глубин ее мятущейся памяти.

В душной и грязной аудитории двадцать пять студентов первого курса толкались, плевались жеваной бумагой из самодельных трубочек и отчаянно орали. Двадцать шестой молча писал на доске крупными буквами неприличное слово.

«Красивый почерк», — отметила про себя Леночка. Собравшись с духом, она громко поздоровалась с группой и, пользуясь минутой внезапной настороженной тишины, участливо обратилась к двадцать шестому:

— Молодой человек! Вы напрасно расписываетесь на доске. Она нам сейчас понадобится.

Да и фамилия у вас… неблагозвучная. Смеяться же будут!

И они засмеялись. Захохотали. Завизжали. Все двадцать пять человек. А багровый двадцать шестой, что-то злобно бурча, поплелся в конец аудитории и плюхнулся за последний стол.

Когда смех утих, Леночка представилась и начала знакомство с группой. Тут ей опять пришлось сделать над собой усилие, так как на каждую названную фамилию охотно откликалось сразу несколько человек. Оппоненты отчаянно спорили между собой, а их товарищи так же шумно радовались замешательству молодого педагога.

Леночка решила пойти другим путем. Она попросила каждого написать свою фамилию на общем листке, и результат поразил ее однообразием и примитивностью студенческого мышления. Большая часть фамилий оказалась незатейливыми матерными производными.

Горестно вздохнув, Леночка заметила:

— Да, нелегко вам с такими фамилиями. Ну ничего, женитесь — поменяете.

Группа опять засмеялась, но уже не так громко и уверенно.

Повисла неловкая пауза. И Леночка от растерянности вдруг начала непедагогично рассказывать

о том, как на пятом курсе, после ее замужества, рассеянный пожилой преподаватель языкознания вписал в групповой список новую фамилию девушки, но не вычеркнул старую. На каждом занятии он исправно вызывал Леночку к доске под разными фамилиями и очень удивлялся, когда отвечать выходила одна и та же студентка.

— Так вы замужем! А дети у вас есть?

— Да, сын. Такой же шумный, как вы. Только помладше. Лет на десять.

— А как его зовут?

— Не скажу. Вы же мне своих имен и фамилий не называете. Написали какую-то ерунду, да еще и с ошибками.

— Где, где с ошибками?

— Ну вот, например, «пидарас». Нет такого слова.

— Как же нет, когда все говорят?!

— Говорят далеко не все. А правильно произносится и пишется «педераст».

— Андрюха, понял, как правильно?

— Да ну на…!

— Не, он не запомнит!

— Пусть дома крупными буквами на бумаге напишет, над кроватью повесит и учит каждый день. Так иностранные слова запоминать

удобнее.

Беседа приобретала конструктивный характер, хотя Леночка с ужасом осознавала, что сворачивает на протоптанную Колей кривую педагогическую тропу. Поэтому попыталась взять инициативу в свои руки:

— А какие произведения вы успели изучить?

— Никакие.

— Про темное царство всякое…

— А, муть одна…

— «Гроза» — это совсем не муть!

Леночка так обиделась за Островского, что начала пересказывать сюжет пьесы своими словами, с непритворным волнением и страстью. Она искренне возмущалась жестокими нравами города Калинова, ругала злобную Кабаниху, презирала тупого Тихона и безвольного Бориса, сочувствовала покинутой Катерине.

Звонок прозвучал неожиданно быстро и громко. Все двадцать шесть студентов продолжали оставаться на своих местах. На их лицах проступало одинаковое удивленное выражение невольной причастности к высокому искусству.

— А дальше что?

— Прочтете сами — и все узнаете. А дома напишете сочинение о том герое, который больше

всего понравился. Или, наоборот, не понравился. До свидания.

Сквозь нестройный прощальный гул прорвался запоздалый одинокий вопль:

— А как вас зовут?

И чей-то тихий голос из толпы со смехом ответил ему:

— Рыжая.

Леночка услышала и улыбнулась, еще не подозревая, что новое прозвище останется с ней на долгие-долгие годы «транзитного варианта».

Ольга Камарго

Родилась 10 августа 1980 года в г. Краснодаре, получила образование по специальности «экономист по бухгалтерскому учету, экономическому анализу и аудиту» в КубГАУ.

С 2006 года жила в Санкт-Петербурге, с 2021-го — в Москве. В настоящее время работает главным бухгалтером.

Номинирована на премии «Писатель года» (2015–2022). Финал 2016–2018. Произведения автора опубликованы в «Чешской звезде», «Трех

желаниях», «Крае городов», каталоге ММКВЯ — 2016, 2018, 2020, 2022. Заняла 3-е место на фестивале «ЯЛОС-2017» в номинации «Детская литература». Участник международных конференций «РосКон» (2018–2022). Сквайр фантастики и детской литературы по итогам международной конференции «РосКон-2019». Лауреат третьей степени в номинации «Фантастика» по итогам Пушкинского фестиваля (2019). Участник фестивалей «Поехали» (2019–2022) и мероприятий СКОЛ.

Мальтийский заговор

Фигуры в капюшонах обсуждали в полутемном подвале важные дела. Им не нужны были свет и огласка.

— Слышали, братья, какую силу имеет мытье рук хлорной известью?

— Да, мне кажется даже, что нам нужно больше времени уделять этому вопросу.

— А я слышал, что это только в родильных домах работает. При чем тут все остальные?

— Так грязь — она во всех больницах. Если они еще докажут, что и родильная горячка от этого…

— Никакого «если», брат. «Когда», причем, судя

по всему, очень скоро. Вопрос с инфекцией возник как причина высокой смертности.

— А вы давно были в госпиталях? В родильных отделениях? Умирает почти треть родивших. Это очень много.

— Да и данные у нас есть именно по ним. Но опасность касается всех пребывающих в госпитале…

— Вы слышали? Этот венгерский врач говорил об инфекции из мертвецких. Он проверял, исследовал.

— Да, хотя медицина все же не вполне законна, но и не преследуется.

— Зато этого венгра преследуют. Работать не дадут. Зем-мельвейс же, верно? Слышал, не подпишут ему новый контракт и не продлят старый.

— И на что он будет жить? И работать? Он нам нужен…

— Земмельвейс, Центральная венская больница не продлевает с вами контракта, — говорил главный врач.

— Но смертность в моем отделении почти исчезла! Моя методика работает!

— И при этом вы со всеми переругались! Все жалуются. С вами сложно.

— Я ведь умею работать! У меня хорошие ре-

зультаты! Меня любят пациенты.

— Вы не расслышали? Эксперименты ваши никому не нужны. Вы ни с кем не ладите. Вас никто не поддерживает. Что, скажете, все — карьеристы?

Земмельвейс горестно развел руками. Плохо говорить о коллегах он не мог. Ну а хорошо… Не это сейчас главное! Как же он не понимает, что страдает дело — умирают люди! Так просто переменить все. Всего-то и надо, что обрабатывать руки хлоркой перед каждым пациентом. Ну и разделить по разным дням посещение больных в палатах и трупов в мертвецкой. Живое — живым. Это не безумные вложения средств и времени.

Они же искали причины эпидемии родильной горячки! И теперь не хотят слышать правду. Как так-то? Хотят волшебную пилюлю? Или кому-то выгодна высокая смертность… Не верится даже, что такое возможно. Столько учиться, пройти такой путь, выяснить причину, понять, как это победить, — и что?

А ничего, ему же сказали: в ссоре со всеми, никому не нужен. Раньше валили на церковь да инквизицию, мол, нельзя вообще лечить. Дал бог болезнь — наказание за грехи, помирай и не жалуйся. Мыться и то нельзя — подозрительно.

А теперь вообще причину не говорят. Правда, с одним не поспоришь: не может же всеми повально двигать зависть. Ему остается только откланяться.

Земмельвейс вспоминал свой путь. Где он ошибся?

Может, напрасно он в Венском университете перевелся с юридического факультета? Он сходил тогда в анатомический театр, потом — на несколько медицинских лекций и понял: это — его призвание. Церковь, правда, все еще прохладно относится к лекарям, но уже не мешает. Семья не нуждается, и он может сам выбирать, чем заниматься. Лишь бы получил хорошее образование.

— Ты заносишься, — говорил ему один из наставников, Франц Брейт. — Могу рекомендовать тебя на свое место — заведующего вторым отделением родильного дома. Я тебе говорил? Мне предложили возглавить кафедру акушерства в университете.

— Да, говорили.

— Но придется молчать. Это ты понимаешь?

— Могу ли я исследовать? Ведь я хорошо продвинулся, у меня есть версия, почему так много женщин болеют родильной горячкой. И итог ча-

сто смертельный. А ведь так немного надо, чтобы ею не болели!

— Да, но молча, понимаешь? Никому лекции не читать, ни с кем в споры не вступать. Ты услышал меня? Не кривись, всю жизнь приходится с кем-то считаться. Иначе не дадут работать, не посмотрят на заслуги. С тобой очень сложно.

— Но это для их же блага… Ладно, я понял.

Или он ошибся, принудительно вводя обработку рук медиков хлорной известью? Но молодой акушер выяснил опытным путем, что всему причиной грязь. И лучше ее ничто не уберет. Не сжигать же, в самом деле, по старинке вещи и целые дома!

Но люди просто не хотят работать по-новому. Хотя в больнице дисциплина почти военная и результаты применения методики надежны. А врачи твердят одно: хлорка, мол, руки разъедает. И воняет — въедливый запах преследует всех его врачей, стоит провести какое-то время в отделении.

И кто знает, что повлияло на мнение главного акушера Венской больницы Клейна? Мнимая скандальность заведующего вторым отделением? Лень и невежество коллег? Может, главврача устраивает именно такой Клейн: беззубый и

ведомый человек на этой должности после активного и знающего Боэра. Да и запах хлорки его тоже раздражал. Земмельвейс не видел, как начальник морщился при его приближении. Конечно, друзья его пытались предупредить. Но он всегда столько работал, что не замечал таких вещей, не хотел никого слышать. У него не было другой жизни, вне больницы. И запах хлорки его как раз радовал, это означало спасение, жизнь.

Что вот ему, Земмельвейсу, вменили в вину? Несоблюдение дисциплины и субординации. Известно почему — накричал недавно на чиновника. Тот явился к нему в отделение договариваться о родах жены. Многие приходили с такими просьбами — попасть именно в его отделение. В соседнем умирает от родильной горячки каждая третья, почти как везде, а у него мало кто болеет. И ладно бы пришел просить — нет, с порога началось. Отчего, мол, так сильно воняет? На кого угодно накричал бы, кто работать мешает. И тут нет его ошибки! Игнац упрямо встряхнул головой, отметая сомнения.

Клейн, конечно, не чихнет без высшего соизволения. Так боится служебного расследования в больнице, что не считается ни с чем. Пусть лучше умирает каждая третья в обоих отделениях, чем

менять привычные методики. Зато никто ничего не будет искать!

Над самим Земмельвейсом тучи сгущаются. Друзья сказали, что ходят слухи о его невменяемости, а не просто склочности. Значит, клиники не разбегутся его брать на работу. Не так уж широко медицинское сообщество, все друг друга знают. И чьей-то злобной сплетни хватит, чтобы забыть о его заслугах. Никто не хочет жалоб и постоянного запаха хлорки.

Недавно Игнац Земмельвейс читал лекции перед научным сообществом о полученных результатах и очевидных выводах. Многие поздравляли, но на том все и закончилось. Уволили без всяких сожалений и разбирательств. Еще неделя — и больше он никому не нужен.

Фигура в капюшоне стояла перед пока еще заведующим вторым отделением и просила о беседе. Впрочем, как просила… Скорее, настаивала:

— Мы можем быть полезны друг другу, месье Земмельвейс. Мы наслышаны о ваших исследованиях и хотим дать им ход.

— Вы иезуит, святой отец? — Игнац сразу понял, что перед ним монах. Раз он ищет власти знания, значит, из какого-то ордена. Тем более это странное «мы».

Фигура покачала головой:

— Нет, но направление вы угадали. Я — мальтийский рыцарь Марсель де Браас. Мы много занимаемся госпиталями и больницами. Нам нужны ваши знания и опыт. И я предлагаю вам широкие возможности их применения.

Земмельвейс слушал и думал. У него очень мало сторонников. А поддержка ой как нужна… Не двинуться дальше, жить и то не на что. Сбережения закончатся быстро, он не обманывался иллюзиями.

— Мы слышали ваш доклад от пятнадцатого мая, и у нас есть текст. Не спрашивайте откуда, — остановил месье де Браас жест собеседника. — Слишком уж банальный был бы вопрос. Так вот, мы считаем, что обязаны взять ваши эксперименты под свое покровительство.

— Медицинское сообщество не желает принимать истину. Уже сейчас, имея документы на руках и здоровых женщин.

— Это не совсем так. — Рыцарь лучше знал возможности врача. — Я могу обрадовать. Вас готовы принять без права обучения и посещения мертвецких. Вас вроде бы эти занятия и не привлекали так уж сильно.

— Ну да, теоретиком — больше… Как же мне

исследовать? И применять на практике то, чем я делился с Веной? — Казалось, он был в отчаянии от ощущения связанности.

— Да вы и доклад-то не хотели читать, — мягко напомнил рыцарь. — Друзья уговорили.

Догадка озарила Земмельвейса.

— Это ваших рук дело? Вы уже тогда всё знали обо мне… Прозвучало резковато. Рыцарь едва заметно поморщился:

— Я бы так не сказал. Просто ваши друзья хотели найти для вас возможность высказаться. Мы смогли дать трибуну. А остальное вы сделали сами.

Земмельвейс молчал. Может быть, он впервые столь сильно удивился, что сдерживал взрыв эмоций… как мог.

— С вами сложно, — пожаловался рыцарь словами его начальников и тех многих, кто его критиковал. — Вы фанатик и ждете от остальных того же. А люди живут проще. Даже в работе. Но разговор о другом. Мы готовы оказывать вам покровительство.

— А что вы потребуете взамен? — Врач подумал, что искушение лукавого, должно быть, выглядит именно так. Совсем не пугающе. Когда с рогами и копытами — любому понятно. Рыцарь, правда,

монах. Но и там всего лишь люди. Наверное, и интриги тоже имеют место, как везде.

Рыцарь расхохотался, наблюдая выражение его лица. Не в первый раз Земмельвейс почувствовал, что гость читает его мысли.

— Конечно, мы хотим послушания, — отсмеявшись, проговорил он.

— Мне придется стать монахом?

— Совершенно необязательно. Нам не нужна ваша жизнь… Вся ваша жизнь, — уточнил рыцарь. — Но вы сами живете монахом. Как давно и часто вы бываете вне больницы?

Врач все думал. Что он знает о Мальтийском ордене? Ведь его и правда мало что интересовало, кроме медицины, но… В XI веке был основан госпиталь для неимущих в Иерусалиме. В XII веке, кажется, их как орден признал папа римский. Только Земмельвейс всегда считал их военной и религиозной организацией. Чем-то вроде крестоносцев, а там и до инквизиции недалеко. Когда Наполеон захватил Мальту, их приютила Россия. Императору Павлу был пожалован титул Великого магистра. Но долгое время уже после разгрома Наполеона у них нет этого самого главного, все перестраивается в организации. Хотя госпиталями по всему миру они занимались всегда, даже в

самые тяжелые времена, для себя и всего мира. А вот исследования, прогресс? Никогда он не слышал об их роли. Да и как они пережили периоды гонения лекарей, устроенного их… «коллегами»?

Почему он, собственно, должен отказываться? Главное — хорошо договориться. Вот и перестанут судачить, что он, мол, ни с кем не ладит. В конце концов, он никогда не встречал монахов — противников медицины и его теорий. Все оппоненты и ретрограды были в медицине же, не в церквах и монастырях. Так не они ли ему помогут?

— Чего вы все-таки ждете от меня? — уже мягко спросил Земмельвейс. — Я хотел бы знать это заранее. Вы открываете мне почти безграничные возможности в обмен… на что?

Рыцарь не торопился с ответом.

— Мы купим вам практику. То есть дадим вам денег, покажем, из чего выбрать. Помимо этого вы должны взять шефство над больницей без оклада. Любой, на ваш выбор. Только, разумеется, из тех, что с высокой смертностью.

Врач кивнул. Это было ему понятно, да и есть на примете подходящая.

— Смертность в больнице Святого Иоха от родильной горячки — почти треть.

— Орден знает о таких, и, думаю, мы примем этот выбор, — кивнул рыцарь. — Но потребуется еще кое-что. И это, вероятно, будет самым сложным.

— Что же это? — А в голове одна мысль: «Ну началось!»

— Молчание. Держите свои открытия в тайне… Хотя бы какое-то время, пока не проверите всесторонне. Вы ведь не фокусы показываете — науку делаете.

Опять ему закрывают рот, но зато развязывают руки. Почему?

— Давайте уточним, кто и что имеет в виду, — предложил врач. — Что значит молчать? Мне ведь нужно заставить мыть руки хлоркой, чтобы снизить смертность в больнице. То есть медики не могут не знать, что они делают и зачем. И запах никуда не денется.

— Разумеется, — согласился де Браас, мысленно отметив, что Земмельвейс учится держать себя в руках. — Нам нужно, чтобы вы применяли свой опыт и проверяли его. А еще лучше — дополнили бы его. По запаху будет понятно, что используется хлорка.

— Тогда что вы называете молчанием?

— Не торопитесь оглашать результаты вне

больницы, даже научному сообществу. Вы только что подвели черту — 15 мая 1850 года. Теперь копите знания, углубляйте, открывайте новое, проверяйте.

— А что потом? — не понял Земмельвейс.

— Обсудите это сначала с нами, и мы решим, как это предать огласке. Согласитесь, вещать с трибуны — не всегда лучший способ.

— Звучит разумно, — кивнул врач.

— Возможно, и выступления хороши перед медиками, и научные публикации. И одно другого не исключает. Но пусть это будут наработки за несколько лет. Проверяйте всё, что вам нужно. И тогда мы с вами — вместе — решим, как это озвучить, опубликовать. Чтобы это поняли и применили как можно больше человек.

После этого разговора, о котором никто не знал, Земмельвейс исчез на несколько дней из Вены. Это стоило ему нескольких друзей. Потом он так много работал, что не заметил, как женился.

— Земмельвейс, будьте осторожны. — Накануне венчания де Браас появился лично. Обычно хватало регулярной подробной переписки.

— Вы говорили, что мне не нужно быть монахом, — напомнил врач.

— Да, но дело в другом. Вы становитесь уязви-

мы. Вы уверены, что ваша невеста, став женой, будет всегда на вашей стороне? Хотя бы для окружающих. Если она на это способна, мне остается только поздравить вас.

Из донесения рыцаря справедливости Марселя де Брааса Великому госпитальеру Мальтийского ордена 31.12.1858:

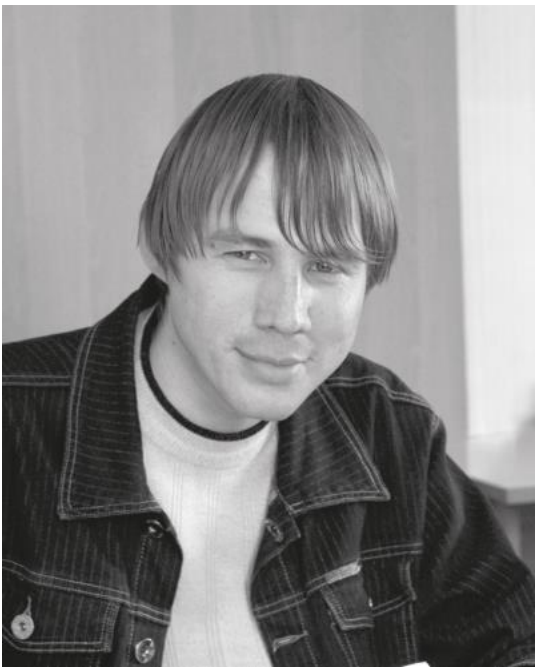
«Врач Игнац Земмельвейс в этом году по нашему разрешению опубликовал несколько статей, выступил перед медиками и выпустил книгу. Приняли все хорошо, но это мало изменило ситуацию в целом. Врачи рук не моют под любым предлогом. Враги метода не дремлют и собирают компромат на Земмельвейса. Доходят до провокаций, лишь бы потом рассказывать всем, что врач стал агрессивным и совершенно неуправляемым. Надеюсь, он выдержит все это».

Из донесения рыцаря справедливости Марселя де Брааса Великому госпитальеру Мальтийского ордена 16.08.1865:

«Мы не успели, сработано было слаженно и очень быстро. Земмельвейса при помощи семьи заманили в психиатрическую клинику и закрыли. Пока мы узнали об этом, пока я смог приехать, прошло почти десять дней. Я увидел его вчера. Это было ужасно. Вы знаете, я многое видел, бывал

в битвах, в госпиталях. Земмельвейса избивают ежедневно, на нем нет живого места, он никого не узнает. Побои спровоцировали болезнь от инфекции, и его не лечат. Протоколы врачей неполны, противоречивы, иногда откровенно лживы. К сожалению, нам его уже не спасти, настаивать на переводе в наш госпиталь бесполезно».

Игорь Корниенко

Родился в 1978 году в Баку, Республика Азербайджан. С 1994 года живет в Ангарске (Иркутская

область). Работал корреспондентом, ответственным секретарем, заместителем редактора в различных СМИ города. По образованию слесарь-ремонтник 3-го разряда.

Прозаик, драматург, художник. Произведения публиковались в многочисленных сборниках. Автор книг прозы: «Победить море», «Игры в распятие», «Завтрашние чудеса».

Лауреат городской конференции «Молодость. Творчество. Современность» в номинации «Литература» (проза, драматургия, 2003). Обладатель национальной премии России «Золотое перо Руси» (2005), Всероссийской премии им. В. П. Астафьева в номинации «Проза» (2005–2006). Обладатель специального приза жюри Международного драматургического конкурса «Премьера-2010». Лауреат конкурса Игнатия Рождественского в номинации «Малая проза» (2016), Шукшинской литературной премии губернатора Алтайского края (2019).

Книга «Завтрашние чудеса» — победитель краевого конкурса «Издано на Алтае» (2020) в номинации «Лучшая книга художественной прозы». На Конференции Союза писателей России, входившей в программу Всероссийского совещания молодых писателей в Химках (2021), по

результатам читательского голосования признан лучшим молодым писателем России. Многократный участник форума молодых писателей в Липках, Химках, стипендиат Министерства культуры РФ. Создатель и бессменный координатор литературного проекта «Дебют плюс» (Ангарск Иркутской обл.). Руководитель молодежной студии ангарского литературного объединения «АЛО — Пишите правильно!».

Член Союза писателей России, Союза писателей Москвы и Русского ПЕН-центра.

Иду искать!

Знакомым с правилами игры.
И. К.

«Туки-туки за папу!»

— Раз!

Все вокруг исчезло.

— Два!

Секунда, а уже кажется, что ничего не было. Память чертит образы. Вот стена, в которую уткнулся лбом, на ней нацарапано: «Обама — лох». Справа — забор, увитый плющом, огород бабы Кати. По левую руку — угол дома, где живет Павлик, который наверняка сейчас улепетывает

за гаражи, откуда его прогонит прячущийся там вечно Димка Ягода.

— Три!

Темнота живая. Дышит. Течет. Меняется… Рождает другие цвета. Из черного появляется красный, появляется синий… Небо без солнца бесцветно. Серое и безжизненное, даже птицы боятся летать.

— Четыре!

Белая вспышка. Это я приоткрываю веки, вспышка становится светом, расползается по-беленной стеной со знакомыми буквами: «о», «б», «а»…

— Пять!

Прислушиваюсь. Больше не слышно шлепанья сланцев, смешков, улюлюканья… Танька-тол-стушка не пищит, чтобы не подглядывал, хотя всем известно, что дальше чем за дом она не убежит. Все прячутся.

— Шесть!

Вовка Фунтик не играет: у него заноза в пятке. Сидит рядом, спиной к стене, пыхтит и стонет, выковыривая колючку из ноги.

— Слабаки. Никто, кроме тебя и меня, не может хорошо прятаться, — шепчет.

Не отвечаю, выкрикиваю громко:

— Семь!

Папка отлично может спрятаться, знаю это на все сто миллионов процентов и могу поклясться всем чем угодно.

— Батя у меня знаешь как прячется, так, что век не найдешь, — говорю. — У него это наследственное. Семейное у нас, от деда. Дед мой же следаком был…

— Знаю я про твоего деда всё, — кряхтит Фунтик. — И с дядей Колей тоже в прятки играл, забыл ты, что ли, совсем?

— Восемь!

Это правда, ага, отец такой, с нами играл частенько. В казаков и в лапту, в футбол гонял на поле, про прятки вообще молчу… Не слушал, что там ему другие взрослые говорили: мол, «тыкать позволяешь шпане» или «не строй из себя клоуна». Во дворе он был своим. Это сейчас он не с нами, потому что болеет. Второй месяц как что-то сломалось в нем.

— Перетянул пружину, видать, — говорит и гладит меня по спине. — Ты крылья свои береги и не верь, если будут говорить, что их у тебя нет. Крылья есть у всех.

— Девять!

Снова закрываю глаза. И, словно Супермен,

вижу, где кто спрятался. Будто в рентгеновских очках смотрю сквозь стены и деревья. За огородом бабы Кати бочка с дождевой водой, за ней на корточках, озираясь, Федька Склянка. У него страсть коллекционировать стекляшки всяких форм и цветов, весь гараж в них. Недалеко от бочки, в овраге, где в прошлом году по лету нашли черепаху с разбитым панцирем, Настя притаилась и не вздохнет. Мне нравится Настя, она похожа на стрекозу: тоненькая, с большими глазами…

— Десять! — орет за меня и мне в ухо Фунтик.

— Десять!

А еще папку уважаем за то, что он спас Пальму от живодеров. Старая карга Петровна вызвала собачников, а отец был с ночи и словно почувствовал наш страх за дворовую псину, ни слова не сказал, впустил блохастую в дом.

И вся наша ребячья банда ждет, когда он поправится, чтобы снова по вечерам на заднем дворе слушать его истории про инопланетян.

— У меня мать тоже здорово прячется, — пыхтит Вовка себе под нос. — Отец говорит, так спряталась с хахалем каким-то с работы, что он до сих пор найти не может. А найдет — убьет, говорит, обоих и глазом не моргнет.

Про Фунтикову мать рассказывают, что она

бросила их, живет за границей и уже по-русски даже не разговаривает.

— Одиннадцать!

— Ты хоть название знаешь? — Это он про болезнь отца спрашивает.

Какая разница, думаю, как называется то, что не дает отцу подняться с кровати. И крылья не помогают. Ослабли крылья. Исчезли…

Темнота опять накрывает и уносит воронкой в черную дыру. Папа рассказывал, что черные дыры не только в космосе — и на земле их немало, и в море. Вон Бермудский треугольник один чего стоит…

— Двенадцать!

Соседка, помню, с мамой на скамейке у дома проговорилась, а я рядом, тут как тут. Сказала:

— Радиация, это всё от нее. Все опухоли и болячки.

Мама тогда вздохнула:

— Так все этой дрянью дышим. Под комбинатом живем и детей растим.

— Лёнькина мама тоже, как дядя Коля, облысела, парик надевает. — Голос у Фунтика печальный. — Может, мы все так со временем, если не сбежим?..

— Тринадцать!

Наше место там, где родился. Где похоронены твои предки. Марс с Луной не для нас. Приходили к такому выводу с отцом, лежа на крыше под звездами. Большая Медведица согнулась над нами ковшом, и жаркий ветер будто разговаривает в проводах — гудит, соглашается.

— Получается, звезды не для нас? — задыхаюсь от волнения.

— В гости на недельку разве что слетать, — смеется папа. — На Сатурн, по кольцам его прошвырнуться на великах, а, как тебе?..

Звезды становятся после этих слов ближе. Протяни руку и схвати. И я хватаю их горстями с неба, и отец — следом. Мы смеемся и прячем звезды под мокрые от ночной влаги футболки.

— Четырнадцать!

Вовка радуется, прыгает козликом, хлопает меня по спине, празднует освобождение от злосчастной занозы.

— Малюсенькая, подлюга, а чуть весь день не запорола! — философствует. — Как мало для счастья надо, да же?

Угукаю в ответ.

— Павлик никак спрятаться не может, — комментирует Фунтик. — Места себе не находит.

— Пятнадцать!

— Павлуха! Ты козе в трещинку залезь, — во все горло хохочет друг и пихает меня локтем. — Представь, Чиж!

Коза в поселке была одна, в огороде у деда Саввы, а еще козой звали парикмахершу Лизу Свиридову.

— Шестнадцать!

Утром у отца шла кровь. Мама выносила незаметно от меня тазики с водой красно-бурого цвета, как лепестки поздних роз. Я больше не люблю розы, слишком много этого цвета теперь в доме.

— Семнадцать!

Навзрыд плакать. Я знаю, как это. Только не расскажу об этом никому никогда. Даже лучшему другу Вовке. И стрекозе Насте, когда мы поженимся и у нас появятся дети, не расскажу. Если только папе… Если только…

— Восемнадцать!

За закрытыми глазами показалось солнце. Небо вмиг стало ярче анютиных глазок, птицы обрели крылья, вернулись в небо. Запело все вокруг, зашумело. Ожило.

— Девятнадцать!

Сквозь щелочки приоткрытых век — та же стена, те же буквы, серость и никакого солнца.

Без изменений. Фунтик шелестит оберткой шоколадной конфеты:

— Будешь половину? Или, хочешь, всю отдам, мешается просто в кармане.

— Подобрал, — отшучиваюсь, — сам ешь.

— Двадцать!

Время в детстве может затормаживаться и может скакать галопом быстрей стрелок кухонных часов.

— Все зависит от тебя, — разъяснял отец. — С возрастом время перестает подчиняться. Ты сам становишься его пленником. Поэтому, пока ты не повзрослел, надо успевать пользоваться временем. Крутить им и вертеть: вперед, назад… Скакать из настоящего в прошлое и снова в будущее.

— Двадцать один!

— Двадцать два!

— Двадцать три!

— Двадцать четыре!

— Двадцать пять!

— Двадцать шесть!

— Двадцать семь!

— Оу! Оу! Оу! — кричит не своим, огрубевшим голосом Вова. — Ты чего разогнался так?! У меня борода уже растет.

Одним глазом смотрю на друга. Фунтик, выше ростом, с рыжей бородкой и серьезным взглядом, косится на меня:

— С отцом что-то, да? — кладет руку на плечо и тихо спрашивает, почти шепотом.

— Двадцать восемь!

«Скорую» перестали вызывать месяц назад. Врачи настаивали на госпитализации, отец просил оставить его в покое.

Мама говорила, стены дома лечат лучше лекарств. Она всегда соглашалась с мужем. И, замачивая после футбола наши зеленые от травы джинсы, лишь хихикала:

— Когда ты мне первый подарок на день рождения подарил, уже тогда можно было догадаться, во что это выльется…

Папа подарил маме через неделю после знакомства самодельную, склеенную из картона и пенопласта Луну.

— Вот, достал, как ты просила, — протянул он будущей жене желтый, пахнущий свежей акварелью спутник Земли.

— Двадцать девять!

Вовка просто так не отстанет, и в этом его сила. Мы дружим с яслей. И он всегда добивается всего, чего хочет. Если бы не схожесть с мультяшным

поросенком, его смело можно было прозвать Банным листом. И я говорю ему, а за закрытыми глазами вспыхивают новые миры:

— Тридцать!

Сегодня утром, после тазиков с красной водой, проскользнул в спальню. Отец сразу догадался о моем присутствии, не открывая глаз, сказал:

— Последний из могикан, ты снова душился моим одеколоном…

— Черт, так и знал, что почуешь! — Встал на колени возле головы отца. — Мы в прятки собрались всем двором играть.

— Чур, я с вами.

— Тридцать один!

Еще прошлым летом водящий в прятках считал до ста. Этим летом общим советом решили: считаем до пятидесяти. И важно — с этого лета стукать за кого-то нельзя.

— Папа сказал, что сыграет в прятки вместе с нами, — рассказал я. — А я пообещал, что, когда буду водить, обязательно найду его!

— Тридцать два!

Вовка громко чихнул, я вздрогнул.

— Правда, значит, — шмыгнул носом друг и снова чихнул.

— Тридцать три!

Мама попросила пойти погулять.

— Придут люди… Не хочу, чтобы ты все это видел. Подрастешь когда… Ну, ты понимаешь… Так надо…

— Папа дал слово, что сыграет с нами в прятки.

Мама отвернулась. Я отвернулся. Видеть слезы друг друга… Видеть, как мама плачет, есть ли еще что-то хуже? Страшнее? Больней? Невыносимей?..

Мама держалась. Голос не дрогнул.

— Если отец сказал, значит, так и будет.

— Тридцать четыре!

Будто я уже это где-то видел. Уже со мной происходило. Может быть, во сне? Я стою с закрытыми глазами, чувствую запах сырой штукатурки, над головой шум самолета и голос Фунтика:

— Следующая станция — конечная.

А потом нас окутывает лимонный запах отцовского одеколона.

— Тридцать пять!

Вовка говорит:

— Пахнет, как у твоего отца в машине.

Я киваю:

— Ага, это его одеколон.

Смотрю вправо, вижу бегущего Павлика, он

никак не может определиться с местом укрытия. Лучший друг растерян: видно по тому, как хлопают его вздернутые ресницы и трясется бороденка.

— И не говори, что ты не почувствовал! — говорит.

— Ты про что?

Вовка смотрит по сторонам:

— Тут кроме нас с тобой сейчас еще кто-то был.

— Тридцать шесть!

Вечерние истории были не только про инопланетян. Отец рассказывал и о привидениях. Как с друзьями в нашем возрасте ходили на кладбище в поисках клада, как вызывали домового…

Они существуют, верили мы и договорились, что после смерти все соберемся во дворе у стены и сыграем в прятки.

— А кто не придет, того пусть черти в кипятке варят.

Все поклялись быть.

— Тридцать семь!

Вспомнил сон. В нем отец на своем старом «москвиче» ехал по морю.

— Чтобы быстрей к вам вернуться, — торопился он, и волны закручивались белой пеной вокруг машины, а папа давил на газ, и мама махала ему

вслед. Кричали чайки, я передразнивал их, бросался камнями. Когда машина с отцом исчезла за горизонтом и волны утихли, я разревелся. Я был совсем маленьким, еще не умел говорить, только агукать. Мама взяла на руки, успокоила:

— Папа скоро вернется.

— Тридцать восемь!

Мама никогда не ошибается. Папа держит слово. Как очередное доказательство — запах его одеколона. Он здесь, с нами. Он в игре.

— Тридцать девять!

Фунтик сел к стене:

— Я-то знаю, что мать моя не прячется нигде, а живет с другой семьей. Это ради сестренки всё, подыгрываю ей. На два года меня все же младше. Мы-то почти взрослые, скоро и в прятки играть не будем.

— Почему не будем?

— Другие игры будут, — со знанием дела отвечает друг, — взрослые.

— Сорок!

И второй раз еще громче:

— Сорок! — кричу.

— Финишная прямая. Еху! — восклицает Вова. — Следующая — конечная.

И вновь ощущаю присутствие необъяснимого.

Все это уже было, происходило со мной…

— Тебе не кажется порой, Фунт, что ты спишь и видишь все это во сне?..

— Мне кажется, что мы все умерли и эта вся эта канитель происходит на том свете.

— Мертвецы играют в прятки?

— А то…

— Значит, никто не умирает, получается так?..

Опять смотрю на буквы: «о», и «б», и «а»…

— Мертвые притворяются, что умерли. На самом деле, как в прятках, прячутся на время, пока не найдут.

— Сорок один!

Встретил у калитки, когда выходил во двор, бабу Катю. Она сняла с головы черный платок и поцеловала меня в макушку.

— Вылитый отец, — прошептала.

— В деда, — ответил. — Папа сам так говорит.

Она надела платок:

— Беги с богом.

В поселке у бабы Кати особый статус. Таинственный. Среди взрослых ее осторожно называли плакальщицей.

— Сорок два!

Услышав про утреннюю встречу, Фунтик чихнул:

— Правда, у меня мурашки, как ее увижу. — Подскочил ко мне, повернул мое лицо к себе и цокнул. — Не, на дядю Колю ты непохож. Скорей на мамку.

И повернул обратно к стене.

— Сорок три!

Если можно ускорить время, размышлял, его можно обратить вспять, вернуть назад, все, что не получилось, исправить. Изменить…

Посмотрел на бородатого друга и про себя начал обратный отсчет:

— Сорок два, сорок один, сорок… тридцать, двадцать девять, — досчитал до девятнадцати, у Фунтика исчезла борода, и ростом стал с меня. Он шелестел конфетной оберткой и спрашивал меня, буду я половину шоколадки или, может быть, всю?..

— Подобрал, — улыбаюсь, — сам ешь.

— Сорок четыре!

Если крылья, те, что у каждого за спиной, не для полетов к звездам, тогда для чего? Папа считает: они людям даны, чтобы творить прекрасное. Без крыльев не было бы написано ни одной ни книги, ни картины…

— Это любовь. Сейчас ты любишь нас, маму, друзей, но очень скоро у тебя появится человек,

девушка, которая разглядит твои крылья.

И я прячу глаза. Любовь к девушке — тоже пока еще таинственное, непостижимое, как космос с его обитателями и призраки с того света…

— Сорок пять!

— Ты Настьке только не подыгрывай, — словно прознав, о чем я думал, говорит Фунтик. — А то я видел, как ты в прошлый раз сделал вид, что не заметил ее. Она в овраге всегда сидит, цветочки собирает.

— Сорок шесть!

Рука отца обжигала. Он сжал ладонь, и я услышал, как бьется его сердце.

— Ты отрастишь новые крылья, папа. Ты сильный, я знаю. Или, хочешь, я поделюсь с тобой своими?.. Одно крыло — оно ведь всегда твое. Ты можешь на него рассчитывать.

Отец кивает. Смотрим в глаза друг другу, и я вижу в зрачках папы свет, словно внутри него зажглось ослепительно-белое солнце. Или это луна? Та самая, которую папа подарил маме, достал с неба?..

— Сорок семь!

Слезы щипали глаза. Проморгался. Снова закрываю и вижу все тот же свет, что хранится в глазах отца. Темнота стала светом.

— Сорок восемь!

— Сорок восемь! — кричит до звона в ушах Фунтик.

— Сорок девять!

Вовка-друг прав: никто, кроме нас, не может хорошо прятаться. Димка Ягода за гаражом жует стебель травы. Павлик рядом, за толстым стволом сосны, спрятал голову между коленок и зажмурился в ожидании. Федька Склянка за бочкой отбивается от назойливой мошкары. Настя — в овраге, в окружении стрекоз и анютиных глазок. Папа?.. В этот раз я его найду. Папа там, где свет. Я найду его там, в самом ярком месте. Ярче луны. Ярче солнца.

Поворачиваюсь. Открываю глаза, солнце ослепляет.

— Пятьдеся-а-ат!.. — орет Фунтик. — Кто не спрятался, он не виноват!

— Пятьдесят.

— Иду искать!..

Горсть Родины

Всяк человек – земля есть…

Народ

«Мать! — осенило в самолете перед самым

взлетом, когда застегивала ремень безопасности. — Твою ж мать!» Сабина дернулась в кресле, нервно, по-детски дернулась всем телом от бессилия и злости на себя.

— Ма-а-ать, — сквозь зубы.

Взглянула в иллюминатор: серая лента взлетной полосы, спицы антенн, в небе ни облачка — умиротворенный, статичный пейзаж безразличия, неучастия, отстраненности… А внутри *у* нее ураган, и «мать» превращается, зарифмовывается в яростное матерное слово, она повторяет его про себя, а так хочется прокричать, чтоб освободиться от горького привкуса невыполненного обещания.

«Дура, дебилка, идиотка!»

Сосед, пожилой лысый мужчина, участливо улыбнулся.

— Забыли что-то? Сочувствую, — закивал он и кивал после каждой произнесенной фразы. — Я как-то про жену забыл (кивок) — вот это была, скажу я вам, катастрофа (еще кивок). Все ведь поправимо, не расстраивайтесь (кивок, кивок, кивок).

Ну вылитый китайский болванчик, кивнула в ответ Сабина, молодая и ужасно дерганая, нервная для своих двадцати семи лет женщина.

Мать ее иначе как «психушка» и не называла с детства.

— Ты посмотри на свои волосы, — тыкала дочь лицом в зеркало. — Пятнадцати еще нет, а уже седина лезет. А все из-за чего? Из-за нервов, раздражительности… Выросла невротичка.

Сабина ущипнула себя за бедро, смотрела на блестящую лысину соседа и говорила с ней. Всю сознательную жизнь не смотрит людям в глаза — не выносит, терпеть не может. Выдерживает лишь взгляд собак и кошек.

— В аэропорту, что ли, забыли? Жену…

Мужчина кивнул:

— Не совсем. Проснулся — и забыл, что женат… А вы, если не секрет, конечно, что забыли?

— Родину, — не задумываясь ответила Сабина.

На самом деле место, где родилась и прожила до пяти лет, Сабина не считала своей родиной.

— Потому что не помню ничего, — рассуждала она. — Ни моря, ни дома с виноградником, ни лиц. Ни черта… А родина — настоящая — там, где ты все знаешь. Ее вспоминаешь, видишь в снах, по ней скучаешь… Моя родина — Сибирь, а юг, Каспий — как что-то иное, не мое, неродное. Ненастоящее. Да и жару я терпеть не могу.

Поэтому без особого желания и энтузиазма при-

летела Сабина на свадьбу сестры и всю неделю с утра и до полной отключки вливала в себя домашнее вино, мешая его в дичайшие, безобразные коктейли с пивом, водкой, агдамом, ликерами, коньяком…

Она и перед самолетом сделала себе «успокоительное» из вина с минералкой.

— Но как вылетело из головы, что дядь Ване пообещала, ума не приложу! — оправдывалась и торопливо курила у здания аэропорта, уже на родной сердцу сибирской земле. — Для него это так важно. Е-о-о… Для него это вопрос жизни и смерти.

Не докурила, бросила под ноги сигарету, растоптала.

Встречал Сабину друг детства, «полумуж» Дима («дружить — дружим, но замуж — ни-ни»). Ему, впрочем, такое обращение не нравилось («так евнухов и скопцов называли раньше»), возмущался всякий раз, однако Сабина продолжала, и Дима свыкся со статусом полумужа. Пусть уж так, чем совсем никак.

Полумуж выслушал слезливую исповедь, предложил:

— Да какая разница, откуда земля? Она везде одинаковая. Набери дядьке нашей земли. Скажи,

что с юга, с родины. Делов-то…

Сабина долго мотала головой под монотонный бубнеж:

— Не, не, не, не…

Дмитрий настаивал:

— Обидится дядя Ваня ведь! Пообещала и не привезла землицы. Уж лучше соври. — Открыл банку пива, протянул полужене. — По мне так, земля — она и в Африке, и в Зимбабве земля землей…

— Зимбабве — это тоже Африка, умник! — В пару больших глотков опустошила банку, бросила, раздавила кроссовкой. — С-сука, чувствую себя паршиво. Предательницей. Вторично родину предаю, теперь — еще и дядьку. Ну кто я после этого, если не сука?

Попробовал приобнять:

— Ты самая красивая девушка Иркутска и Сибирского региона!

Сабина вывернулась:

— Останови тогда у лесочка, там хоть земля настоящая…

Дядя Ваня тридцать лет живет на чужбине.

— В ссылке, — повторяет он все тридцать лет. — В шестнадцать бежал беженцем от войны, стал каторжником, стал заложником.

Сабина, двоюродная племянница, знает эту историю наизусть. Но терпеливо слушает каждый раз дядьку — очень уж любит она этого угрюмого родственника. Единственного и по-настоящему родного — что при жизни родителей, что после их скоропостижного ухода.

— Сначала девяностые оглоушили своим дурдомом в стране и в мозгах. В нулевых, на родину чтобы попасть, стал нужен загранпаспорт. А у меня простого-то паспорта двенадцать лет не было — не до заграна… Так и смирился со своей каторгой, с зимней спячкой. Будто уснул, в анабиоз впал я в этой Сибири, где моря нет, звезды далеко и земля зимой насквозь промерзает…

«Ссылка», «каторга», «чужедалье», «временное пристанище», «неродина», «запределье» — и никак иначе. А если вынужден был конкретно обозначить место проживания, дядя Ваня коверкал название города, переставляя или изменяя буквы.

— Потому что одна родина у человека, как и Бог один, и мать с отцом, и группа крови, и мозг, и душа. И каждый из нас один и уникален.

Ну что тут возразить? Сабина многим обязана дядьке.

— По-настоящему — всем обязана. Он мне ре-

ально семью заменил. На ноги, можно сказать, поставил. Я же, неблагодарная, забыла такое важное дело! — снова и опять жаловалась она полумужу, запивая вину красным вином из тетрапакета. — Всего-то надо было — землю привезти с родины! И тут я налажала!

Сабина споткнулась, Дима успел подхватить ее за локоть. Она недовольно фыркнула, вырвала руку, расплескав вино из откушенной с уголка коробки:

— Хочу в ауте быть, когда дойдем до дядь Вани, ясно тебе?! Пьяной проще совершать всякое непотребство, и сей грех тоже легче сотворить под градусом. А наутро все забыть и жить дальше…

— Говорю тебе, Бина, земля везде одинаковая, — талдычил ей полумуж в семьдесят второй раз (он считал). — Химический состав один и тот же, поверь.

В семьдесят второй раз Сабина спросила:

— Правда, что ль? По-настоящему? Поклянись мамой.

Клялся мамой полумуж, пока они добрались до квартиры дяди Вани, в общей сложности восемьдесят раз.

Дядя заждался родственницу: сидел на табурете у приоткрытой двери в прихожей; выглядывал из

окна на кухне, откуда была видна дорога к подъезду; звонил на выключенный сотовый; разгадал все, что нашел, кроссворды со сканвордами; выпил шесть кружек крепкого чая; съел килограмм вафель и уже накапал в рюмку корвалола, разнервничавшись не на шутку («куда подевалась племяшка, пять часов как прилетела») — и тут в дверь позвонили.

Выпил для успокоения сердца раствор и еще с кухни услышал звеняще-пьяненький голос племянницы.

— С чего-о-о начинается Родина-а-а?! — горланила она.

Черная земля в прозрачном полиэтиленовом пакете, завязанном на несколько узлов, в центре кухонного стола…

— Семь полных ладошек, — повторяет и повторяет Сабина. — Семь горстей с горкой.

Дядя Ваня, смолоду весь в морщинах и рано поседевший, смотрит на подарок — видит детство: лианы винограда, скрывающие небо; море, проглатывающее солнце; себя, еще совсем мальчишку; песчаный берег, где песок дышит жаром, пахнет нефтью, и рыбой, и счастьем…

Племянница не дает дядьке открыть рот:

— Могилку с ходу нашла по астрам. Всё как

ты рассказывал, всё в них: сиреневые, розовые, будто звездами могила укрыта.

Дима поддакивает, поддерживает подругу, успевая вставлять:

— Ага… ну… но… во-во… всё так… ё-пэ-рэ-сэ-тэ…

Сабина сочиняет, придумывает досконально, до мелочей, штрихов и запахов. «Врать не привыкать, во мне актриса живет и, когда надо, играет нужную роль согласно сценарию, — хвасталась. — Дядьке лишь одному не врала».

И вот:

— С моря думала еще набрать земли, да чё там — песок и ракушки… А с бабушкиной могилки аккуратненько под астрочки — шмыг, и так семь раз, семь полных ладошек. А земля мягкая, сырая, податливая, хоть и жара за сорок… Потом все боялась, что с землей в самолет не пустят.

Дима в очередной раз разлил по сервизным чашкам красного полусладкого.

— За родину! — прозвучал тост.

И дядя Ваня наконец озвучил, что мучило и терзало последние десятилетия:

— Могилки хоть ухоженные?

Подавилась вином Сабина, закашлялась до потекшей по щекам туши и багрового лица.

— Не в то горло, что ли? — колотили мужчины

женщину по спине.

Кивает Сабина, а сказать как, не знает: вино во рту словно свернулось, песком, землею стало, так что с трудом проглотила, оцарапав нёбо и горло.

— Не в те ворота, — прохрипела. — Водички бы…

Племянница пьяно, слезно клялась, что могилка бабушки ухоженная, и за остальными покойничками следят, и никакой мерзости запустения, и кошмары теперь прекратятся.

Кошмары дядю Ваню посещают каждую ночь. Чаще всего это сон про неухоженные могилы, что остались на родине. Они кричат с кладбища, зовут его разными голосами, будто все мертвецы сговорились, ополчились против него. Видит — могилы открываются гигантскими ртами, внутри черная пустота — страшная, бесконечная, манящая. Она втягивает его, засасывает невидимыми токами, и дядя Ваня просыпается с криком и шрамом в сознании — как если бы он узрел пустые глазницы любимой бабушки…

— Брошенные могилы не прощают своего одиночества. Забытые покойники мстят, я это знаю. Они находят предателей: сначала — в снах, потом…

И это зависшее в небесном эфире «потом»

пугает его сильней ночных кошмаров, пугает племянницу, Диму, всех слушателей, потому что у каждого где-то зарастает колючкой и сорняком одинокая могилка.

— Я все детство провел на могиле деда, — вспоминает дядя Ваня. — Бабушка через день ходила к нему на кладбище убираться. «Чтобы не скучал дед», — говорила. Мы там и ели, и в игры играли, даже уроки иногда делали и вслух деду читали. Вот как с мертвыми своими общались — еще теснее, чем при жизни. Бабушки не стало через год, как мы бежали с родины. Я только знаю, что с дедом ее похоронили, и больше ничего не знаю… Лишь в снах вижу могилу. Так то сон, не истинное…

— С кошмарами покончено! — вместо «до свидания» заявила Сабина.

Молодые чмокнули дядьку по очереди в плохо побритый подбородок. Дима напомнил лечить воспалившийся «ни с того ни с сего» глаз чайным раствором, племянница наказала сходить к врачу.

Дядя Ваня многозначительно промычал, уж больно не терпелось остаться одному, один на один с частичкой далекой родины, с прошлым, с вечностью!

«Две трети жизни вне родины! — ворчит про себя дядя Ваня. — Забыла она уже меня. Погибли корни». Замер в проеме кухонной двери, смотрит на гостинец с юга, а глаза щиплет до слез — не то от желтого электрического света, не то от нахлынувших воспоминаний, тоскливых, ранящих.

Тридцать лет выживания на воспоминаниях о прошлом, существование в вечном ожидании невозможного… Смирение с участью никогда больше не увидеть родину пришло после сорока. Появились болячки от бесконечного самобичевания, невысказанного, невыплаканного.

«Все болезни — от нервов, от тревог и переживаний…» — считала давно исчезнувшая из жизни дяди Вани сожительница, и он с ней согласен. Сожительница сгинула, чтобы не разделять его болячки, оставила книжку с таблицами соответствия болезней психологическим нарушениям, и теперь дядя Ваня знает, что бессонница у него — от чувства вины, а растущая на левом глазу катаракта — из-за неспособности смотреть вперед, в будущее, с радостью. Туманное, расплывчатое, мутное будущее. Отсутствие как такового… Проблемы с желудком — это ужас от всего нового, боязни и закрытости. Недовольство собой и своей судьбой, чувство обреченности ведет к гастриту.

А частые запоры свидетельствуют об избытке накопленных переживаний, чувств, воспоминаний, с которыми никак не расстаться, как и о нежелании избавиться от устаревших мыслей, о том, что увяз в прошлом…

Прошлое вернулось, пролетев более пяти тысяч километров. Оно появилось в настоящем — упакованное в полиэтилен прошлое.

— Здравствуй, — не своим голосом, — кусочек юга на севере.

Отчего-то дядя Ваня испугался произнести слово «Родина», которое всегда пишет и проговаривает с большой буквы. Заглавная буква «Р» встала поперек горла. Сердце напомнило о себе старой раной, кольнуло.

Может ли комочек земли заменить все то прошлое, что случилось на родине? Семь горсточек — могут ли они называться Родиной с большой буквы? Или это всего лишь почва, поверхностный слой педосферы Земли и не более?

Присел дядя Ваня к столу, залил копошившиеся мысли остатками вина. Ягодная сладость заполнила голову. Виноград детства зелеными лианами обвил стареющее тело и душу поднял к потолку и выше — сквозь крышу к звездам-астрам. Именно такие звезды были над головой

у мальчика Вани. Он смотрел в глазастое небо детскими глазами и называл небо своим:

— Мое глазастое, цветастое небо.

И подсолнухи, что росли вдоль забора, звездными маяками посылали сигналы небесным собратьям; Ваня падал на спину в пряную негу зарослей и взлетал, и летел по Млечному Пути над родным домом, поселком, над школой и кладбищем…

Узлы развязались сами, едва дядя Ваня прикоснулся к пакету с землей. Подушечками пальцев коснулся Родины — и вот он, Млечный Путь, а под ним пики кипарисов и знакомые крыши домов, и такое саднящее чувство близости с крестами и памятниками, с могилками дорогих и близких.

— Это мой дом, — шепчет дядя Ваня.

За прикрытыми веками пролетает иная вселенная, жизнь-мечта, придуманное счастье… А на кончиках пальцев крупицы земли из пакета, и дядя Ваня подносит их к губам, пробует крошки на вкус. Земля родины со вкусом новогодних праздников, где мандарины перемешаны с искрами бенгальских огней, салатом оливье и маминым поцелуями. Песчинки во рту лопаются перезревшими гранатами, взрываются хлопушками, рассыпаются разноцветным монпансье.

Дядя Ваня возвращается на родину…

Пока дядька бежал, глотая соленый ветер, к морю, сливающемуся с небом, племянница вошла в оградку одной уцелевшей на пригорке могилы в окружении выжженной до черной пыли земли. Клыки сломанных надгробий и тлеющих крестов — до горизонта, до неба. Сабина знает, что должна сделать, что обещала, только все не так, как она представляла.

— Разве война не кончилась? Это что, конец? Конец света?..

Нагнулась, взяла с могилы горсть земли. Земля в ладони стала вязкой, липкой, стала алой кровью. Сабина зачерпнула обеими руками — и вот они, полные пригоршни густой горячей кровавой жижи, а на мраморном надгробии — ее имя и фамилия, а с овала фотографии смотрят ее глаза и улыбка.

Сабина закричала, руками закрыла лицо:

— Это не по-настоящему! — размазывая кровь по щекам и шее. — Это ложь!

«Ложь! — взорвалось красным небо — и чернота вокруг; все окрасилось кровавым цветом. — Ложь!»

Проснулась Сабина — сердце стучит в горле, а горло полно земли, пересохшее, сплошная го-

речь во рту. Взгляни сейчас в зеркало — Сабина убеждена, — на нее бы посмотрело испуганное, страшное лицо, покрытое начавшей ржаветь запекшейся кровью. Слово из сна, окрасившее небо и землю красным, болью стучит в похмельной голове. Мелкая дрожь в пальцах. Так же трепетали руки, когда она набирала землю из оврага в лесочке рядом с аэропортом. Дрожь передалась всему телу, проникла внутрь.

— Это во спасение ложь! — крикнула в серость раннего утра, беспрепятственно заполнявшую спальню.

Сорванная гардина с громадой штор, похожих на огромную бабочку, стояла в углу у окна. Сабина нащупала на макушке шишку с кулак.

«Так тебе и надо!» Затошнило от мутных обрывков воспоминаний. Горячей волной воспоминания поднялись к горлу. Она едва успела заскочить в ванную, где, согнувшись в три погибели, выпустила из себя красный зловонный поток вчерашних злоупотреблений.

«Ванна, полная *лжи*», — забулькало, закипело откровение, и его ей никак не выдавить из себя.

На полу на кухне храпит полумуж, свернувшись вокруг ножки стола. Ополовиненная бутылка шампанского ожидает, чтобы опохмелить

обожженную душу. Сабина выпила выдохшийся и совсем не игривый напиток залпом.

— Ванна, полная лжи! — пнула мужчину. — Слышишь? Я не могу так!

— Что? Про чё ты? — Дима пьяно смотрел на женщину из-под стола. — Какая ванна?

— Полная кровавой земли ванна! — закричала Сабина и схватила с заставленного бутылками и остатками закуски стола сотовый телефон. — Я звоню дяде Ване — и всё, короче!

Пока полумуж вяло и кряхтя поднимался, Сабина дозвонилась до родственника — и услышала радостный, полный восторга и огня голос:

— Глаз! Помнишь мой воспалившийся глаз?! Я машинально, без всякой мысли помазал его землей вчера перед сном. Уж больно ныл — не уснуть, даже после выпитого… И, Сабиночка, не помню, как заснул, а проснулся — глаз-то здоровей здорового! Никакого покраснения и припухлости ни следа! Представляешь? Без заварки и врача прошел глаз. Это все родная земля. Живая земля! Целебная!

Племянница слушала, открывала рот, но не издала ни звука. Искренность дядьки разоружала, бодрила, наполняла верой во что-то необыкновенное, в чудо… Сабина потерялась в вихре

эмоций, заблудилась в эйфории, льющейся в ухо. Привиделось: она попала на могилу далекой родственницы, где астры звездами, и она взаправду набрала семь горстей земли, и земля та была теплой на ощупь и пахла ванилью и сахарной ватой.

— …да, да, земля с бабушкиной могилы, сама собрала, своими руками, по-настоящему…

Дядя Ваня отвечал на ее бормотание:

— Ну конечно, по-настоящему. Это же земля моих предков! Наших предков! Я теперь буду вместо таблеток принимать землю внутрь, как биологическую добавку. Так и вылечу все болячки. Родная земля лечит! А? Что думаешь? Излечит меня земля-матушка? Чего молчишь? Думаешь, дурак дядька, на старости лет мозги последние посеял? А я, между прочим, ясней, чем когда-либо за эти тридцать лет, все вижу, чувствую и ощущаю! Будто с этой землицей помолодел: одно прикосновение к ней — и половина возраста как с куста. Не поверишь, но я пробежался с утречка по парку! Шел из магазина — и вдруг меня понесло, ноги сами помчали…

— Здорово же, — Сабина щелкала пальцами, нервно сжимая кулаки, и не находила других слов, — здорово…

А перед глазами — ванна с бурлящей кровью… Посмотрела на все еще не проснувшегося, качающегося и кивающего полумужа — китайского болванчика, прошептала:

— Налей мне.

— Это по-настоящему здорово, дядь Ваня, — скажет она через неделю, услышав про новое лечебное достижение любимого родственника.

— Если раньше ежедневно изжога мучила, а то и несколько раз на дню, то теперь и черный хлеб жую, и лечо употребляю — и хоть бы намек на жжение. А всего-то — земли на кончиках пальцев раз в день.

Закатывает глаза Сабина, заламывает пальцы рук, кусает губы:

— Здорово, но ты все равно аккуратней. Землю глотать — это как-то…

— Не просто землю, ну ты чего? Это ж с родины земля! С могилы бабушки. Она сама, помнится, говорила, что земля предков — священная! Мать сыра земля — из нее все созданы. И в нее же уходим — вместе с горстью земли, брошенной на гроб.

— Ого!

— Так, ладно. У меня слово было не разгадано в кроссворде, мучило меня, а тут бац — и сложи-

лись буковки. «Движение бичующих». Знаешь ответ? Знаешь?.. Ну признайся, что не знаешь!

Снова не находила слов племянница, глазами искала на столе что-нибудь алкогольное.

— Вот и я никак не мог угадать, а здесь сами буквы словом встали — флагеллянтство. Я-то думал про бичей, бомжей всяких, не мог понять никак, что это за движение бездомных. А оказалось, это бичевание, самобичевание верующих как средство умерщвления плоти…

Сабина услышала, как со свистом рассекла воздух плеть за спиной, вздрогнула — твою мать! — телефон из руки едва не выскочил. Обернулась.

— Здорово, — сказала, рассматривая тарахтящий холодильник.

Еще через неделю дядя Ваня сообщил: исчезла катаракта с левого глаза и читает он теперь без очков. Бегать стал каждое утро по школьному стадиону и собирается подать заявку на участие в городском полумарафоне, посвященном Дню города.

Диме Сабина в тот же вечер скажет:

— Я смирилась уже и убедила себя, что земля эта с родины, а не из-под иркутского аэропорта. Но это же у дядьки в фанатизм какой-то перешло.

Он забыл, что терпеть этот город не может. Что ссылкой, каторгой, неродиной называл! Сейчас же в честь города бежать собирается и медаль получить в забеге. Потом и на область планирует… Ну что это, если не фанатизм? Безумие же, Дим! Не знаю, хорошо это или плохо…

Дима прижал ее к себе:

— Второе дыхание у него открылось от твоей лжи. Благодаря ей. Пускай бежит. Это же круто — на старости лет такие перемены. Послушай, может, та земля и впрямь какая-то чудодейственная, а? И нам, может, попробовать земли оттуда?

Отстранилась, посмотрела на друга Сабина:

— Ты серьезно землю жрать собрался или шутка юмора такая?

Улыбаясь, полумуж ответил:

— Чё, я бы попробовал в качестве эксперимента денек-другой, неделю. Вдруг мой геморрой рассосется? — и, не давая Сабине сказать что-нибудь обидно-оскорбительное, поставив тем самым точку, добавил: — И ты бы свои женские болячки подлечила.

Дядя Ваня возвращался со стадиона, сжимая кожаный мешочек с родительской землей, когда его окликнули. Окликнуло прошлое. Прошлое в лице соседа из детства подошло к нему спустя

полжизни, обняло. Прошлое звали Ринатом, припомнил дядя Ваня.

Ринат случайно тут, обычно с вахты летал через Москву, но не оказалось билетов. И друг армейский пригласил… У прошлого много вопросов и совсем нет ответов. Одно знает точно, на все сто процентов: нет больше поселкового кладбища. Уже лет десять как нет. Ни кладбища, ни могилки, ни звездных астр нет… Не осталось ничего от прошлого, все новое, современное, рассказал Ринат. От родины ни следа. Это уже другая земля. Не наша. Не та, что была в детстве.

Вот оно, сбивающее с ног откровение, которое он боялся высказать и которое знал всегда: родины больше нет! Нет могил предков, дома детства, двора… С прошлым связывают лишь сны, воспоминания да парочка старых друзей и знакомых, которым, по-честному, нет до тебя никакого дела, у которых своя жизнь и новая родина.

Дядя Ваня прозрел. Проснулся от зимней спячки. Посмотрел сквозь время, увидел, как уходит под асфальт кладбище, безмолвный страж поселка. Как сам поселок с миниатюрными, уютными домиками и вечноцветущими садами превращается в современный мегаполис из стекла и металла. Увидел племянницу, растерянную, поте-

рянную, набирающую семь горстей (она считает вслух) земли в пакет, зажатый между коленок, в каком-то незнакомом, неродном зеленом парке… Она не могла позволить дорогому человеку, оберегавшему ее всю жизнь, узнать горькую правду.

— Она сохранила для меня родину!.. Открыла! — говорил дядя Ваня, набирая номер Сабины. — Открыла!

Когда племянница ответила, он не сдержался. Хоть и велел себе, строго-настрого наказывал, мужчина заплакал.

Слезы к слезам. Сабина расплакалась в ответ на слезы дяди Вани.

Накануне полумужу удалось ее уговорить поэкспериментировать с землей, той, что в овраге у аэропорта. Они приехали к месту в сумерках. Дима накопал два пакета земли — тут и зазвенел у Сабины телефон.

Дима не сразу понял, кто звонит. Не понял и того, что говорила Сабина. Всхлипывающая, испуганная, растрепанная, на себя непохожая в этой синеющей темноте.

Нажав отбой, она сказала:

— Надоело притворяться, что настоящая. Надоело жить наполовину. Ни там, ни тут… Давай уже бери меня замуж, что ли!

Уронила телефон, нагнулась поднять, но вместо телефона кулак сжал черную сырую землю. Поплелась, спотыкаясь, через кусты и деревья к шумному шоссе.

— Бина!

— Не ходи за мной. Думай пока над моим предложением. И земли набери еще — пригодится! — прокричала она ясно и громко, прежде чем исчезнуть, раствориться.

Потом Дима услышал визг тормозов и сигналы машин, крики. Одновременно услышал, как завибрировал и пропиликал Сабинин телефон на куче свежевырытой земли. Пришло СМС.

Он побежал, рисуя себе возможные и невозможные варианты произошедшего на дороге. Остановился.

— Телефон! — крикнул в темноту. — Слышишь, Сабин, тебе сообщение!

Поднял сотовый будущей жены, спрятал в карман. Набрал в обе ладони полную пригоршню земли, прикоснулся губами к пахнущей пожухлой листвой и грибами почве, попробовал на вкус, одобрительно промычал.

Муж пошел, жуя землю на ходу и глотая, пошел сквозь нахлынувшую тьму к сверкающей электрическими фонарями магистрали и вскоре стал

частью света.

А над лесом, дорогами, аэропортом и городом… глазастое небо смотрит на мельтешение жизни внизу звездами-астрами.

Эсэмэску, первую в жизни, написал дядя Ваня. «Приезжайте, родная. Жду вас. Откроем бутылочку. Выпьем за Родину!»

Наталья Нелюбова

Родилась во Фрунзе, Киргизия, 8 марта 1967 года. Живет в Томске. Окончила среднюю школу с

золотой медалью, а геологоразведочный факультет Томского политехнического университета — с красным дипломом.

Музыкант, певица, поэт, композитор. Объехала полмира (Франция, Германия, Австрия, Чехия, Эстония, Польша, США) с музыкальной программой по мотивам ископаемой сибирской культуры («Сомана КуКуН»), Обладатель уникального голоса, так называемого сибирского йодля. Работает с музыкантами по всему миру в самых разных жанрах: джаз-фолк-рок, этно-даб, глубокое ретро. Играет на гитаре, фортепиано и варгане.

Одновременно является художником-дизайнером, успешно работает с техникой лоскутного шитья.

Проект «Сказки из сибирского бессознательного» начала в мае 2022 года.

Эверест

Во поле, во полюшке стояли Дуб, Береза и Пень.

Подставляли бока солнышку, поливалися дождиком, ветром обдувалися.

Но однажды им наскучило стоять во полюшке, и решили они покорить гору Эверест.

Но, чтобы покорить гору Эверест, надо много силы. И стали они силу свою копить.

И все бы ничего, но Пень совсем не хотел покорять Эверест. Вместо этого он лучше бы съездил на родину, в Псковскую область, к маме. Шибко давно они не виделись.

Да и Береза была от этого предложения не в восторге. Она давно хотела увидеть море, посмотреть на пальмы, получить массаж и «все включено».

Да и Дуб тоже боялся идти на Эверест: во-первых, у него был страх высоты, во-вторых, ему снились Франция, Лувр, где река и французы.

А покорять Эверест было необходимо.

И вот стали Дуб, Береза и Пень искать крайнего, кто первым пойдет и всех за собой поведет.

Пень говорит: «Я старый, я не могу вперед».

Береза говорит: «А я еще сережки не выбрала, в каких идти».

Дуб говорит: «Я придумал. Мы же деревья, мы не можем идти — у нас же ног нет. Но есть корни. И если мы корнями прорастем до Эвереста, то сможем его к себе подтянуть. А если не Эверест, то хотя бы Францию».

На том и порешили, стали корни растить. День растят, второй растят. Даже до ближайшего села не дотягиваются. Решили — витаминов им не

хватает. И как давай ветками ворон ловить да в дуплах их на витамины переваривать. Береза с Дубом корнями удлиняются, а Пень до ворон не дотягивается. Стоит, грустит, почернел весь, и корни засохли. Так и не увиделся с матушкой. Сгинул от авитаминоза.

А Дуб с Березой не унимаются, пуще прежнего растут.

Но тут пришла другая беда: вороны закончились.

Стоят Береза и Дуб, горюют, думают, что им дальше делать.

И решили они с горя переопылиться, чтобы отвлечься как-то от проблем с воронами.

Переопылились они, значит, и так им это понравилось, такие сильные чувства они друг к другу испытали, какие не могли раньше испытывать, потому что им Пень мешал. Полюбили они друг друга да и решили на Эверест не ходить.

Так и живут счастливо. Без Эвереста.

Жизнь Орла

В самом центре города, в большом красивом доме со всеми удобствами, жил-был Орел.

У него в этом доме было двадцать комнат с раз-

ными развлечениями и ништяками: серебряный батут, чтобы прыгать до потолка; джакузи с родниковой водой и целебной пеной; телевизор во всю стену и часть потолка, где 24 на 7 показывали жизнь птиц в диких условиях по всему миру; комната с огромной кроватью в форме гнезда с пуховой периной и имитацией звездного неба на потолке. Еще была специальная комната, где можно было делать селфи с расправленными крыльями, а потом выкладывать эту красоту в интернет и собирать лайки и заманчивые предложения интимного характера.

Орел, конечно, иногда соглашался на эти соблазны, но продолжал жить один, ибо свобода и воля были ему дороже всего. На самом деле он не до конца понимал, что означают эти два слова. Про свободу и волю он слышал в каком-то подкасте, и Орлу нравилось, как звучат эти слова. «СВОБОДА», — говорил он, подвязывая тяжелые крылья специальными шелковыми шарфами и ставя на многочисленные колесики так, чтобы крылья сами ехали за ним, когда он важно шел по квартире.

А иногда Орел туго заматывал себя в перину, сверху придавливал тряпками, которые удавалось найти в доме, и лежал там неподвижно,

представляя, что враги поймали его, связали и бросили в подземелье. И вот лежал он неподвижно, не ел и не пил. Тут Орла начинали душить слезы. Он рыдал под периной до тех пор, пока не произносил слово «ВОЛЯ», и ловко по часовой стрелке выворачивался из тряпок. Остаток такого дня был наполнен для Орла радостью и гордостью за себя.

Но однажды он заскучал. Захотелось ему чего-то нового: колесики для крыльев другие, что ли, комнату еще одну интересную или друга какого-нибудь нового. Старого друга у Орла тоже не было. Но вот хотелось нового, конечно. И стал мечтать Орел про Орлицу.

Вот, мол, придет Орлица да и останется у него жить, истории рассказывать ему будет интересные, еду незнакомую, деликатесную готовить, например, зайца-устрицу. Массаж по всему телу делать будет и уровень комфорта ему так поднимет, что навсегда Орел забудет, как грустить и задумываться.

Сказано — сделано. Выписал Орел себе из самого лучшего брачного агентства Орлицу. Кастинг провел: маленьких и кривых сразу отсеял, глупых отсеял. Некрасивых отсеял, с острым клювом отсеял, немолодых отсеял и навязчивых

не стал выбирать. В результате осталась одна-единственная, но очень красивая Орлица, само совершенство просто.

Стал Орел к светлому приезду подруги готовиться: посуду в посудомойку загрузил, пылесос-робот по квартире запустил, сразу несколько селфи с расправленными крыльями сделал, распечатал и повесил на одной стене прихожей, а для другой стены сюрприз чудесный приберег. Достал он из потайной комнаты милые сердцу фотографии яйца, в котором он жил до появления на свет, и развесил их все напротив мощных «крылатых» фотографий. Получилось очень красиво и с намеком.

И вот прибыла Орлица с двумя огромными чемоданами. Орел, увидев это, обомлел от сладких предчувствий и заин-триговался весь: что же там у Орлицы в чемоданах?

Сели они ужинать. И зайца-устрицу пробовали, и кукушку в кибергнезде, и зерна оленя из молекулярной кухни клевали, кто вперед, и на десерт проекцию рыбы на блюдо с подключением электрошока с целью получения эффекта радости и вкуса одновременно.

А после ужина была у них любовь особенная: страстная и неспешная, с соблюдением ин-

струкций и правил, которые на большом экране транслировались в помощь молодым. А перед самым сном, сквозь накатывающее блаженство, Орел подумал: «А все-таки что же у нее в чемоданах? Наверное…» И даже фантазии у него не хватало на то, чтобы представить, что там. И что она будет делать для него при помощи всего того, что там…

А в чемоданах у Орлицы была пустота. Не та пустота, которая бывает, когда в чемодане просто ничего нет, а тяжелая, активная, всепоглощающая пустота. Ночью Орлица поднялась и ненадолго открыла один из своих чемоданов. А наутро Орел с удивлением не обнаружил в своем доме селфи-комнату. Глазами, полными слез, он вопрошал Орлицу: «За что?» А она, загадочно улыбаясь, молвила: «Ну наберись терпения, это только подготовка к часу твоего настоящего блаженства!» И Орел успокоился.

Потом исчезли комната с батутом, джакузи, посудомоечная машина, ванна, кровать-гнездо, мышиный лабиринт, робот-пылесос и прихожая с ценными яйцами. Сидя в пустой кухне (она одна уцелела в доме), Орел осознал размер ущерба. Пелена упала с его глаз. До него дошло, что эта баба просто все заберет и не будет ему никакого

особого блаженства, а будут, наоборот, грусть и нищета. Горькие слезы разочарования полились из глаз его ясных. И прогнал он эту тварь из дома своего. Печальная, Орлица пошла на выход и обреченно потащила за собой оба чемодана. Один из них зацепился за половицу и раскрылся. Последняя порция пустоты вырвалась наружу, и кухня исчезла из-под Орла.

Орел повис в полной пустоте. Он инстинктивно взмахнул большими крыльями и полетел.

Зеркало

В одной маленькой сказке было очень мало персонажей — девочка Соня и кошка Кыть. Им стало скучно вдвоем, они подошли к зеркалу, стали читать специальные заклинания, чтобы вызвать из Зазеркалья своих двойников. И двойники откликнулись на их зов. Быстро материализовались по эту сторону зеркала и представились. Их звали Янос и Тык. И они были мужскими двойниками. «Видимо, зеркало настроено как-то не так», — подумала Соня, но привередничать не стала. Янос был милым старичком, а Тык — лесной черепахой. Соня попробовала поговорить с Яносом, поздороваться, но оказалось, что старик ее не

понимает. Потому что язык на той стороне тоже зеркальный. Тогда Соня показала Яносу знаками, что хочет попить с ним чаю на можжевельнике с гречневыми оладушками и кизиловым вареньем. Налила Кыти козьего молока, а Тыку дала целый кочан пекинской капусты. Чай на можжевельнике был не простой: это постаралась дозорная фея зеркала, она очень любила свою Соню и старалась, чтобы та чаще отражалась в зеркале. Как только старичок Янос выпил чаю, так сразу превратился в красивого молодого бизнесмена, а черепаха, сожрав кочан капусты (фея поработала и над ним), превратилась в «форд мустанг» двадцатого года выпуска. Девочка Соня была в восторге от всего этого волшебства. И решили они с кошкой поехать на «мустанге» в город, веселиться за счет бизнесмена. И веселились они до утра. И играли они в казино, и пили они виски с колой, и позволяли они себе практически всё. А утром, когда протрезвели, девочка Соня, во-первых, обнаружила себя замужем за старичком, даже обручальное кольцо на пальце было, во-вторых, обнаружила себя рядом со старичком и кошкой внутри раздолбанной черепахи! Видимо, бизнесмен не справился с управлением. Стала Соня думать, как этих двоих снова в зеркало спро-

вадить. Решила снова напоить их зеркальным чаем и накормить волшебной капустой, но не тут-то было. В зеркало их не пускали, потому что черепаха была с трещинами, а старичок, когда был молодым бизнесменом, потратил огромное количество денег, а с долгами в зеркало нельзя…

Красные пальцы

Жила-была девушка. Не очень она была хорошей. Много чего себе позволяла. Даже курить.

Но, несмотря на это, ее полюбил один парень. И тогда собралась она замуж за него выходить, но не сразу.

Сначала надо было честь по чести девичник справить.

Пошла она в клуб «Какаду», и не одна, а вместе со своими лучшими подругами: Жанкой, Алинкой и Анжелкой.

Сели они за столик.

Жанка решила первой поздравить, велела вынести ящик вина вкусного, сладкого, контрабандного.

Следом встала Алинка и велела принести два ящика сигар кубинских, девственницами скрученных.

А Анжелка, самая маленькая из них, встала и говорит:

— А я тебе не приготовила подарков. Но я подарю тебе мудрость, которую моя мама перед свадьбой мне сказала, а ей — ее мама, а той — ее мама… Так спокон веку и передаем.

Сказала так, задумалась, смахнула слезу, наклонилась к подруге и на ухо шепотом произнесла:

— Бойся красных пальцев! Как увидишь красные пальцы — твой муж быстро умрет, а ты сразу овдовеешь!

Девушка легкомысленно отнеслась к предупреждению подруги. Какие пальцы? Зачем?

Вышла она замуж за своего парня. Стали они жить в ее доме, что стоял на самой окраине города.

Но у них было очень много соседей. Так много, что даже, когда молодые ночью спали, казалось, что воздух колышется от мыслей. Вот как много было у них соседей!

В первое же утро пошли они с мужем гулять в магазин. Там как раз обещали новую коллекцию перчаток выложить.

Жена говорит:

— Мне перчатки красивые нужны, желтые лаковые. Пальчики мои нежные беречь надо.

Подходят к прилавку — а там одна пара всего осталась. И ту баба какая-то забрать хочет. Стали жена с бабой драться. Бились они сумками, зонтами и просто царапались. И победила жена эту бабу, та из рук перчатки-то желтые лаковые выпустила. Но ничего не забыла, потому что она была ведьмой и память имела хорошую. Пока они дрались, ведьма успела заколдовать перчатки.

И как только жена их надела, сразу стала слова забывать, болеть, неряхою сделалась, дом запустила, даже мусор перестала выносить, но парень ее все равно любил.

И вот однажды приходят к нему соседи и говорят:

— Нам надо пуделя покрасить. Давай твоя жена с ним посидит, а ты с нами пойдешь, краску выбрать поможешь. А поедем мы на автобусе, с пересадками.

Согласился муж: какой дурак будет из-за пуделя с соседями ссориться?

Уехал. А жена дома сидит, на перчатки желтые любуется. Смотрела, смотрела и вдруг почувствовала своей женской интуицией: не настоящие перчатки! Разозлилась страшно.

Схватила пуделя под мышку, надела свои перчатки, вышла из дома и села в маршрутку. Едет,

а у самой мысли злобные про обман в голове шевелятся. А навстречу ее маршрутке ехала маршрутка, в которой муж ее с соседями из магазина возвращался, где краску для пуделя покупал.

Тут-то на дороге эти маршрутки и столкнулись! Страшная авария произошла из-за этих перчаток. Многие в той катастрофе погибли. В живых остались только пудель и сосед, чей пудель.

А сумка с краской для пуделя порвалась и все-все заляпала!

И у всех-всех участников той трагедии пальцы навсегда стали КРАСНЫМИ!

Олег Сафонов

Родился в 1974 году в г. Новокузнецке Кемеровской области, окончил естественно-геогра-

фический факультет НГПИ (Новокузнецк) и юридический факультет НФИ КемГУ.

Работал учителем, заместителем директора, директором детского дома и общеобразовательной школы.

Публиковался в журнале «Сибирские огни» и в коллективных сборниках. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» за 2022 год. Живет в Новокузнецке.

Шоколадный заяц
Рассказ

Увертюрой к предстоящим выходным заливался звонок с последнего урока в пятницу. Ученики, измученные мартовским солнцем, нещадно светившим в пыльные окна душных надоевших классов, в радостном возбуждении хлынули по лестницам. Самые «уставшие» перепрыгивали через несколько ступеней, скользили на виражах, цепляясь за перила, подлетали к раздевалкам и, схватив одежду, выбегали на улицу, оглашая крыльцо школы первобытным ревом. На два дня скинуто было наконец тяготившее их всю неделю ордынское иго. Чалдонов хмурился, щуря и без того чуть раскосые глаза, и трехдневная

черная щетина, почти заползшая на его широкие скулы, топорщилась, как иголки у пыхтящего ежа. Он отпустил детей за пять минут до звонка, заранее договорившись с историком не мешкать и, пока не припрягли по какому-нибудь вопросу, свалить побыстрее в чебуречную и отпраздновать окончание рабочей недели. И вот теперь он стоял недалеко от выхода в шумной толпе и, сам того не замечая, грыз ногти, ожидая своего соратника, который бессовестно задерживался. Увидев директора, почти бегущего по коридору, и семенившую рядом с ним сухощавую женщину с подчеркнуто умным выражением лица — завуча по научно-методической работе, Чалдонов инстинктивно пригнулся, втягивая голову в плечи. Но в то же мгновение понял, что его рослую спортивную фигуру не скроешь даже за спинами старшеклассников, да и глупо прятаться, как мальчишке, в тридцать с лишним. И потому он, выпятив грудь колесом, стал рассматривать старые объявления на стенде с отстраненным, непроницаемым видом.

— Тьфу ты, как нарочно! — выругался про себя Чалдонов, заметив краем глаза, как директор, перестав жестикулировать и что-то говорить завучу, которая изображала всецелое внимание,

направился к нему.

Вот он уже держал его за рукав пиджака и барабанил по ушам градом слов. Чалдонов смотрел сверху вниз на бегающие под очками заводные, с хитринкой глаза шефа, к которым так органично шли его побелевшие в административных боях волосы, и в очередной раз удивлялся, как тот способен запудрить человеку мозги на ровном месте. Из напористого потока слов, которые Чалдонов в большинстве своем, не вникая, отражал в стену напротив, выходило следующее: учителей не хватает, гимназия в опасности и завтра ему надо будет прийти рано утром на научно-практическую конференцию, чтобы возглавить жюри в секции по биологии для шестых классов.

— Да я ведь ОБЖ веду! Я в биологии ничего не соображаю, — начал было Чалдонов, приглаживая стриженую макушку.

— Лёша, о чем ты говоришь?! У тебя в дипломе написано — учитель географии и биологии.

— Я не о себе, я о детях волнуюсь. Не так засужу.

— Ты дурака не валяй, Алексей Фёдорович! Как председателем избирательной комиссии, так у тебя все получается, а тут волнуешься, как мнительная барышня?

Дальше Чалдонов не спорил. Шефа он уважал.

— Смотри же, завтра в восемь. Сам приду проверю.

И вдруг, вспомнив, между делом сообщил:

— Да, есть для тебя еще одно хорошее известие. Мне сегодня из администрации звонили. После конференции зайдешь в мой кабинет, скажу.

Чалдонов открыл было рот, но директор уже бежал к завхозихе, появившейся из-за угла. И только тут, с досадой оглядываясь по сторонам, он заметил ехидный взгляд учителя истории Саныча, который все слышал. Саныч и так смахивал на вечно улыбающегося Чеширского кота, а теперь вообще трясся всем телом и фыркал, как кипящий чайник, отчаянно сдерживаясь, чтобы не расхохотаться по-настоящему.

— Ты где пропадал, злыдень? — кипятился учитель ОБЖ, выходя за школьную ограду. — У тебя ведь последнего урока не было.

— Я, в отличие от тебя, не могу сразу со звонком покидать гимназию! Стены этого храма знаний не отпускают меня.

— Хорош уже веселиться. Подставил меня, как пацана. Теперь прощай здоровый сон с утра в выходной.

— Да не мог я раньше уйти! — сказал Саныч

примирительно, уже без насмешки. — Девочка у меня способная из десятого «А». Через неделю на олимпиаду в Москву уезжает. Пришла с вопросами. Не выгонять же ее.

— Мужику скоро полтинник, а он всякими глупостями занимается. Девочка, видите ли, у него, когда друг ждет по серьезному делу. Вот укатит твоя умная девочка через год в столицу, и много раз она про тебя вспомнит, старого дурака?

— По пивку или водочки? — добродушно перевел разговор Саныч, завидев издали облитую солнцем чебуречную.

Чалдонов сделал глубокомысленное лицо и изрек:

— Пиво без водки — деньги на ветер. Хотя теперь уже надо соблюдать культуру пития, ведь завтра научно-практическая конференция.

Чтобы сократить путь, они пошли напрямик, по тропинке через пустырь. Саныч играючи перебрасывал по потемневшей стезе свое поджарое тело, а Алексей Фёдорович шел сзади и вроде след в след, но под его весом снег то и дело проваливался. Роскошная ругань густо заполняла пространство вокруг вперемешку с репликами о том, что нормальные люди сейчас на машине к ресторану подъезжают с красивыми женщи-

нами, а два балбеса идут по неверно выбранной дороге в дешевый пивбар.

Пиво в самом деле было дешевым и водянистым, зато обстановка — приятной. Кругом гудел рабочий класс, звенели массивные пивные кружки, из хриплой колонки вырывался шансон, а за соседним столом, уже изрядно набравшись, хрипло спорили два завсегдатая и, возможно, назревала потасовка. Спиртное лилось рекой, горячий жир с чебуреков стекал по пальцам. Чалдонов с Санычем любили приходить сюда в том числе и для того, чтобы посмотреть очередной спектакль. Учитель ОБЖ, в который раз глядя на серые пьяные лица, слушая нескладную, державшуюся только на нецензурных выражениях речь, с удовлетворением чувствовал, что род его занятий — интеллектуального характера и он не ровня этим пролетариям.

Саныч, словно угадав ход его мыслей, сказал:

— А ты слышал, что географ новый уволился?

— Что так?

— Он, когда устраивался, шефа о зарплате спрашивал. А тот ему наплел про премиальные баллы, положение по оплате труда, перспективы молодого специалиста в гимназии, профессиональный рост. Ну, ты знаешь его! Вот парень и

бегал в первые месяцы как Егорка, такой активный, воодушевленный, а потом одну «ракушку»[1] получил, другую… и клюв повесил.

— Ему, наверное, сказали, чтобы подождал, не все же сразу? — злорадно ухмыльнулся Чалдонов.

— Ну вот он и ждал до марта, а тут место подвернулось, пошел на завод, в электролизный цех. Молодую жену кормить надо.

— Зря ушел, молодой еще, ума нет. Мои одноклассники, что на заводе, выглядят лет на двадцать старше меня, а кто уже и спился совсем.

— Я тоже считаю, зря. Да его, понимаешь, еще и тетки наши невзлюбили, завучи. На нас-то с тобой где залезешь, там и слезешь, а его строили по полной программе, как мальчишку.

И, как у них повелось, разговор в очередной раз перешел на женщин гимназии.

— Да они хуже американцев! — горячился Чалдонов. — Те хоть где-то далеко пакостят, а эти здесь сидят.

— И, заметь, не просто сидят, — подхватил

---

[1] Примечания: 1

«Ракушка» — обиходное название расчетного листка, в котором указана информация о заработной плате, удержаниях, начислениях и других финансовых параметрах.

Саныч, — а наши деньги делят. Создали там, понимаешь, премиальную комиссию и тасуют. А премия-то — считай, половина учительской зарплаты.

— Я тут захожу на днях в кабинет к Нателле, — кривился Чалдонов. — В чем, говорю, дело? Почему у меня стимулирующих выплат опять с гулькин нос? А она лобик наморщила, губы трубочкой сделала и манерно так вопрошает: «А какие у вас, Алексей Фёдорович, в отчетном периоде достижения?» «Успеваемость, — говорю, — у меня на сто процентов! Откройте все журналы — одни пятерки. Вот у Будорагина, например, кругом двойки, а у меня — пятак, потому что у меня, говорю, индивидуальный подход!»

Саныч захохотал от души:

— Ты бы ей еще про метод самоконтроля рассказал, когда учитель на первом уроке слегка болеет.

— «Мы, Алексей Фёдорович, с вами, — продолжал, передразнивая, Чалдонов, — говорим на разных языках». Конечно, на разных. У нее муж на разрезе каким-то микроначальником, сама тут лапу на деньги наложила, а у меня двое малых детей. Хорошо еще, что с завхозихой мы на короткой ноге. Вот ей я и снег с крыши скидываю, и

дыры в спортзале перфоратором сверлю, потому что платит сразу и наличкой. Да если бы мне за каждую дырку платили, вся гимназия была бы как решето.

— А Семёнова-то, подружайка ее, как чудит, — забавлялся Саныч. — На новой машине в гимназию ездит. Школа стоит, считай, во дворе ее дома, пару минут ходьбы до боковой калитки. Так нет же, не поленится выйти пораньше, разогреть двигатель, дать круг, объехать полквартала, чтобы только подкатить к центральному входу.

— А вот взять хоть тебя, Саныч! Ты у шефа на хорошем счету. Дети твои на олимпиадах побеждают, с женщинами вроде умеешь — где с шуткой, где с комплиментом, кого-то и за талию ущипнешь.

— Надо знать, кого и когда, — многозначительно заметил бывалый педагог, шаловливо приглаживая седые уже виски.

— Так вот, — продолжал Чалдонов, — как бы ты ни изощрялся, кого бы ни приобнимал, а зарплата у тебя будет всегда меньше, чем у них, и ничем ты этих теток не пробьешь. — И добавил: — Хорошо еще, что директор — мужик, а так бы вообще была засада. Сожрали бы нас с тобой!

Саныч лукаво посмотрел на горящие от негодо-

вания щеки и взъерошенную макушку друга:

— За меня, пожалуй, не беспокойся, а скажи мне лучше, Лёша, как на духу: чего ты-то в жизни хочешь?

— Я — здоровый умный мужчина в самом расцвете сил. Хочу иметь возможность зарабатывать себе на достойную жизнь.

— Эка куда хватанул! Замахнулся нарушить основы мироздания. Да когда на Руси было время, чтобы простому смертному давали заработать? Предоставь тебе такую возможность — ты, чего доброго, человеком себя почувствуешь, вопросы ненужные начнешь задавать. Не-е-ет, — убежденно мотнул головой Саныч, — живуча народная поговорка: от трудов праведных не наживешь палат каменных.

— Ну вот я и говорю, — продолжал невозмутимо Алексей Фёдорович, — мне бы такое местечко, чтобы не вкалывать, а руководить да средства распределять. — И Чалдонов мечтательно вскинул глаза: — Эх, живут же люди: при власти, при деньгах…

— В этом вопросе ничего не меняется, — подтвердил Саныч. — Кто при власти, тот и при деньгах. Еще во времена Московского государства боярин, когда приходил к царю с просьбой назна-

чить его поуправлять какой-нибудь областью, говорил так: «Пусти покормиться». И его пускали, то есть «сажали на корм». Только вот ты, Алексей Фёдорович, при дележке пирога кому нужен?

Повисла пауза. И было слышно сквозь шум пивбара, как в дальнем углу перепивший субъект кричал с надрывом в лицо своему соседу:

— Я справедливости хочу! Всю жизнь в литейном отпахал, а сейчас вот — под сокращение. Здоровья, говорят, у тебя нет. Отработанный ресурс! А где, спрашиваю, мое здоровье? Куда я его потратил?

— Давно конвертировано его здоровье, — невесело усмехнулся Саныч, — в офшорах на Кипре.

— Ты на мне крест раньше времени не ставь, — с упрямством в голосе продолжил Чалдонов. — Зачем вот меня шеф завтра к себе вызывает после конференции? По мою душу, говорит, из администрации звонили.

— Ну, известное дело. По выборам что-нибудь.

— Да нет, там по этому вопросу еще никто и не чешется. Тут другое. Слушай, а может, меня директором школы хотят поставить? Точно знаю: в районе освобождается одна. Новое здание. Хороший фонд оплаты труда. А что, — все более возбуждался Чалдонов, — я исполнительный.

Каждый раз в день голосования на моем участке лучшая явка в районе. Всегда выхожу на прогнозируемый процент. Опять же, погляди, какие у меня антропометрические данные. Красивый директор! Любо-дорого посмотреть!

И Чалдонов, выпрямившись, расправив плечи, изобразил такой взор, словно за грязным деревянным столом в эту минуту сидел не учитель ОБЖ, а как минимум глава района.

Саныч в раздумье покачал головой:

— Директор Алексей Чалдонов… маловероятно.

— Почему это? — надулись щетинистые губы.

— Антропометрия у тебя, конечно, хорошая, да вот гибкости в позвоночнике совсем нет. У нас только тем директорам школ с прямой спиной позволено ходить, у кого хороший блат наверху.

И Саныч, взглянув на пустую кружку, в сердцах махнув рукой, как казалось, до самой администрации, резюмировал:

— Эх! Да ну их всех в баню, Лёша! Давай повторим!

Друзья возвращались домой уже вечером. В теплых мартовских сумерках весело светились окна окрестных домов и подпрыгивали у них перед глазами. И было хорошо.

Утром Чалдонов сидел на почетном месте председателя жюри. Помятое лицо его с царапиной на подбородке (след от торопливого бритья) выражало суровость. По правую и левую руку от него, словно народные заседатели в суде, расположились два одиннадцатиклассника. Но Чалдонов знал, что именно он здесь принимает решение и результаты работы секции зависят только от него. Настроение его поначалу было как у человека, который отработал ночь, а ему объявили, что сменщик не пришел и надо задержаться еще на пару часов.

Собирались уже начинать, как вдруг из-за парты встал с улыбочкой румяный круглолицый мальчик из шестого «Б» — Сеня Лёвушкин. Он резво, как ни в чем не бывало подошел к судейскому столу, поставил перед Алексеем Фёдоровичем шоколадного зайца и, все так же улыбаясь, вернулся на место.

Дальше Чалдонов, надув щеки, делал вид, что слушает доклады. Молча кивал головой и не задавал лишних вопросов. Однако следует сказать, что и доклады были средненькими, не привлекающими внимания. Материал участниками в основном был надерган из Интернета и совсем неумело скомпонован. Кто-то добросовестно вы-

учил эту сдутую информацию, но большинство читали по бумажке. Да к тому же победителя опытный учитель уже определил.

С каждым прошедшим докладом настроение председателя жюри все больше поднималось. Мероприятие приближалось к концу и проходило по всем канонам. Докладчики переживали и украдкой смотрели в сторону главного арбитра, пытаясь угадать, что у того на уме, а подобревший арбитр то и дело бросал взгляд на зайца, который, как он определил, был с коньяком внутри. Тот подмигивал ему шоколадным глазом и, казалось, говорил, даже не говорил, а кричал во всеуслышание: «Респект вам и уважение, Алексей Фёдорович!» И, когда выступал Лёвушкин, временами заглядывая в листок, Чалдонов уже не сдвигал грозно брови, а улыбался.

Однако он рано расслабился, небольшое испытание ему все же предстояло. Последним к доске вышел Ваня Скворцов. Чалдонов вспомнил, как биологичка с утра что-то говорила ему про этого ученика. Вроде бы способный.

Скворцов принес с собой два горшка с растениями. Впрочем, учитель с дипломом «география и биология» слабо разбирался во флоре. Для него все, что не дерево, было травой. Только в одном

горшке трава была зеленой и кустистой, с бутонами, а в другом — квелой, пожелтевшей и явно мучилась. И как давай этот Скворцов рассказывать, какие условия он этим цветам создавал, какой организовал режим полива, как изменял характер освещения и влажности, какими удобрениями подкармливал, исходя из состава почвы. Причем все изменения фиксировал в динамике, представляя результаты в таблице, иллюстрируя их фотографиями. И чем дольше Чалдонов слушал, тем больше понимал, что мальчишка, по сути, провел и оформил полноценное исследование, и тем больше нарастало у него внутреннее напряжение. Даже зачесалось под лопаткой. Стало возникать сомнение, что было совсем некстати за пять минут до объявления результатов. И председатель жюри опять сдвинул брови, но теперь уже по-настоящему задумался.

Вечером того же дня Алексей Фёдорович был в самом благодушном настроении. Они с Санычем сидели за тем же деревянным столом и отмечали важное событие: Чалдонова наградили медалью «За веру в добро» (медаль «За веру в выборы» еще не додумались давать). Между пивными кружками стоял тот самый подмигивающий зверь, и Чалдонов объяснял его происхождение, да и

вообще, приукрасив, расписывал свою работу на научно-практической конференции.

Выслушав незатейливый рассказ, Саныч с легкой улыбкой укоризненно покачал головой:

— Как же ты так, Лёша, медали «За веру в добро» получаешь, а способного ребенка засудил.

На что последовал серьезный, заранее обдуманный ответ:

— Я — учитель, инженер человеческих душ, а потому должен закреплять у детей социально успешные модели поведения. Разве можно у нас в реальной жизни стать первым без шоколадного зайца? Вторым… еще может быть, но первым — никогда! И чем быстрее тот же Скворцов это поймет, тем лучше.

И Чалдонов вперил взгляд в своего соратника:

— Скажи, что это не так.

— М-м-да… — протянул Саныч, — живуча народная поговорка: всяк подъячий любит калач горячий. Лет пятьсот уже, наверное, ей. Такой вот у нас менталитет.

Затем, взглянув на опустевшую кружку, резюмировал:

— Ну что тут скажешь, Лёша… Давай повторим!

В этот вечер Чалдонов спал сном младенца,

как человек, который добросовестно исполнил свой долг. Крепко спал и окрыленный успехом Лёвушкин. И только Ваня Скворцов ворочался. У мальчишки был пытливый ум, и он все пытался понять, чего в его докладе не хватило для первого места. Но мысли его путались, внимание рассеивалось. И уже в полудреме все всплывал перед ним, подмигивая, и словно пытался о чем-то сказать стоящий на столе председателя жюри шоколадный заяц.

г. Новокузнецк

Не мешайте кораблю плыть

Хорошо сплавляться по Томи летом на катамаране, особенно в верховьях. Река здесь чудесная: небыстрая, чистая и безопасная. Есть возможность полюбоваться невысокими горными хребтами, поросшими милыми сердцу пихтами, подышать вдоволь живительным, сотканным из кислорода воздухом, занять время ненавязчивой беседой с соседом «по палубе» — словом, воплотить в жизнь известное древнее изречение: «Смертный, скользи по жизни, но не напирай

на нее»[2].

Вот мы и скользили с Санычем второй день, полулежа, каждый на своем баллоне, радуясь, когда небольшое облачко скрывало наши тяжелые похмельные головы от палящего солнца. На очередном плесе, затянувшемся, как молчаливое безделье, я грубо нарушил сонную идиллию, попытавшись веслом направить плавсредство к центру видневшегося впереди переката. Саныч, увидев мое телодвижение, на правах капитана, а также старшего, постигшего мудрость, и вообще почетного работника образования, заметил наставительно:

— Главное — не мешать кораблю плыть!

Он просто пошутил от нечего делать, но ведь иной раз одно выражение, одно слово может всколыхнуть человека и напомнить ему невесть что. Так и эта ленивая реплика вызвала в памяти давно забытую страничку из прошлого.

— Да уж, верно говоришь, главное — хотя бы не мешать. В подтверждение твоего выдающегося умозаключения могу, друг мой, поведать тебе историю.

И я вопросительно посмотрел на Саныча.

---

[2] Примечания: 2
Эпикур.

— Валяй, рассказывай, — зевнул он, в очередной раз намочив в воде кепку.

— Хотя… впрочем, ничего в ней особенного, да и рассказчик из меня не бог весть какой, — сразу подстраховался я. — Вот был у нас на факультете преподаватель философии, которого в конце концов выгнали, так тот, когда не болел после вчерашнего, мог молотить без умолку пять пар напропалую. И так брал нашу ватагу за живое, что мы слушали его затаив дыхание, с изумлением выходя из темноты в свет, как те узники из пещеры Платона[3]. Даже забывали про хлеб наш насущный и пропадающие без дела в карманах талоны на питание. Но раз уж сами, батенька, дали мне добро, то извольте слушать.

Я тогда был еще совсем молодым учителем и очень боялся завуча. В оправдание могу заметить, что и завуч у нас была не чета нынешним. Хищного прищура и тонких, плотно сжатых губ Регины Петровны опасался не я один. И собравшиеся закурить в туалете старшеклассники, а тем более несчастная, не сдавшая вовремя отчет учительница и даже трудовик, который что-то там смастерил на даче у директора, а потому

---

[3] Примечания: 3

Имеется в виду «Миф о пещере» Платона.

держался независимее прочего педсостава, чувствовали себя под прицелом темных раскосых глаз как на осмотре у стоматолога. Да что и говорить, «общаться по душам» она умела. Манера разговора Регины Петровны была сродни ее почерку: начинала мелко, дробно, постепенно увеличивая нажим, который выливался в конце фразы в хлесткую, размашистую петлю.

Отлично помню, как «поднималась» моя самооценка на заре учительства, например, такими фразами: «Действительно, дети тебя слушают. Ты все-таки молодой мужчина, что для школы редкость. Однако с методической точки зрения твой урок абсолютно безграмотен. К тому же при его анализе ты двух слов связать не можешь. А в чем причина? Да в том, что речь у тебя не развита!» И я смиренно мотал на ус, потому как Регина Петровна в свои сорок семь считалась *у* нас если не корифеем педагогики, то, во всяком случае, человеком весьма и весьма в деле преподавания подкованным.

На урок с проверкой, а вернее, с методическим контролем, она всегда входила неожиданно, со звонком, как бы скрываясь за спинами вбегающих в класс учеников. Так что в первую минуту ее можно было и не заметить. Потом садилась на

заднюю парту и, наставив свои горячие очи на еще не опомнившегося учителя, начинала сверлить его взглядом. Многие педагоги со стажем, не говоря уже о молодых, смущались, излишне рефлексировали, старались на ходу перестроить урок так, как им казалось должно понравиться Регине Петровне, и в конце концов комкали его, предельно ясно осознавая свою бездарность. Кое-как дотянув до звонка, проверяемые переживали десять минут позора во время эмоционального обсуждения, а вернее, отзыва контролера на увиденное и (что еще хуже!) услышанное, затем, по окончании методической помощи, наконец выдохнув, спешили в следующий класс.

И, как я теперь понимаю, цели своей Регина Петровна достигала. В школе у нас был порядок. Субординация соблюдалась. Все бумажки сдавались вовремя, в полном объеме. Проверки вышестоящими органами проходили на ура.

Порядок был даже в кабинете музыки, хотя, что греха таить, часто кабинет этот является головной болью школьного завхоза. В самом деле, юное поколение подчас настолько рьяно постигает высший (по Аристотелю) вид искусства, так ревностно борется с бесом бескультурья, что по окончании учебного года помещение для заня-

тий этим искусством смахивает на покинутый театр военных действий, и его надо ставить на ремонт. И менять мебель в придачу.

Однако повторюсь: у нас даже на этом фронте был полный порядок. Из тринадцатого кабинета доносились не вопли вперемешку с дружным ржанием, а самая настоящая, в том числе классическая, музыка и порой весьма красивое пение. Но вот что казалось мне странным. Если у приоткрытых дверей других кабинетов Регина Петровна могла подолгу прислушиваться, хитро ухмыляясь, то мимо тринадцатого она проходила быстро, наклонив голову и морщилась, как профессор консерватории, уколотый фальшивым звуком.

Впрочем, мне поначалу было совсем не до того, чтобы задумываться над своими наблюдениями. Уже месяца через два после трудоустройства две с половиной ставки инженера человеческих душ вкупе с классным руководством вгоняли меня в сильную тоску. Помню, отработав на очередном школьном субботнике после восьми уроков подряд, я сидел за пустым столиком в столовой, ел черствый пончик с каплей сметаны и рассуждал о развилках на дороге судьбы, завидуя сокурснику, надевшему милицейскую форму.

— Здравствуйте, не возражаете, если составлю вам компанию? — раздалось из-за спины.

Напротив меня появилась сивая, стриженная «под ежик» голова учителя музыки со сверкающей лукавой улыбкой и массивными линзами очков.

— Зря вы вчерашнюю выпечку взяли.

— Сказали, свежая.

— Не всему верьте, что говорят. Сегодня в меню замечательная порционная курочка с отварным картофелем. Также рекомендую салат из папоротника. Давно известно, что орляк токсины выводит, а уж токсинов-то в образовании хватает. Вообще, заходите ко мне как-нибудь после пяти сразиться в шахматишки, я вас еще целебным алтайским чаем угощу. — И продолжил прямо, приступая к трапезе: — Вот вы, вижу, переживаете после очередного контроля, а дети, смею заметить, отзываются о ваших уроках с интересом, к тому же величают вас между собой по имени-отчеству. Я же, например, поначалу был для них лишь Баян Баяныч.

— Да, но Регина Петровна считает…

— Мой вам дружеский совет, молодой человек, кто бы там что ни считал: идите своим путем, пробуйте, набивайте шишки, ищите — и обряще-

те. В нашем ремесле без этого скучно.

— Получается, и завуча не слушать?!

Мой собеседник даже переменился в лице и, обернувшись по сторонам, понизил голос, как заговорщик:

— Боже упаси! Как можно такое говорить? Вы же в системе, причем не просто в системе, а в образовании! Потому должны не просто слушать, но и внимать и благоговеть!

Затем, откинувшись на спинку стула, опять расплылся в улыбке:

— И все же никто не мешает вам думать, а подумав, делать так, как правильно на самом деле.

Саныч даже привстал с места:

— Ишь какой жук нашелся! Такие умники плохо заканчивают.

Тем не менее на момент вышеуказанного разговора у Анатолия Сергеевича все шло хорошо. Как он потом признавался, уже в самый момент устройства в нашу школу ему повезло. Редкий директор, особенно директор-женщина, возьмет человека со стороны, за которого не замолвил словечко кто-нибудь из ближнего круга. Но тогда, видимо, у администрации совсем горело: на носу аттестация школы, а учителя музыки нет. Вот и приняли чужого скре-пя сердце, тем более что

нужное образование и категория имелись.

Правда, в первую минуту его немного шокировало помещение для занятий высшим искусством. Но, будучи педагогом старой закалки, то есть по совместительству и плотником, и штукатуром-маляром, Анатолий Сергеевич засучив рукава направился в школьные мастерские за инструментом, втайне надеясь на мужскую солидарность. Получив исчерпывающий ответ, пошел к завхозихе, заранее приготовившись услышать повтор речевых оборотов трудовика. Однако та приняла его благодушно и посоветовала ближайший строительный магазин. В общем, через две недели кабинет музыки было не узнать. Белоснежный потолок, кремовые обои, чистые плафоны с новыми лампами, твердо стоящие на ножках шкафы и парты, оклеенные пленкой под дерево, и, что более всего обрадовало руководителя хозяйственной части, вместо неблагопристойной надписи на стене — стенды с портретами выдающихся композиторов. Даже директор упомянула на административной планерке: «А музыкант-то у нас вроде ничего». Наверное, тогда впервые и кольнуло в поджелудочной железе у Регины Петровны.

Сложнее Анатолию Сергеевичу было с ин-

струментом музыкальным, который с аванса не купишь. Конечно, он принес с собой старый, проверенный годами дружбы баян, но прекрасно понимал, что с ним одним рискует надолго застрять на уровне школьного гармониста. Тут, опять же, помогла заместитель директора по хозяйственной работе, которая после ремонта кабинета была столь благосклонна, что дала ему ключ от склада-хламятника.

И вот тринадцатый на время превратился в радиотехническую мастерскую, где после уроков ребята из старших классов во главе с последователем Эвтерпы[4] что-то там паяли, наморщив лбы. Причем дело у них пошло, так как бывалый педагог, понимая серьезность момента, привлек давнего приятеля — мастера по ремонту музыкальной аппаратуры. В итоге заработали старый усилитель, музыкальный центр, зазвучал всеми забытый синтезатор и даже подал признаки жизни реанимированный микшерский пульт. А также исчез из лексикона детей Баян Баяныч. Но вся эта увлекательная возня вызвала и неожиданный побочный эффект. В кулуарных разговорах физичкой, кстати большой любимицей Реги-

[4] Примечания: 4

Эвтерпа — у древних греков: муза лирической поэзии и музыки.

ны Петровны, была пущена волна: «Конечно, о какой успеваемости может идти речь, когда самые балбесы, вместо того чтобы уроки делать, у Бороздина с паяльником сидят!» Однако, не найдя особой поддержки, волна сотрясла воздух и успокоилась.

По-хорошему стоило бы успокоиться и самому Бороздину. Действительно, есть где учить, чем учить, дети воспринимают хорошо, коллеги — худо-бедно тоже… И то сказать, не велика птица — школьный учитель музыки. Так нет же, сознательно потеснил человека, причем не последнего человека в школе, да к тому же того, который отнесся к нему благодушно. В оправдание Анатолия Сергеевича скажу, что на то имелись две причины, причем одна из них — веская.

Все помнят, какие раньше были учительские зарплаты: смех сквозь слезы, а для педагогов-мужчин — просто слезы. Вот Бороздин и пошел к директору, замечу, не к Регине Петровне, а через голову, с предложением дать ему полставки кружковой работы. Взамен же он обещал научить детей играть на гитаре, а в перспективе — создать школьный вокально-инструментальный ансамбль, что являлось его сокровенной мечтой и второй причиной, вообще-то, весьма резвого

поступка. Ну а так как для успеха в данной работе требуются индивидуальные занятия, то вдобавок попросил отдать ему кабинет, давно превращенный завхозом в хламятник, с обязательством сделать из него музыкальную студию.

Директор у нас была настоящим львом (конечно, во многом благодаря серьезной поддержке сверху), причем львом умным. А потому облагодетельствовала его вместо половины целой ставкой, видимо рассудив, что с замотивированного человека можно и драть три шкуры. Тут же последовал приказ руководителю хозяйственной части освободить помещение. В общем, формально стороны пришли к полному согласию, однако намерения их не совпадали.

Бороздин понял это уже на следующий день, когда в его творческое пространство твердым, напористым шагом вошла школьная муза — заместитель директора по воспитательной работе. В руках она держала источник вдохновения — длинный, как простынь, план школьных мероприятий. Муза пояснила голосом, не терпящим возражений, что главное ее требование к музыкальным номерам — массовость. Причем Ираида Павловна, сильнейший педагог и опытный директор, с ней согласна. А пестованием отдельных

талантов пусть школы при консерваториях занимаются.

Таким образом, жизнь Бороздина превратилась в сплошной праздник. Не проходило и дня без репетиций. Классные руководители, быстро смикитив, что к чему, стали гонять к нему своих подопечных строем, убежденно повторяя в своей среде неоспоримый тезис: «На все есть свои специалисты». И порой до самого вечера из тринадцатого кабинета доносилось что-нибудь вроде:

Мы веселые ребята-бята-бята-бята,

Очень весело живем-вем-вем!

Вдоволь навеселившись, в опустевшей школе специалист принимался за изготовление фонограмм (так называемых минусовок[5]). Занятие, в принципе, стоящее, только если делать их на продажу, а не в рамках очередного КТД[6].

В общем, по причинам вполне прозаичным создание школьного ансамбля буксовало.

---

[5] Примечания: 5

Минусовка — запись музыкального произведения, в которой отсутствует вокал или солирующий инструмент. Чаще всего это просто готовый аккомпанемент для солиста.

[6] Примечания: 6

КТД — коллективное творческое дело.

Однако Анатолий Сергеевич был человеком упертым, потому не прошло и полугода, как на стенах бывшего склада появилась зеленая драпировка для улучшения акустики, и те ребята, которые верили учителю с самого начала, уже осваивали на гитаре первые аккорды. Как раз к этому времени относится и наш разговор в столовой. Тогда, глядя на дышащую оптимизмом фигуру Бороздина, в неизменно элегантном костюме, я тоже верил в его правоту.

Может возникнуть вопрос: позвольте, а что же первый зам, как называли с подачи директора Регину Петровну, неужели она не подмяла какого-то там мужичка в пиджачке? А надо сказать, что некоторые соратники ждали показательной экзекуции, хотя бы из чисто спортивного интереса, свойственного отдельным «интеллигентным» людям. Щурясь, глядели они в спину Бороздину: ничего, мол, и тебя высекут, и будешь бегать как ошпаренный от одного взгляда завуча.

Но дни шли за днями, а Бороздин все так же прямо, с легкой улыбкой ходил по коридорам, и скорость его движения ничуть не зависела от цвета одежды Регины Петровны. Хотя даже мне через месяц работы было ведомо: если первый зам в зеленом платье — все как обычно, если в

бордовом — жаждет контроля, если в черном — вышла на тропу войны.

Конечно, уроки Анатолия Сергеевича вызывали уважение. Я, признаюсь, посетив один из них, не заметил, что просидел целый час с открытым ртом, и впервые в жизни подумал с сожалением: «Почему же я в музыке такой профан?» Бросилась мне в глаза и некомпетентность моя в методике преподавания. Но, странное дело, если разборы моих потуг Региной Петровной вызывали только уныние, то, увидев работу Бороздина, захотелось учиться.

Впрочем, давно известно, что добросовестное исполнение трудовой функции еще не повод ходить прямо. Иной проверяющий задаст такие вопросы, от которых впадешь в замешательство, замычишь, начнешь пожимать плечами и услышишь на это: «Что ты тут цыганочку танцуешь? Работать надо как полагается!» Бороздин же плечами не дергал, наоборот, обнаруживал полную готовность к конструктивному взаимодействию с первым замом, причем сам не стеснялся задавать вопросы, советовался, как применить то или иное положение методики в данной конкретной ситуации. И контроль учителя музыки с целью методической помощи стал эпизодическим, а

потом и вовсе прекратился.

Таким образом, скажу еще раз: у Анатолия Сергеевича все шло хорошо. Уже и первые питомцы его из кружка гитары выступили на празднике. Правда, играли слабо, пели неважно, вызвав весьма вялые аплодисменты. Я даже высказал тогда Бороздину, чувствуя обиду за любимого исполнителя:

— Слушайте, может, не стоило брать такую песню? Нельзя тянуть дрожащим голосом: «Перемен требуют наши сердца»[7]. Здесь нужен сокрушительный протест, чтобы у людей появилась вера, что можно прорвать плотину и все изменить.

— Согласен, преждевременно взяли, но ребята сами захотели попробовать, не хотелось губить инициативу. Зато теперь будут пахать вдвойне. А перемены, поверь мне, будут.

И они действительно наступили в жизни учителя музыки. Все началось с того, что семикласснику Щеголенкову он поставил тройку. Причем как-то так получилось, что никто ее не ожидал. Потому тройка по музыке оказалась единственной среди четвертных оценок. В общем, все проворонили ситуацию, даже Голо-

---

[7] Примечания: 7

В. Цой. «Хочу перемен».

лобова, классный руководитель «несчастного» ученика. О Гололобовой стоит сказать пару слов. Эта дама, немолодая, нестарая, неглупая, не сильно умная, принадлежала к числу тех людей, которые идут в гору благодаря умению вовремя смеяться. Случалось, вызовет меня на перемене Регина Петровна, задаст неожиданный вопрос, сразу и не сообразишь, как ответить, брякнешь какую-нибудь несуразность под снисходительную улыбку завуча, не успеешь еще поправиться, а Гололобова и другие прихехеши уже хохочут, заливаются… Если же руководителю необходимо устроить подчиненному разнос, такие персонажи вообще незаменимы. Входя в кабинет, еще не поняв, в чем дело, вызванный на ковер уже чувствует на себе их осуждающие взгляды. Говорит обычно только начальник, но с каким же рвением они резонируют! По школе ходили настойчивые слухи, что Гололобовой прочат административную должность, хотя я в ней никаких талантов, кроме вышеуказанного, до поры до времени не замечал.

Тем не менее успеваемость в ее классе всегда была на высоте, потому как в конце каждой четверти Гололобова отправлялась по учителям договариваться. При этом, изображая само доб-

родушие, не забывала напомнить им елейным голосом, как много значат для школы хорошие учебные показатели. Вот и на сей раз она договорилась за Щеголенкова по нескольким предметам. Конечно, «всё осознавший» ученик ходил пересдавать с притворно-виноватой улыбкой, делал вид, будто что-то там решает, вообще видимость приличия соблюдалась, но в итоге твердый троечник в конце четверти вышел чуть ли не отличником. А тут прозевала!

Дело осложнилось тем, что прибегала мамаша Щеголенкова — женщина непростая, со связями. Видимо, не считая нужным заходить в тринадцатый кабинет, направилась прямо к директору. Как рассказывала секретарь, все началось с рычания, а закончилось взаимными поглаживаниями. Мадам Щеголенкова уходила от матерого руководителя с улыбкой и обещала даже посодействовать с ремонтом школьного туалета.

Потом Ираида Павловна коротко пообщалась с Бороздиным. Подчеркнув, что имеет дело с сильным, опытным и даже талантливым педагогом, спросила:

— Почему же *у* такого педагога ребенок получает тройку, когда по остальным предметам у него четыре или пять?

— Не знает он учебного материала. Потому как не хочет учиться или неспособен, — невозмутимо ответил учитель. — «Болеро» Равеля от Мусоргского отличить не может.

Ираида Павловна на мгновение задумалась, затем в голосе ее зазвучали стальные нотки:

— Я вам так скажу, Анатолий Сергеевич: умного и дурак научит, а вот, между нами говоря, научить дурака — тут-то как раз и нужно проявить педагогическое мастерство. — И добавила веско: — Очень надеюсь, что в следующей четверти у Щеголенкова все будет как минимум хорошо.

В данном случае Бороздин как раз пожал плечами:

— Если будет учиться — все и будет хорошо.

Директор еще раз внимательно на него взглянула:

— Ну и славно, полагаю, мы друг друга поняли.

Следом Ираида Павловна вызвала первого зама. Содержание их разговора осталось тайной. Известно только, что лицо и шея Регины Петровны, когда она вылетела из приемной, горели красными пятнами — признак самый скверный для подчиненных.

Конечно, учитель музыки поставил Щеголенкову злополучную тройку не по причине незнания

«Болеро». Разумеется, он мог бы сказать директору, что подросток этот — отъявленный лодырь, что его любимое занятие — качать права, что вины своей он никогда ни в чем не признаёт, а жаловаться обожает, поэтому дети его недолюбливают и даже побаиваются. Мог бы также описать в красках, как воспитанник Гололобовой прощупывал возможности устроить на его уроках балаган, подбивая к тому одноклассников, но, не найдя поддержки и почувствовав силу учителя, решил на музыке просто отдыхать, то есть бездельничать. При этом высказывал сверстникам такое мнение: «Четверку-то все равно поставит, а большего мне и не надо!» Однако Бороздин не зря полжизни проработал в образовании и прекрасно понимал, что администрации школы до всей этой мелодрамы нет абсолютно никакого дела.

«Да черт с ним, с Щеголенковым, — думал учитель музыки, выходя от директора. — Сидит себе, не мешает — и пусть сидит. Поспрашиваю в следующей четверти, что-нибудь промямлит, четверку и натяну».

Собственно, так бы и вышло, не возьми подростка под крыло Регина Петровна. Действительно, он стал часто появляться у первого зама, подолгу разговаривал с ней, поливал ей цветы, разносил

по учителям записочки с требованием срочно явиться в кабинет завуча, выполнял другие незатейливые поручения. Следствием таких теплых отношений стало заявление подростка Бороздину на одном из уроков: «Если вы, Анатолий Сергеевич, мне тройку поставите, это вы ее не мне, а себе поставите. И вообще, какие могут быть тройки на музыке, музыка — не математика».

Анатолий Сергеевич попытался обратиться к классному руководителю подростка, но диалог не состоялся. «Не знаю, не знаю, что у вас теперь получится, — замахала руками Гололобова. — Сами затеяли конфликт с ребенком, не обратились ко мне вовремя, не поинтересовались индивидуальными особенностями ученика, вот сами теперь и налаживайте отношения».

Не успел Бороздин обдумать дальнейшие действия, как Регина Петровна надела бордовое платье, и он попал под плотный контроль. Причем вопросы по окончании урока теперь ставились иные: почему пыль на полках шкафов, почему цветы на подоконниках, есть ли среди них ядовитые? Писали ли заявку электрику, что лампы в кабинете разного цвета? Ну и тому подобное. И наконец: когда у вас все-таки начнет работать на уроке Щеголенков? Тем не менее

Бороздин все так же ходил прямо, хотя улыбка уже сошла с его лица.

Удар, действительно потрясший его, пришел с неожиданной стороны. В один прекрасный день, открыв дверь в музыкальную студию, Анатолий Сергеевич обнаружил, что его встречают грязные, обшарпанные стены, а содранная драпировка валяется на полу возле входа. Метнувшись к завхозу, он наткнулся на кривую ухмылку и, не успев даже рта раскрыть, услышал: «Горючая отделка в помещениях школ не допускается. Хорошо, пожарный инспектор предупредил по доброте душевной. Кстати, подпишите-ка у себя под розетками двести двадцать вольт».

С того дня линзы учителя музыки стали поблескивать особым огнем, таким, какой появлялся у него в глазах в момент просчитывания шахматной комбинации. Видимо, не сомневаясь, что его со всех сторон обкладывают, Бороздин уже готовил свой решающий ход.

А мне особо рассуждать на тему его отношений с администрацией тогда было некогда. Более того, на какое-то время я даже совершенно забыл про тринадцатый кабинет и его хозяина, потому что получил, несмотря на недоразвитость речи, задание подготовить небольшой докладик на

ближайшем педсовете. Замечу, что в первый год работы само словосочетание «педагогический совет» вызывало у меня действительно благоговейный трепет. Конечно, я не воспринимал его как военный совет в Филях, где в столкновении мнений принималось судьбоносное для Отечества решение, но все-таки считал, что стратегические направления жизни школы выковываются именно здесь. Потому готовился на совесть.

И вот настал момент, когда я сидел в гудящем, как улей, переполненном зале, с волнением погрузившись в замусоленный, исчерканный доклад. Только слышал, как справа биологичка громко рассказывала коллегам свой фирменный рецепт приготовления фаршированной рыбы да слева до меня доносились обрывки анекдотов трудовика под дружный хохот собравшихся рядом мужчин. Президиум еще пустовал, и основная интрига для собравшегося педколлектива — в каком цвете выйдет Регина Петровна — оставалась неразрешенной. Вдруг гул резко пошел на убыль. На сцену поднялись директор, первый зам в идеально сидящем антрацитовом костюме и другие члены администрации.

Первой выступала, естественно, женщина в

черном. Я, признаюсь, поначалу ее совсем не слушал, повторяя свой материал, и, лишь когда голос первого зама почти перешел в крик, обратил внимание на слова:

— О каком эстетическом воспитании наших учеников может идти речь, — неслось со сцены, — когда в кабинете музыки грязь?! Понятно, что музыку дети воспринимают на слух, но ведь не с закрытыми же глазами! К тому же свет в тринадцатом кабинете вреден для зрения, а учителю, получающему надбавку за заведование кабинетом, до такого вопиющего факта и дела нет. Как нет дела и до того, что на подоконнике у него в непосредственной доступности для детей ядовитая бегония. Может, Анатолий Сергеевич и думает, что все сказанное — мелочи, но на самом деле нельзя считать мелочью жизнь и здоровье детей! И, наконец, все мы знаем, какое громадное значение сегодня на разных уровнях придается патриотическому воспитанию молодого поколения. Многие учителя, не хватающие звезд с неба, кропотливо работают в данном направлении: привлекают в учебный процесс краеведческий материал, делают акцент на выдающихся достижениях отечественных ученых и деятелей культуры. Но что же мы видим у Анатолия Сер-

геевича Бороздина? Некий Морис Равель! Как будто и нет русской музыки, на которой в первую очередь должны воспитываться патриотические чувства подрастающего человека. Словно и не существовало на свете Глинки, Чайковского, Рахманинова, Мусоргского!

— Позвольте внести ясность, — зазвенел вдруг в зале необычайно зычный голос, и все увидели Бороздина, быстро подходящего к сцене с небольшим кассетным магнитофоном. Воспользовавшись всеобщим замешательством, он так же громко продолжил:

— Действительно, Регина Петровна, когда вы были у меня на уроке, я забыл стереть надпись: «Морис Равель, “Болеро”». Но на доске-то висел портрет Мусоргского, и слушали вы вот это произведение. Неужели не помните?!

И Бороздин включил «Богатырские ворота».

Когда величественная, торжественная музыка, в основе которой так остро чувствуются народные мотивы, начала набирать обороты, Бороздин остановил пленку и констатировал с улыбкой:

— Так что, коллеги, не верьте Регине Петровне, существовал на свете Мусоргский!

По бледному лицу первого зама в антрацитовом костюме поползли красные разводы, и, похоже,

дар речи на время ее покинул. Ираида Павловна тоже молчала, сообразив, что грубо оборвать в эту секунду Бороздина — значит оставить вопрос открытым, сильно повредив авторитету завуча.

И тут, пока народ еще безмолвствовал, встала с места Гололобова.

— Анатолий Сергеевич, — развела она в удивлении руками, — зачем вы нам здесь голову морочите? Включаете «Болеро» Равеля, а говорите, что звучит Мусоргский? Что за странные шуточки?

Теперь уже сам учитель музыки не нашел слов, чтобы ответить, да и не успел бы, потому что подскочила физичка и проговорила ледяным тоном, глядя на него с неподдельной ненавистью:

— Я считаю, коллега… хотя мне претит называть вас своим коллегой, так вот, я считаю, что вы сейчас ведете себя низко, и в первую очередь низко как мужчина. Я бы на вашем месте извинилась перед Регионой Петровной за столь беспардонную выходку. Но где уж вам! Вы скорее упретесь и будете продолжать выдавать «Болеро» за Мусоргского, чем признаете свою неправоту.

По залу стал подниматься гул, который перекрыл горячий вибрирующий голос учителя музыки:

— Уважаемые педагоги, вопрос принципиальный, достойный педсовета! Кто может сказать, что сейчас он слушал Мусоргского?

В помещении стало совершенно тихо.

Я впоследствии часто думал, почему никто не пришел в ту минуту к нему на помощь. Конечно, были у нас в школе и весьма достойные люди, сочувствовавшие Бороздину. Но в том-то и дело, что вопрос был поставлен чересчур принципиально. А у всех семья, дети, планы, долги… Я и сам тогда, конечно, промолчал. Да и разве мог я что-нибудь сказать еще в ту пору? А теперь в подобной ситуации… уже не скажу.

В общем, с каждой секундой затянувшейся паузы шансы Бороздина стремительно таяли. Наконец трудовик, вечно красное лицо которого стало совсем кирпичным, рявкнул:

— Хорош ваньку валять со своим Мусоргским-шмусоргским! Какое мне дело до балерона Равеля, когда через час машина с пиломатериалом придет!

В первых, ближних к администрации, рядах раздался хохот, который стал быстро распространяться по залу. И, конечно, больше всех надрывалась от смеха Гололобова.

Неестественно вытянувшись, учитель музыки

с удивлением вглядывался в лица людей, и вдруг сзади на него обрушился жесткий, как железный кулак, голос директора:

— Бороздин, вы из-за своей мелкой амбиции мешаете сейчас работе всего педагогического коллектива. Мы уже поняли, что вы не наш человек! Покиньте помещение!

Анатолий Сергеевич вышел. Но вышел он, как всегда, прямо, и, когда проходил рядом со мной, мне даже показалось, что некое подобие улыбки скользнуло по его лицу. А через две недели приняли новую, ничем не выделяющуюся учительницу музыки, и тринадцатый кабинет снова стал головной болью нашей завхозихи.

Окончив свою повесть, я замолчал, удивляясь вдруг охватившему меня волнению. Взор мой невольно залюбовался красивой, убегающей в таежную даль рекой. Почему-то, как в юности, защемило сердце. Саныч тоже долго смотрел на водную гладь впереди. Я уже и не надеялся на ответ старшего товарища, когда услышал:

— Вечно ты откопаешь что-нибудь этакое! Нет бы порадовать друга на отдыхе позитивом. Ведь есть же хорошее в том же образовании. А от твоего рассказа только голова больше заболела, не стоило и слушать.

Дальше разговаривать не хотелось, и наш корабль уже в полном безмолвии несло по течению...

Татьяна Твердохлебова

Родилась в Кемерове. Окончила Кемеровский медицинский институт. Работает офтальмо-

логом. С 1992 года занималась в литературной студии «Свеча» под руководством Т. Рубцовой. Публиковалась в поэтических сборниках «Пожалей всех птиц влюблённых», «Семиветрие», неоднократно — в журнале «Огни Кузбасса», альманахах «Образ», «Кольчугинская осень». Награждена литературной премией журнала «Огни Кузбасса» за лучшую публикацию 2018 года в разделе «Проза».

Гитлер овец

В один из прекрасных апрельских выходных нам с мужем удалось улизнуть из городского карантина на заимку в районе. Мы наслаждались солнцем, пейзажами, убегающими назад за окном машины, а главное, свободой от домашнего заключения. В городе снег оставался в виде грязных островков. За городом же синеватый снег широко раскинулся на полях и в лесу. Он казался слежавшимся пуховым покрывалом, побитым молью капели и весенних дождей. На проталинах желтели солнышками первоцветы. В лесу ощущался едва уловимый аромат талого снега, прошлогодней прелой травы и свежего берёзового сока. На глубоком снегу виднелись

следы тяжёлого лося.

Пётр Николаевич (местный егерь) оказался крепким, загоревшим под апрельским солнцем немолодым мужчиной. Он проводил нас в гостевой домик и заторопился по своим делам.

У крыши слышалось многоголосое мощное жужжание, словно в улье. На кирпичной стене грелось множество мух. Шмель покружил вокруг моей синей куртки. Обманувшийся в своих надеждах, он улетел с обиженным гудением. Две юные пёстрые бабочки разучивали в воздухе польку. Пруд напротив домика был покрыт слоем подтаивающего рафинадного льда. Бежевые козы Николаевича с саблевидными рогами неспешно бродили по проталинам в поисках свежей травы. В воздухе царило умиротворение.

За обедом из стейков мы поздравили друг друга с вызволением из домашнего заточения, сдвинув кружки с морсом. К обеду подоспел егерь с угощением. Угощал Николаевич берёзовым соком и байками из своей жизни. В начале рыбаки делились воспоминаниями о добытых трофеях. Потом, заметив, что я заскучала, мужчина перешёл на интересующую всех тему детей.

— Не услышал, как тебя зовут. Наташа? Так у вас сын? У меня двое. Вот такая история с млад-

шим была. В классе третьем Васятка учился. Уроки делал. Чёрт его знает, как их учат, или сами, балбесы, ничего знать не хотят. Спрашивает: «Пап, а кто такой Гитлер овец?» «Ну-ка иди сюда, сынок!» — говорю. И в окно ему на барана нашего показываю. «Вот, — говорю, — Васёк, Гитлер овец! А в учебнике про гитлеровцев пишут!» Ну пошутил, а за бараном так и закрепилась кличка — Гитлер овец. Хотя на самом деле никакой он не Гитлер был, а очень спокойный баран, инфантильный. Но кое-кто, — Николаевич хитро подмигнул, — этим пользовался

— Никак овцы? — поинтересовалась я.

— А вот я тебе расскажу! — продолжил мужчина. — У нас же огород есть. Понимаете вы, как обидно, когда то, что посеяно и выращено, оказывается изгажено каким-нибудь козлом? Мы с Любой в толк взять не могли, как он попадает в огород. Вроде всё запрём, никакой щёлочки не оставим. Забор крепкий, высокий. Но, что ни утро, козёл Федька по огороду шастает.

И вот как-то подсмотрел я, в чём дело. Проснулся раненько. Стоял, покуривал себе в окошко, пока жена не видит. Смотрю, Федька, стервец, Гитлера нашего рогами к забору двигает. Знаешь, как бульдозер. К забору его подпёр. Тому хоть бы

хны. Стоит, куда поставили. А козёл разбегается и с опорой на барана перемахнул в огород! Язви ж твою душу, мать! Я чуть бычок от удивления не проглотил! — Николаевич округлил карие глаза, изобразив тогдашнее удивление.

— Представьте, наш Гитлер как спортивный снаряд для него! Спроси — кто из них вместо козла?! Так, слышь, это ведь нужно было не только сообразить, кого как использовать, но ещё дальность разбега рассчитать. Ну Федька! А я к барану: «Как же так, — говорю, — ты позволяешь всяким козлам скакать по тебе?! Ты ж Гитлер!» А он смотрит на меня, молчит. Инфантильный, одним словом. Пришлось их изолировать друг от друга. Чтоб огород целее был, — ухмыльнулся мужчина.

— Да-а-а, добрый был баран, ручной… Писатель А., кстати, любил его. Ну писатель! Сергей А.! Ну вы его знаете! Из Москвы. Ну? Член Союза писателей!

Мы не знали.

— Да я вам книгу его покажу с автографом! — горячился наш знакомый.

— Да верим, верим, Николаич! — успокоил его Саша. — Рассказывай!

— Так вот, жил Серёга у меня тут в июле, лет

пять назад. Книгу о губернаторе писал. Гостил с женой своей. Влада зовут. Молодая девчонка, задорная. С парнями моими подружилась. А писатель-то постарше, мой ровесник. Спокойный такой, неспешный. Так замечательно мы с ним время проводили! Рыбалка, ушица на костерке… Вечером посидим с ним, покурим, за жизнь поговорим… Вечера тёплые. Благодать! Только книга у него никак не сочинялась. Он уже к ней и с того боку подойдет, и с этого. Не идёт никак работа! Ну мне-то всё равно. Живи! Главное — компания есть.

И вот живёт Сергей у меня две недели уже. От нечего делать прикормил нашего барана. То пряником его угостит, то печеньем. Гитлер и повадился к моему гостю ходить попрошайничать. И как-то с утреца сидит писатель на крыльце, покуривает в задумчивости. А барашек уже за угощением пришёл. Ждёт. Но Серёга по сторонам не смотрит, думу думает, коленку больную потирает (суставами страдал). Гитлер ждал, ждал, решил о себе напомнить. Подкрался сбоку — и басом ему: «Бе-е-е!» Тот от неожиданности как подскочит! Как давай вокруг дома бегать! О коленке своей забыл! Круга три навернул! А Гитлер — за ним! Ну умора! После пробежки гость мой в дом заскочил

— и к компьютеру! И как его прорвало! Начал писать! Попёрло у него! Две недели почти из дому не выходил. Мне уже скучно без Серёгиной компании. А Влада говорит: «Не трожь! Пишет! Вдохновение!»

Николаевич торжествующе поднял палец вверх:

— Поняли? А всё Гитлер! Простимулировал, язви его душу, мать!

— Так он, можно сказать, соавтор? — пошутила я.

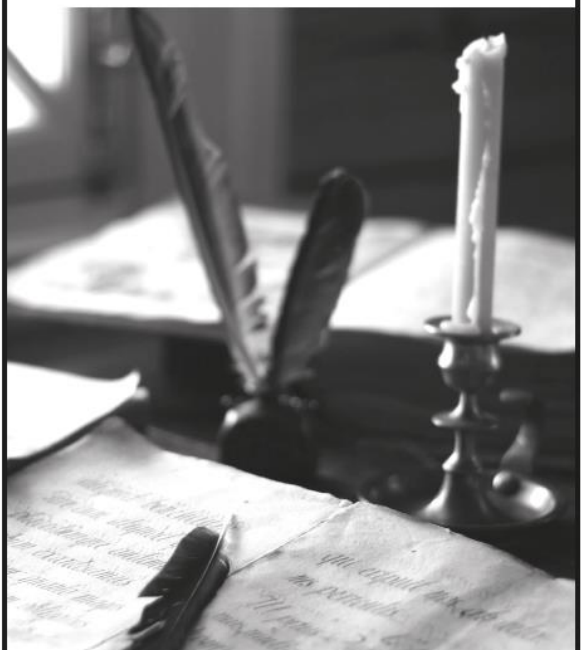
— Да-а-а, соавтор… — с улыбкой подтвердил Пётр Николаевич. — Так и прожил он у меня до самой смерти… Гитлер овец. Не поднялась рука заколоть-то…

Перед нашим отъездом новый товарищ пообещал пригласить нас в гости, когда приедет А., писатель из Москвы. Познакомить.

— А впрочем, приезжайте когда захотите! — пригласил на прощание Николаевич.

Литинститут

Литинститут

Российский
колокол

Владимир Голубев

Прозаик, кандидат юридических наук. Родился в 1965 году. Живет в г. Серпухове Московской

области. Окончил исторический факультет Московского педагогического университета. Служил старшим следователем Серпуховского УВД, следователем по особо важным делам Серпуховской прокуратуры. Учился на факультете правоведения Юридического института МВД РФ.

Писательскую деятельность начал в 1992 году, первая большая публикация — в журнале «Юность» (2007). Автор книг «Сказки Малеевского леса», «Асины сказки», «Сказы матушки Оки», «Забытый рубеж», «Летучий корабль», нескольких детективов и др. Лауреат Общенациональной литературной премии им. П. П. Бажова, лауреат II степени в номинации «Большая проза» Литературной премии им. А. Дельвига и др.

Загадки литературной сказки От Левшина до Писахова Очерки (отрывок из книги)

Сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою.

А. Н. Афанасьев

Предисловие автора

«Для кого ты пишешь эти очерки в XXI веке?» — расспрашивали меня друзья и знакомые и продолжали размышлять вслух: мол, какие-то полузабытые сказки и сказочники времен чуть ли не царя Гороха, кто их помнит и для чего ворошить предания старины глубокой? Так или почти так повсюду говорили мне, узнав о моих мытарствах, и добавляли: мол, вокруг нас полным-полно всякой современной беллетристики — фэнтези, детективы, мейнстрим, да еще жив постмодерн, а ты все зависаешь где-то в мире детских выдумок, тянущихся из темных веков. Чему у таких читателей учиться, думал я, просто-напросто позабыть и не вспоминать, хватит время терять…

Чем возразишь, чем ответишь? Видимо, они

правы, и я время от времени откладывал ручку, шучу-шучу, отрывался от клавиатуры ноутбука и брался за другие дела, но воспоминания о далеких от меня — по времени, но не по духу — сказочниках не давали покоя, словно мотыльки мчась в полночный час на огонек (другое напрашивающееся сравнение приводить не буду). Потому основной читатель этой книги — я сам, а еще, как мне кажется, если, конечно, найдется читатель кроме редактора и корректора у этой книги, ему на вид лет так пятнадцать-шестнадцать, а может, и поменьше или поболее, в общем, до ста лет. Но он всенепременно влюблен! Как говорил один известный политик, однозначно! Втрескался в юности или в старости или родился уже с чувством привязанности к литературе, особенно к той части, где все еще прозябает фольклор и бьется в конвульсиях литературная сказка. Я один из них… 1980 год, мне пятнадцать лет, я еще не бреюсь, мало думаю об учебе, больше — о девчонках и футболе, но вот натыкаюсь на пыльной полке в родном книжном магазине на тоненькую брошюрку издательства «Наука» — «Скандинавская литературная сказка» Людмилы Юльевны Брауде. Искра ли блеснула или бабочки в моем животе закружились в ламбаде либо еще в каком экзоти-

ческом танце — и я влюбился с первого взгляда и не раздумывая отвалил всю наличность, целых тридцать пять копеек, кстати, скромный обед в школьной столовой. С тех времен она — конечно, книжечка, а не профессор Брауде — странствует со мной по матушке-России, от Анадыря до отчего Подмосковья. А я с тех давних пор, увы, превратился в стойкого оловянного солдатика, преданного народным и литературным сказкам.

* * *

Многие взрослые, особенно если у них есть дети, а еще лучше — внуки, возвращаются к литературным сказкам в зрелом возрасте, порой сами пытаются творить что-то подобное либо просто понять, что такого в них заключено, что мы не можем без этого прожить. Вот для таких читателей моя книга. А как же я выпустил из памяти молодых мамочек и папочек, что ежевечерне выдают на-гора тонны не серебра или злата, а новых сказок?

Значит, друзья-единомышленники, возьмемся за руки и примемся шагать вперед, разбираясь не только в хитросплетениях чужих судеб, но и в нелегкой доле народных сказок, будем, как водится в них, искать истину и разгадывать тайны.

Попробуем разобраться, откуда они появились, и тогда поймем, почему поэма «Руслан и Людмила» нашего искрометного Александра Сергеевича, одного из главных творцов русской литературной сказки, отличается от «Сказки о царе Салтане»…

* * *

Российские политики и мыслители издавна спорят о нашей национальной идее, о тех самых скрепах, что много веков хоть и скрипят, но все еще сдерживают от развала в ужасном хаосе мироздания корабль под названием Россия. Не станем им мешать и спорить, нам некогда, тем паче что правд-то много-много, а вот истина одна и часто незаметна для рядового обывателя, занятого повседневными заботами. Потому, как тот самый румяный колобок, покатимся своей тропой, но не к зайцам и волкам. В этой скромной книге очерков мы попробуем поговорить о замечательных людях нашей отечественной литературы, что давным-давно и совсем недавно созидали, и ныне их светлые дела продолжают в новых поколениях творить нашу неповторимую культуру, что крепче цемента пока еще связывает народы на одной шестой земли. Слегка растеряв на перекрестках истории этих позабытых атлан-

тов, что держат на плечах шар земной, не давая ему сгореть дотла во всепожирающем огне, мы сохраним дорогие для наших сердец предания старины и проторим дорогу в будущее новым поколениям, что не сбросят в темную пучину безвременья наши принципы и идеалы. Все это зависит от нас, и только.

Впереди нас ждут суровый XVIII век, позабытый информационный материк с плеядой авторов: Михаилами Чулковым и Поповым и Василием Левшиным — и галантный XIX век с Орестом Сомовым и Николаем Вагнером, а еще и беспокойный XX век с грустным Семёном Писаховым, писавшим бесконечно радостные сказки, и таинственным Фимой Честняковым и его добрыми текстами. О ком-то мы поговорим более подробно, о ком-то — только в части сказочного творчества, все будет зависеть от судьбы сказочника.

А теперь нам остается только поднять паруса — и лишь вперед! К ним, к настоящим островам и континентам, носящим имена славных литераторов прошлого, чьи судьбы и произведения достойны внимания современного читателя, порой уткнувшегося в гаджет, либо в их авторских сказках выискиваются под внимательным взором настоящие золотые самородки вечных

истин. Копнем оставленный нам предками плодородный слой нашей культуры и откроем миру те самые корни всем известных литературных творений!

* * *

Ну и перед тем как пуститься в долгий и опасный путь через рифы и мели, где, не ровен час, можно подхватить неизлечимую болезнь сказколюбия, сделаем одну ремарку: безусловно, не станем лукавить, сказочники, о которых пойдет речь на странице книги, не совсем забыты — их изучают филологи и фольклористы, по их произведениям защищают диссертации и издают монографии, кои мы и станем использовать при написании очерков, но вот для широкого круга читателей они, скорее, терра инкогнита. Они из тех писателей, кого редко встретишь на центральных полках библиотек и частных собраний библиофилов… Хотя многие из них широко известны: например, тот же Степан Писахов — в Архангельской области, ему даже в центре города замечательный памятник поставлен, а еще — его героям, и это действительно здорово! Даешь каждому сказочнику по памятнику! Другие же, как Ефим Честняков, художник и писатель, о

котором мы, к сожалению, из-за формата книги расскажем не так подробно, как хотелось бы, знаменит в пределах своего Кологривского района и родной Костромской области. Его творчество в наше время сберегается, и на народные деньги восстановлен дом известного земляка в деревне Шаблово, где сейчас расположен музей…

Иные, как Орест Сомов, известны в основном специалистам, а от таких, как Василий Левшин или Михаил Попов, не осталось даже надгробий…

Вот мы и выбираемся потихоньку из темного леса невежества к свету, на рискованную тропу знаний, чтобы самим пробиться сквозь вековые снега забвения и, может, кого-то вывести следом за собой.

Пролог

Литературная или авторская сказка — один из любимых жанров в русской классической литературе, особенно для детей. Она одной из первых вслед за народной сказкой, подобно светящему маяку, поднялась из обширных вод народной и книжной культуры, осветив перед страждущими развлечений и мудрости долгий, но увлека-

тельный путь индивидуального творчества, основанный на чистейшем вымысле. Возможно, в этом и кроется парадоксальный успех детского, по мнению многих читателей, жанра, что сочетает вроде бы несочетаемое: реальность и фантазию, иронию и юмор с серьезными нравственными вопросами, отголоски былинного эпоса и первобытного представления о мире, мифа и легенды, анекдота и басни…

Сказка ныне может иметь форму повести, романа, поэмы, эпического произведения. Велик и, вероятно, необъятен океан современных литературных сказок, и, пускаясь в дальнее плавание по волнам различных придумок, перед тем как расправить парус, мы все же поначалу выберем маршрут и отправимся в ту часть безбрежного моря, куда редко заходят пассажирские лайнеры и даже крепкие сухогрузы, груженные бочками с филологами и гуманитариями. Изредка утлые челны любопытных исследователей заглядывают в те совсем не потаенные места, вот и мы давайте махнем не глядя прямиком в мир позабытых русских сказочников и их творений.

Но, перед тем как волны побегут за нами бурлящими лошадками, мы, преодолевая трехсотлетний путь, поведаем о рифах-проблемах,

что подстерегают нас в дороге. Первый — что такое литературная сказка. Второй — как она соотносится с народной (фольклорной). Третий — каковы виды литературных сказок. Четвертый, похожий на Большой барьерный риф, — отсутствие надежных источников, но об этом будем много говорить впереди.

* * *

Определений литературной сказки существует более ста, мы не будем воспроизводить их все — перед нами стоят другие цели, а воспользуемся классическим определением Л. Ю. Брауде из книги «Скандинавская литературная сказка», вот оно: «.. литературная сказка — авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение преимущественно фантастическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей».

Говоря о разграничении сказок литературных и народных, отметим, что попытки разделить оба жанра делались неоднократно и разными исследователями. Кто такой Андерсен или братья Гримм? Собиратели фольклорных сказок или авторы литературных? Время от времени в повседневном обиходе читатели да и, что скрывать, начинающие авторы называют сказкой как народную, так и авторскую, т. е. литературную, да порой и молодой жанр фэнтези ставят с ними в один ряд. Действительно, в народном сознании высокие образцы классической литературной сказки иногда сливаются в единый жанр с популярной фольклорной сказкой, как, например, «Сказка о царе Салтане» А. Пушкина и «Иванушка-дурачок» из собрания А. Афанасьева, «Аленький цветочек» С. Аксакова и «Сивко-бурко», и многие другие.

Но мы с вами не станем блуждать в глуши в поисках волшебных помощников или мухоморов и поганок и остановимся на определении известного сказковеда Э. В. Померанцевой, к тому же проверенном временем. Итак: «Народная сказка (или казка, байка, побасенка) — эпическое устное художественное произведение, преимущественно прозаическое, волшебное, авантюрного или

бытового характера, с установкой на вымысел. Последний признак отличает сказку от других жанров устной прозы: сказа, предания и былички, т. е. рассказов, преподносимых рассказчиком слушателям как повествование о действительно имевших место событиях, как бы маловероятны и фантастичны они иногда ни были».

Для того чтобы развести в разные стороны авторскую и народную сказки, укажем некоторые основные отличия фольклорной и литературной сказок, на самом деле их очень много, и этому можно посвятить целую книгу.

• Литературная сказка всегда записана, и ее вид неизменен. Имеет автора. Фольклорная сказка не имеет строго устоявшегося текста, каждый сказитель мог по своему желанию что-то добавить в нее или убрать.

• В литературной сказке отражается личный взгляд автора на мир, его представление о жизни и справедливости. В фольклорной сказке отражаются идеалы и ценности всего народа, так же как и ее герои.

• Литературная сказка является отражением эпохи и особенно активно расцветает в эпоху перемен, слома моральных устоев и господствующих литературных течений того времени.

Народная сказка в меньшей степени подвержена влиянию времени.

* * *

Говоря о видах литературной сказки, нам стоит обговорить основное деление огромного массива произведений. Так, исследователь Овчинникова Л. В. сообщает, что «примерно в 60-70-е гг. XVIII в. уже формируются два основных направления развития литературно-фольклорного синтеза, повлиявших в дальнейшем на оформление сказки в литературе: “сочинение литературной сказки на основе сказки фольклорной, с заимствованием из последней отдельных специфических элементов содержания и формы” и “пересказ народной сказки с явным стремлением удержать в нем по возможности максимум ее характерных признаков”». Мы видим разделение на литературные сказки, основанные на фольклорных образцах, и авторские — с минимальными заимствованиями. В данной книге будем говорить в основном о сказках, много почерпнувших из фольклора, порой нерасторжимо связанных крепкой пуповиной между собой.

Подобно литературным произведениям разных жанров, литературная сказка нераздельно

спаяна с мировоззрением сказочников, с их идейно-политическими и литературноэстетическими взглядами, потому мы будем вынуждены порой подолгу останавливаться на биографиях писателей, чтобы понять, откуда и что взялось в их произведениях.

В литературных сказках, впрочем, как и во всяком литературном произведении, будь то сказка «Аленький цветочек» или роман «Мастер и Маргарита», оставили следы давно прошедшие эпохи. Подобно молчаливому сфинксу, они каждый день поджидают первооткрывателя, готового с головой окунуться в мир неудержимой фантазии, истории литературы и России. Вот только, пожалуйста, возьми с полки любую книгу, да хоть сказок, и будь добр, ну переверни страницу.

Часть 1
Осьмнадцатый век
Глава 1
Неведомое столетие

Милостивые сударь и сударыни, подскажите: а чем пахнет восемнадцатый век? Далекое столетие пропитано дымным порохом, балтийским

бризом, потом и пылью бесконечных дорог, резким степным духом причерноморских трав да едким дымом, тянущимся от курных изб и из леса, где чумазые углежоги день и ночь жгут древесный уголь для железоделательных заводов. От такого букета запахов, пропади он пропадом, режет глаза и слезы нет-нет да и застят очи. Чу! Слышно, как где-то поблизости скрипит телега, и возница, закутавшись от мелкого дождя в стародавний армяк покойного брата, кстати сгодившийся в этих чухонских болотах, зычно подгоняет умаявшуюся лошадь. Лишь к концу века зазвенит на большаке колокольчик под дугой почтовой тройки, а пока возчик все хлещет и хлещет конягу…

Холодный век, как указывает Н. Я. Эйдельман в книге «Твой XVIII век», в феврале 1799 года в Петербурге средняя температура — минус 37 градусов Цельсия. Выходит, на XVIII век, по данным современных ученых, пришелся пик второй половины малого ледникового периода — локального похолодания, продолжавшегося в Европе с XIV по XIX век: зимы суровые и долгие, частые неурожаи. Неурядицы начались еще в 1704 году, когда в Центральной России 20 мая нежданный мороз побил ржаные посевы. Вско-

ре напасти продолжились, и в 1708–1709 годах выдались необычайно холодные зимы. Как отмечалось в «Походном журнале Петра Великого», «немало шведских солдат пропало, также и в наших людях от морозов было не без упадку». Вот опять объявился «генерал мороз» — спаситель России, скажет капризный читатель. Но мы оставим бесконечные равнины с лесами и болотами дотошным историкам и географам…

* * *

Вперед, дорогие читатели, с головой окунемся в послепетровскую эпоху, попробуем хоть чуть-чуть почувствовать аромат того времени. Тот вроде бы совсем недальний век весьма плохо известен нашему современнику, даже по сравнению с девятнадцатым веком, который большинство из нас хорошо представляют себе благодаря не только историкам, пропадающим день и ночь в архивах и на раскопках, но и, скорее, поэтам и писателям, оставившим замечательный слепок с эпохи, пусть и во многом неточный и субъективный. Вот и мы с вами, откинув политику, всяческие ярлыки, стародавнюю грызню между литераторами, обиды и склоки, просто поспешим навстречу малознакомым людям,

глянем на них не с железной телеги прогресса, везущей человечество якобы в неведомый рай, а по-семейному, по-свойски, как на собственных предков. Покинем шумные столицы, изредка, правда, будем заглядывать на их пыльные улицы и проспекты, как без этого обойтись, но в основном примемся странствовать в поисках истоков литературной сказки по лесам и полям матушки-России, непременно заглянем в дворянские усадьбы, купеческие хоромы и крестьянские избы. Попробуем разобраться, с чего вдруг потянуло городских и сельских грамотеев к пустозвонным выдумкам, различным былинкам и легендам…

Несмотря на трудности, оставшиеся в наследство после сонма бестолковых указов и нескончаемых войн Петра I — только кампания со шведами длилась двадцать один год, и его преемников, становление экономики России проходило под влиянием прошедших в начале века реформ, кстати, большинство их так и не было доведено царем до конца. Шальной император в промежутках между битвами и кутежами торопится просветить растерянных от его напора соотечественников, действуя то лаской, то — что чаще — насилием, загоняя пинками нерасторопных россиян в светлое будущее. Спешит

основывать Академию наук, но не университет, кунсткамеру с бесплатным угощением посетителей, налаживает массовое издание книг, выпуск газеты… Наследники преобразователя время от времени тоже возвращаются к заветам шумного предка и, вспомнив о культуре и образовании, основывают публичные библиотеки, Московский университет, гимназии, поощряют массовое появление печати и книг и — как следствие — открытие книжных лавок. Например, в губернской Туле с населением всего-то под двадцать пять тысяч человек на конец XVIII века имелись аж четыре (!) лавки. Не всякий и ныне город с таким же количеством жителей похвалится подобным числом книжных магазинов. Но не станем обольщаться, книги стоили безумно дорого, ни много ни мало, а около двух рублей за штуку, на эти деньги можно было прикупить телку, двести килограммов ржи или двухлетнюю крепостную девочку… Все в издательском деле было как и ныне: чем меньше тираж, тем заоблачнее цена и, следовательно, тем недоступнее книга для потенциального читателя. Замкнутый круг: общество теряет читателя из-за высоких цен — тиражи скукоживаются, и стоимость книг летит к звездам, неужели вновь докатимся до рукописных книг?

А что же приобретал массовый читатель? Призовем в свидетели известного и авторитетного Н. И. Новикова, просветителя и крупнейшего издателя того времени. Вот что он пишет в журнале «Живописец» (1779): «Кто бы во Франции поверил, что волшебных сказок разошлось больше сочинений Расиновых? А у нас это сбывается: “Тысячи и одной ночи” продано гораздо больше сочинений г. Сумарокова… О времена, о нравы! Ободряйтесь, российские писатели; сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут». Но и сам Новиков лукавит — как арендатор университетской типографии в Москве, издает в ней восточную сказку Марианн Аньес де Фок «Визири, или Очарованный лавиринф» в переводе В. А. Левшина, а затем, в 1 TSO-USS гг., и «Русские сказки» самого Левшина. Как ни крути, но сказки, наряду с романом и повестью, являлись самыми популярными жанрами у тогдашних читателей, живших во второй половине XVIII века.

* * *

А еще по всей необъятной державе, от Балтики до Охотского моря, стучали молотки да кирки, шла перестройка городов в соответствии с новейшими архитектурными идеями и вкусами. В

крупных провинциальных центрах появились литературные и научно-популярные издания, а главное — образованные люди, такие как старший современник Василия Левшина, одного из героев нашей книги, известный просветитель из Тульской губернии Андрей Тимофеевич Болотов, проживший очень длинную жизнь, прямо целую эпоху (1738–1833).

Все это привело к тому, что в России создавалась пусть небольшая, но все же просветительская среда, влиявшая не только на образованные круги общества, но и на городское и сельское население. Так кто же читал книги, для кого денно и нощно скрипели гусиными перьями господа литераторы?

Начнем с того, что денежный оборот в стране был скудным. Так, среднестатистический туляк на рубеже XVIII–XIX веков тратил на покупки 17 копеек в год (в то же время парадное платье фаворита Екатерины II Григория Потёмкина стоило под двести тысяч рублей). Небольшая сумма личных расходов объясняется тем, что горожане вели свое натуральное хозяйство и практически не покупали продуктов питания. В 1800 году деревянный барский дом в пять комнат в Туле оценивали в 25 рублей, «людскую избу»

в барском дворе для прислуги — в 10 рублей, как и конюшню — в 10 рублей, ворота — в 1 рубль. Скотину оценивали так: корова стоила 4 рубля, бык — 3 рубля, свинья — 1 рубль, овцы — по 40–50 копеек, куры — по 5 копеек.

Крепостные крестьяне и дворовые люди тогда тоже имели свою цену. Надобно помнить, на чьем труде зиждилось благополучие богатых помещиков, в том числе Пушкиных, Лермонтовых, Тургеневых, Толстых и иже с ними. Так, барин просил за молодого мужчину 20–30 лет 70-100 рублей, за женщину — 20–30 рублей. Мальчики, как будущие работники, стоили, как и их матери, 15–30 рублей, а девочек оценивали всего в 5-10 рублей.

Канцлер Российской империи граф Александр Воронцов (1741–1805) носил с собой в качестве карманных денег в среднем 30–40 рублей, их ему хватало на полтора месяца. А вот князьям Алексею и Михаилу Андреевичам Голицыным обучение в Страсбурге обошлось, по подсчетам современных исследователей, менее чем в тысячу рублей. Для примера: средний бюджет на целый год у крестьянской семьи с двумя детьми 1780-х годов составлял около 27 рублей; например, только на соль тратилось около 70 копеек.

Какие доходы, такие и цены. В сборнике «Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века» Леонтий Автономов пишет, что в 1718 году в Псковской губернии, откуда он родом, и в Сибири ржаной хлеб стоил еще дешевле — 5,5 коп. за пуд, т. е. 0,34 коп. за 1 кг. Практически на копейку можно было приобрести 2,5 кг. Пшеничная мука ручного помола обходилась несколько дороже — 1,84 коп. за 1 кг. Окорок свиной — 2,5 коп. за 1 кг. В блистательном Петербурге, где цены всегда были выше, чем по стране, просили 3,6 коп. за килограмм отборной говядины. Мясо похуже качеством можно было прикупить за 2,4 коп. При этом свиное сало стоило 12 коп. за 1 кг. За белугу и осетра, по требованию царя, не могли брать более 12 коп. за 1 кг, а цена такого деликатеса, как черная икра, ограничивалась 18,3 коп. за 1 кг.

Завершая разговор о ценах, добавлю лишь, что инфляция также существовала, особенно при Екатерине II, но после указанных цен на питание особенно пугаешься цифр знаменитых долгов А. С. Пушкина: незадолго до дуэли они составили 92 500 рублей частным лицам и перед казной, как сейчас говорят, бюджетом, 43 333 рубля…

* * *

Оставим цены — не сохранилось в людской памяти таких эпох, когда бы их не бранили, — и вернемся к книгам, одному из первейших развлечений в тогдашней жизни, в отличие от нынешней. Несмотря на то что в это время в городах появляются публичные театры, и особенно много частных, в имениях богатых и даже средней руки помещиков главными забавами для образованных дворян по-прежнему остаются игра в карты, охота, рукоделие да книги с журналами. У дворян, проживавших в городах, было принято гулять по улицам в праздники и по воскресеньям вместе с женами и взрослыми дочерями. Простые мещане часто сидели на лавках, приодевшись во все лучшие наряды. Но правила приличия требовали, чтобы девушки не выходили из ворот на улицу, оттого они любовались разряженной толпой через щели в заборе или из окна.

А что же творилось в деревнях? Мы представляем себе сельскую Россию обычно по А. Н. Радищеву — спасибо советской школе, да и в нынешней мало что поменялось, ярлыки остались те же, — его «Путешествию из Петербурга в Москву», которое он издал анонимно в 1790

году. Но, как ни странно, существовало и другое крестьянство, непохожее на нищее и забитое, например торгующее. В 1778 году в Северной столице в розничной торговле крестьян было до 50 000. В торговле даже крепостные крестьяне, и это несмотря на запреты, в конкуренции побеждали городское купечество. На селе преобладал оброк, то есть зависимые крестьяне расплачивались с помещиком деньгами, а в крупных имениях барская запашка часто полностью отсутствовала, и крестьянам там жилось полегче. В таких деревнях было сильное расслоение крестьянства, в воспоминаниях А. Т. Болотова есть упоминания о таких сельских богатеях, что писали на него жалобы самой Екатерине II и, будучи дворцовыми крестьянами, продавали хлеб государству втридорога.

Верхушка крестьян из больших имений, как и государственные, жили достаточно неплохо, о чем, например, пишет В. Шкловский, ссылаясь на олонецкого наместника (ныне Республика Карелия) Тутолмина (1785), что зажиточных крестьян больше, чем бедных. Ему возражал известный поэт и общественный деятель Г. Р. Державин, будучи сам в то время олонецким губернатором, но все же подчеркивал, что лично встречал в По-

венецком уезде дома, где крестьянка в шелковых чулках поила его изысканным кофе…

В журнале М. Чулкова «И то и сьо» за 1769 год встречается распространенное выражение «достаточен, как олонецкий мужик». О мебели из красного дерева в избе такого селянина пишет и академик Н. Я. Озерецковский в книге «Путешествие на озеро Селигер» (1817). Отмечал эту особенность и Н. М. Карамзин, говоря о коломенских фабриках под Москвой и о старообрядцах…

Вот это разбогатевшее крестьянство имело свою литературу — лицевой лубок, и не только. Виктор Шкловский ссылается на свою библиотеку с книгами XVIII столетия с надписями: принадлежит крестьянину такому-то — и проставленными библиотечными номерами, на одной был аж № 200. Существовали целые издательства, такое как у Решетникова, работавшие на подобного читателя. Особенно ценно свидетельство Н. П. Барсукова в книге «Жизнь и труды Погодина», где рассказывается, что будущий историк и писатель в 1813 году поехал в Медынский уезд Калужской губернии, к своей бабушке, крепостной помещика Салтыкова, и в глухом селе мальчик нашел у родственников-крестьян множество книг и, кстати, впервые прочитал «Письма русского

путешественника» Н. Карамзина. К слову, известный историк и писатель Михаил Погодин еще сыграет свою — пусть не прямую, а скорее косвенную — роль в становлении одного из героев нашей книги.

К сожалению, в XIX веке крестьянина-торговца, крестьянина-промышленника, крестьянина-грамотея заменил бедный поселянин, горбатившийся на барщине от зари до зари на прижимистого барина, порой аж до семи дней в неделю. Следом за достатком грамотность и книги постепенно уходят из деревни. Дворянин, которому теперь не надо служить царю и отечеству, перебирается в свое поместье, где пытается разбогатеть и заменить собой на рынке купечество и оброчного крестьянина. Чем все эти «благостные» усилия закончатся, мы с вами знаем из учебников по российской истории XIX века или, например, из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» с весьма выразительными портретами помещиков. Да и знатоки истории литературы подтвердят на примере помещичьих забот того же Льва Толстого и Ивана Тургенева; последний честно называл себя «безалабернейшим из русских помещиков». Хотя, видимо, имелись и положительные примеры, но, скорее, как исключение из правила: например,

тот же мелкопоместный Болотов…

Глава 2
Страдания по В. Лёвшину

Разговор о забытых сказочниках XVIII века начнем с Василия Левшина, практически неизвестного широкой публике литератора, которого уже не первое столетие хотя бы помнят специалисты, о чем говорит несколько диссертаций и статей, посвященных разным аспектам его литературного творчества. Деятельность его на ниве русского просвещения весьма разнообразна — от экономики до стряпни на кухне, но мы прикоснемся в основном только к сказочной теме его творчества, остальные обойдем стороной или едва упомянем.

Василий Алексеевич Лёвшин родился в Смоленске 7 (16) августа 1746 года. Древний город, согретый летним солнцем, раскинулся на семи холмах, утопая в зелени садов, а в низине среди увалов и оврагов шумел Днепр. Мальчик оказался четвертым сыном капитана Алексея Денисовича (Дионисовича) Лёвшина (1710–1772), находившегося в это время в очередном военном походе. Мать будущего сказочника и просветителя, Елена

Егоровна, дочь полковника, в девичестве Клочкова, была второй супругой Алексея Денисовича, но рано умерла, в 1757 году, когда Василию исполнилось только одиннадцать лет.

Семья Лёвшиных принадлежала к старинному дворянскому роду Тульской губернии. Род Лёвшиных имел свой фамильный герб: в верхнем поле — серебряная звезда, а под ней — серебряная луна рогами вверх (т. н. герб Лелива), в левом голубом поле — черный медведь с серебряным мечом в лапах, а в правом красном поле — выходящий левой стороной до половины белый орел с распростертым крылом. Щит увенчан дворянским шлемом с короной. Своим родоначальником Лёвшины считали выехавшего из «немецких земель» (Швабия, юго-запад Германии) с двенадцатью верными рыцарями, ну прямо как апостолы, некоего Сувола (Сцеволы) Левенштейна, по прозвищу Левша, к великому князю Дмитрию Ивановичу (Донскому) в ноябре 1365 года, согласно Бархатной книге и Общему гербовнику дворянских родов России.

Легендарной причиной выезда из графства Левенштейнского были гонения на него со стороны римского папского престола. В Новгороде, по семейному преданию, тот самый беглец, граф Сувол, на вече принял русское подданство и был

весьма обласкан новгородцами, в результате чего женился на боярышне Марии Васильевне, взяв за невесту огромное приданое. Красивое семейное предание, передававшееся из уст в уста, и не более того, но, как ни крути, закрепленное в родословных документах. Знать всего мира любила подчеркивать свое нездешнее происхождение, в том числе русские дворяне…

Поведав такую интересную историю, которая попала во многие родословные документы и публикации о Левшине, сейчас немного разочаруем читателей. Исследователь Н. В. Мятлев в статье о происхождении рода Лёвшиных приходит к следующему выводу: «Никакого подтверждения в летописях или иных достоверных источниках эта легенда о происхождении Лёвшиных не находит и, вероятнее всего, возникла не раньше конца XVII в., а потому… должна быть признана фантастической и совершенно отвергнута» (Родословная легенда Лёвшиных // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 2, отд. 1. С. 35–36).

Однако, как ни крути, Лёвшины, даже несмотря на их отечественное происхождение, верой и правдой служили Русскому государству: участвовали в отражении набегов и в походах против

татар. Так, белёвский воевода Семён Семёнович Лёвшин в 1536 году самолично убил в сражении татарского царевича Ахмета под селом Темрянь, о котором мы еще не раз поговорим, что под Белёвом. Но через два года сын воеводы Данило Семёнович Лёвшин был там же сражен в жестоком бою при отражении очередного набега. Опричниками Ивана Грозного числились Василий Семёнович и Никита Яковлевич Лёвшины (1573). Во второй половине XVII века многие Лёвшины были при царском дворе стольниками.

Ав 1614 г. первый царь из Романовых, Михаил Фёдорович, пожаловал за исправную службу Ивану Даниловичу Лёвшину (пращуру нашего героя) вотчину — половину села Темрянь в том самом Белёвском уезде, где их предки несли преданную службу не щадя живота. Афанасий Иванович Лёвшин (прапрадед В. А. Лёвшина) служил верой и правдой воеводой в Белёве в 1618–1619 гг. Отец же В. А. Лёвшина, Алексей Денисович, исправно тянул лямку в русской армии. В 1756 г. в чине полковника он вышел в отставку, а в 1772 г. скончался, побыв белёвским воеводой, и погребен в селе Темрянь. Он был трижды женат, имел 12 сыновей и 11 дочерей.

* * *

Будущий литератор родился в годы царствования Елизаветы Петровны, дочери Петра I, и, как мы говорили, рано потерял мать, еще в 1757 году. Впечатлительный мальчик, видимо, сильно переживал утрату… Отец уже находился в отставке и вскоре вновь женился. Образование Лёвшин получил, скорее всего, домашнее, что для того времени было нормальным явлением; не исключено, что его, как и будущего просветителя Н. И. Новикова, русской грамоте обучил какой-нибудь дьячок. Судя по тому, что он хорошо знал иностранные языки, вероятно, учителем у него был немец: ими, искателями счастья на далекой чужбине, в то время была наводнена Россия; вспомним, например, не раз описанных в литературе домашних учителей В. Жуковского или Л. Толстого. Возможно, что с маленьким Васей занимался сам отец, и, вероятно, в семье было немало книг, в том числе рукописных повестей, былин, о гибели которых при пожаре Василий Алексеевич будет позже не раз вспоминать.

Видимо, полученное даровитым мальчиком образование было обширным и разнообразным, что впоследствии позволило ему исполнять обя-

занности судьи, секретаря, управлять имением, переводить литературные произведения с немецкого, французского и итальянского языков — да и в армии Левшин служил при штабе — и, самое главное, заниматься литературным творчеством и различными отраслями прикладных наук. Также не исключено, что он много раз бывал на представлениях в домашних театрах, которые в то время устраивали богатые помещики у себя в усадьбах, после чего сохранил на всю жизнь любовь к театру и драматургии. Лёвшин оказался ровесником плеяды выдающихся деятелей России XVIII в.: просветителя, журналиста, книгоиздателя Н. И. Новикова (1744–1818), писателя-сатирика Д. И. Фонвизина (1745–1792), писателя и мыслителя А. Н. Радищева (1749–1802), философа и драматурга П. С. Батурина (около 1740–1803), не раз упомянутого нами А. Т. Болотова.

* * *

Новоиспечённая, во многом непонятная для простого народа дворянская культура в XVIII веке постепенно распространялась из обеих столиц, охватывая все уголки страны и проникая в каждую семью, от родовой знати, ведущей историю от самого Рюрика, до крестьянских семейств.

Детство недорослей из служилых и помещичьих семей проходило в атмосфере усиленно насаждаемой светской культуры, заимствованной из Западной Европы, с непременным немецким языком, а со времен Екатерины II — французским. Со Святой Русью, почитай, было покончено, хотя стоит отметить, что даже ярый прозападник Пётр I понимал отличие своей посконной родины от просвещенного Запада, рядяшегося уже тогда в белые одежды праведника и учителя. Та свежеиспеченная культура во многом определяла взгляды и настроения, вкусы и моду, а также просветительский тип сознания подрастающего поколения, о котором особенно пеклась Екатерина II. Становление личности писателя В. А. Левшина проходило в русле формирования «независимых, оригинальных, свободных личностей», родившихся в 20-50-е годы XVIII в., в атмосфере новой светской культуры. Она и определила их взгляды, настроения, вкусы, в конечном счете — просветительский тип сознания, однако следует отметить, что белёвский просветитель сохранил до самой смерти искреннюю веру в Бога.

* * *

Всю жизнь свою, за исключением восьми лет армейской службы, В. А. Лёвшин провел в своем имении — селе Темрянь Белёвского уезда Тульской губернии. Поговорим немного об этом ныне полузабытом месте с разбитой проселочной дорогой, редко навещаемой грейдером, с разрушенной кирпичной церковью и навеки исчезнувшим барским домом семейства Лёвшиных, где теперь лишь в тёплое время года можно встретить отдыхающих дачников. Впервые мы посетили Темрянь на майские праздники в 2022 году, и из небольшого опроса жителей удалось выяснить, что ныне в селе старожилов этих мест практически не осталось, все разъехались или умерли, а из местных обитателей оставалась единственная пожилая женщина, но, к несчастью для меня, редко посещавшая свой дом в селе, на родине умершего мужа.

Родовое гнездо Лёвшиных находится всего-то в шести верстах от Белёва, на правом берегу Оки, ближе к реке. На речке Темрянке было устроено два пруда. Помещики жили в каменном доме, что большая редкость для тех времен, в окружении большого сада. С холма открывался вид на Оку,

пойму, простор лугов и лесов. Кстати, в двенадцати верстах от поместья, на другом берегу Оки, находилось село Мишенское (а по прямой будет едва ли более пяти), где в господской усадьбе отставного секунд-майора Афанасия Ивановича Бунина Елисавета Турчанинова, она же турчанка Сальха, вьюжной зимой 1783 года родила не кого иного, как будущего русского поэта Василия Андреевича Жуковского, бесспорно, вошедшего в сонм русских литературных классиков, одного из основоположников романтизма, переводчика поэзии (как-никак создатель классического перевода гомеровской «Одиссеи») и прозы, литературного критика, педагога, считавшего себя учеником Н. М. Карамзина, участника литературного объединения «Арзамас», литературного наставника А. С. Пушкина.

Продолжая тему белёвских уроженцев, пожалуй, отметим еще два имени. Одно из них золотыми буквами записано на скрижалях народной культуры России — Пётр Киреевский, писатель, фольклорист, мыслитель, который, например, в отличие от советских исторических банальностей, которые и поныне заунывно звучат из учебников и книг, считал, что Пётр I, «пресекший преемственное развитие русского

народа, подчинивший церковь светской державе и положивший начало отпадению образованных классов от народного ствола, причинил величайший вред России». Как бы сумасбродно это ни звучало, но повторим: со времен первого императора России образованные верхи говорили на немецком языке, а ближе к концу столетия в моду вошел французский, и нам еще крупно повезло, что бабушка научила маленького Сашу Пушкина русскому языку.

Второе имя — поэтесса и писательница, тоже баловавшаяся сказками и также родившаяся в городе над Окой, Зинаида Николаевна Гиппиус. Она в октябре 1917 года напишет провидческие строки в знаменитом стихотворении «Веселье»:

И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!

* * *

Уездный Белев, расположенный на левом высоком берегу Оки, в XVIII в. был оживленным городом с 15 церквами, двумя монастырями, семинарией на 160 учеников. В городе было 46 каменных и 1008 деревянных домов, которые

составляли 36 улиц и переулков. В нем жили 1500 мещан, около 1000 купцов и 70 мастеровых, умевших «сверх обыкновенных ремесел» делать столовые ножи «самой лучшей работы». Город являлся фактически торговой столицей Тульской губернии, в нем, например, проживало купцов поболее, чем в самой Туле. Связано это было с тем, что через Белев шла бойкая торговля тульским хлебом. Пшеницу, рожь, овес свозили на здешнюю пристань и стругами по реке вывозили в различные области России. А по весне, по еще полноводной Оке, сюда прибывал и хлеб из черноземной Орловской губернии.

Сохранилось в опубликованной в 1858 г. книге «Белевская вивлиофика» «Описание г. Белёва и Белевского уезда… 1792 г.». В нем имеются сведения о Темряни конца XVIII в. Село было не очень большим — всего-то 37 дворов. В нем проживали 150 душ мужского пола и 125 — женского. Усадьба Лёвшиных занимала 27 десятин, пашня — 166 десятин, покосы — 53 десятины. Самую большую площадь в имении имел лес — 541 десятина, — который сохранился до настоящего времени и тянется вдоль дороги на Чернь. Всего братья владели 820 десятинами земли. Рядом проходила большая дорога из Белёва в Чернь. В селе была ка-

менная церковь Покрова Пресвятой Богородицы, стоял каменный барский дом с примыкавшим к нему плодовым садом. Усадьба была добротной и зажиточной, во всем уезде стояло только 10 каменных господских домов и лишь 22 из 218 каменных церквей. Стоит добавить, что земли в уезде не славились плодородием, в отличие от черноземной части Тульской губернии, потому и урожай давали скромный, на что неоднократно жаловался писатель.

* * *

С 19 лет В. А. Лёвшин находился в армии. Сначала с 1765 г. он служил в Новотроицком кирасирском полку, а позднее, с 1768-го по 1773 г., — в штабе генерал-майора Давыдова в качестве адъютанта. Он поступил в армию, когда Семилетняя война (1756–1762) с победными походами русских войск в Европу закончилась. Ему пришлось принимать участие в русско-турецкой войне (1768–1774) и в малоудачной для русской армии кампании 1769 года, но в сражениях юный офицер не участвовал. В армии молодой и, главное, небогатый дворянин, живший на жалованье, столкнулся с негативными сторонами воинской жизни…

Военная служба в мирное время при самозваной императрице Екатерине II приобрела совсем особый характер, она сделалась не столько службой, сколько светским времяпрепровождением, и не только в гвардейских полках. Офицеры старались изо всех сил превзойти друг друга в роскоши и веселых кутежах, старались жить на широкую ногу: держать карету, много прислуги, роскошную квартиру, все это было для каждого из них практически обязательно. Мог ли молодой офицер Лёвшин соответствовать этим правилам? Навряд ли. Но он устоял перед соблазнами и стал усердно заниматься чтением и дополнять свое образование.

Здесь кроется одна из загадок литератора, Лёвшин мог бы не связывать свою жизнь (всё же целых восемь лет!) с армейской службой, ведь в 1762 г. появился знаменитый «Манифест о вольности дворянства», который освобождал дворян от обязательной государственной службы и, кстати, и от телесных наказаний, а до этого пороли дворян как миленьких. Правда, дерзкие гвардейцы быстро отплатили своему освободителю и свергли законного императора, посадив на трон его жену-немку… Но вернёмся к Лёвшину. По всей вероятности, он отправился на военную

службу по настоянию отца либо по собственному решению, не желая находиться в Темряни, ведь отец к тому времени вновь женился.

В. А. Левшин вспоминал позднее, что всякий благородный и хорошо воспитанный человек не может долго находиться в армии, преследуемый «лютостью, невежеством и наглостью» полковых начальников, но, согласно его родословной, опубликованной им в 1812 году, которая приводится ниже почти полностью, он увольняется с армейской службы по состоянию здоровья:

«Василий Алексеевич, четвертый сын Алексея Диони-совича от второй его супруги Елены Егоровны, родился в 1746 году, августа 6-го дня в городе Смоленске во время похода родителя его с полком в Ляфляндию, в службу вступил в 1765 году, продолжал оную сначала в Армии в бывшем Новотроицком кирасирском полку, находился в походе против турок в первую кампанию с 1769 года и, дослужась порутчичьего чина, за приключившеюся ему болезнью перешел в штатскую службу, по которой производим был чинами до надворного советника; в 1803 году по имянному его величества государя императора Александра I Указу определен к делам, особенно от его величества препорученным действитель-

ному камергеру и статс-секретарю Александру Александровичу Витовтову, при которых и поныне (по 1812 год) состоит, получая жалованья из императорского кабинета по 2000 рублей в год. Склонность его к словесным наукам и притом к опытам по экономической части сопровождала его во время служения: свободные его часы, остающиеся от должности, были сему посвящены и приносили ему услаждение. Приобретенные им познания от всегдашних занятий частью хозяйственною были причиною, что в 1793 году октября 29-го дня избран он в члены императорского Вольного Экономического Общества С.-Петербургского, по которому впоследствии отправлял должность непременного секретаря, и избран в непременные члены комитета; в 1795 году избран он в почетные члены королевского саксонского экономического общества.

1803 года, июля в 7-й день, его императорское величество Александр I, милосердный покровитель наук и полезных трудов, возложил на него орден святой Анны 2-го класса…

В 1804 году марта 15-го дня по высочайшему именному его императорского величества указу произведен он в коллежские советники…

В том же году избран он в С.-Петербург уста-

новленного по высочайшему соизволению Филантропического общества в члены, в котором 1795 год заседал старшиною, а потом исправлял звание непременного секретаря.

1806 года избран он в члены Италианской академии наук, имеющей пребывание свое в Неаполе.

В 1808 году избран в члены императорского общества Испытателей природы, основанного при Московском Университете.

По разным случаям сей Василий Алексеевич удостоился пожалован быть от его императорского величества в разное время пятью бриллиантовыми перстнями; от Императорского Вольного Экономического общества получил семнадцать золотых и четыре серебряных медали как за решение задач, предложенных оным обществом, так и по другим случаям и между прочим при коронации государя императора Александра I получил по именному его величества повелению одну золотую медаль.

1810 года июля 28-го дня государь император Александр I, продолжая монаршее свое благоволение, возложил на Василия Алексеевича орден св. Владимира 4-й степени…»

* * *

Но так случилось, что в 1772 г. в Белёве бушует страшный пожар, сгорает более 70 домов, и в тот же год отец Василия Алексеевича умирает и оставляет сыну небольшое наследство. Заметим, что А. Д. Лёвшин в 1756 году по указу Елизаветы «за болезнию, отставлен из воинской службы, с награждением за тридцатилетнюю службу полковничьего чина». Вот так Василию Лёвшину, правда, совместно с братом, перепало более пятисот душ крепостных обоего пола в Тульском и Калужском наместничествах; также родовой Темрянью два брата Василий и Николай владели вместе с 1773 года. Как видно, писатель относился все же к мелкопоместным небогатым помещикам и вынужден был искать сторонних заработков и фактически на них содержать свою немаленькую семью…

Получение наследства позволило В. А. Лёвшину в 1773 г. немедля выйти в отставку в чине поручика. Приблизительно в это же время и в таком же малом чине оказался в отставке и будущий издатель и журналист Н. И. Новиков, в свое время такая же судьба ожидала и Н. М. Карамзина. Кроме официальных причин выхода в отставку

В. Шкловский предполагает, и с ним трудно не согласиться, что отвратило Лёвшина от военной службы прежде всего столкновение интересов его, как мелкопоместного дворянина, с крупным дворянством внутри самой армии. Об этом мы узнаем из одного отрывка, запрятанного в «Русские сказки», как прячут контрабанду в сундук с двойным дном:

«…лютость и невежество, во зло употребляющие установленные от премудрых государей военные законы, и предводительствуемая тем наглость полковых начальников казались мне удобными выгнать в отставку всякого благорожденного и хорошо воспитанного человека. Молодой господчик, возрастший посреди нежной роскоши, не знающий ни о чем, кроме мод и ветреных нравов, кои занял он у француза, своего учителя, чрез знатных родственников вдруг получает полк. Не ведая нимало военной должности, думает, что необходимо надлежит приучить воина знать вкус в нарядах, бить оного за то, есть ли время зимы в платье, сшитом покроем иностранным, изнуряемый стро-гостию хлада, согнется, не понимая того, что всякая одежда должна согласоваться климату: неровно напудренная голова есть у него преступление, за-

служивающее изувечения» (ч. VII, стр. 137–138).

Эта обида делала небогатого дворянина чувствительным и к положению солдата:

«…за малую ошибку, которая иногда в том состоит, что не согласна с его нравом, ругает их как скотов. С гордостию обыкновенно сообщается ненависть, а от них происходит безчеловечье, вымыслившее неслыханное доселе наказание, по полторы тысячи ударов палкою, что никогда и над осужденными на смерть не чинят; у них сие обычайное воину за малую нечистоту оружия или иное маловажное преступление. Офицер же добронравный, не подражающий сим тиранствам и соблюдающий здоровье подчиненных воинов к пользе государства, бывает называем дураком, не знающим должности, лишаем чина, выгоняем из полку. Дворяне, видя нещастный пример своих собратий, оставляют службу, и на их места одобряются подражающие намерениям своего начальника; от чего происходит, что в больницах бывает вдруг по триста больных; и в случае брани выходит полк, изображающий более дряхлость, нежели мужество, долженствующее сносить трудность похода и казать в сражении силу тогда, как переломанные кости велят им охать и падать от изнурения» (ч. VII,

стр. 138–140).

Сам мелкопоместный дворянин, он же офицер в строю, испытывает притеснения. Полковой начальник его заставляет одеваться щегольски:

«…на что вычитывает у них из жалованья деньги, так что у иного останется за вычетом в треть только рубли по четыре на содержание, то можно ли недостаточному, живущему на одном жалованье, проживать сею суммою?» (ч. VII, стр. 140).

И мелкопоместный дворянин уходит из армии. Начальник «за малую погрешность не токмо обругает его как лошадь, но лишит и чина: потому что право одобрения на оный имеет в руках своих» (ч. VII, стр. 143). Такое положение дел заставляло мелкопоместного дворянина либо терпеть превратности судьбы и стараться подняться по служебной лестнице, либо уходить в отставку.

Наконец-то оказавшись в родной Темряни, В. А. Лёвшин с головой погрузился в усовершенствование своего хозяйства и занялся литературной деятельностью, в обоих делах одинаково преуспел. Решающее влияние на определение творческих интересов отставного поручика оказали Н. И. Новиков, а также столичные литераторы 70-х годов XVIII в.: Ф. П. Ключарев, Н. М. Карамзин и другие.

В. А. Лёвшин стал одним из активных членов «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» (1768–1783). Это было объединение переводчиков, в котором принимали участие выдающиеся литераторы и ученые тогдашней России: И. Ф. Богданович, Я. Б. Княжнин, Я. П. Козельский, А. Н. Радищев, С. Я. Разумовский и другие. Всего в «Собрании» участвовало более ста переводчиков. Они подготовили к изданию за 15 лет 112 книг, в том числе произведения знаменитых французских энциклопедистов. Просвещенный круг, в котором оказался белёвский дворянин, произвел огромное впечатление на него. Наибольшее влияние на В. А. Лёвшина оказал известный просветитель Николай Иванович Новиков, единомышленником которого он и стал.

* * *

Н. И. Новиков в последней трети XVIII в. оказался центром всей просветительской среды в России, активно формируя и расширяя ее границы. Не станем надолго останавливаться на фигуре Новикова — писателя и философа, бесстрашного полемиста и деятельного издателя, о нем написано достаточно. Своей практической работой

Николай Иванович обогатил русскую культуру публикациями древних рукописей, изданием первого в России «Опыта словаря о российских писателях», переводами трудов европейских философов от античности до современных ему просветителей — энциклопедистов и английских материалистов. Отметим только: А. С. Пушкин справедливо заметил, что Н. И. Новиков «подвинул на полвека образованность нашего народа».

Главное, деятельность просветителей способствовала тому, что русское общество в конце XVIII в. имело устойчивую привычку читать книги, журналы и газеты, ходить в театр, слушать музыку. Для этого Новиковым издавалась доступная по цене, привлекательная для широкого круга читателей литература: романы, сборники сказок, письмовники, песенники, книги прикладного, практического характера, содержащие элементарные сведения, необходимые в торговле, сельском хозяйстве, быту, всякого рода руководства, лечебники, травники. Книга стала важным проводником в постепенном усвоении достижений других народов в разных областях жизни, помогая слому средневековой замкнутости российского общества.

Принадлежность к данному кругу деятелей

просвещения сыграла главную роль и в масонских настроениях В. А. Лёвшина, о чем мы обмолвимся, чтобы не оставлять недомолвок у нынешних сторонников идеи заговора. Не только он, но и многие мыслящие люди второй половины XVIII в., в том числе и деятели культуры, например Н. И. Новиков, вначале не придававший значения масонству, но со временем поменявший свое мнение, искали в нем пути к общественному и нравственному совершенствованию. Тогдашних масонов объединила неудовлетворенность нравственным и политическим состоянием общества. В. А. Лёвшин принадлежал к левому крылу масонов, что доказывало его связь с либерально настроенным дворянством; они исповедовали веру в возможности разума, его познавательную роль по отношению к природе, обществу; демократические идеи равенства людей перед природой, законом. А. С. Пушкин в своей статье «А. Радищев» писал о масонах так: «В то время существовали в России люди под именем мартинистов… Странная смесь мистической набожности и философского вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их поколение».

* * *

Русская жизнь в то время представляла собой весьма пеструю картину, особенно в столичных городах, где соседствовали внешний блеск и стремление к европейской образованности, увлечение новыми идеями французских энциклопедистов и мыслителей с крайним невежеством, распущенностью и грубостью нравов, суевериями, ханжеством и жестокостью к крепостным. По воспоминаниям современников, например статс-секретаря императрицы Екатерины II А. М. Грибовского, немногие даже из сиятельных вельмож хорошо знали русскую грамоту, что из всех их только князь Григорий Потёмкин и граф Александр Безбородко владели русским правописанием.

Вернемся к литературе. Еще в 1773 году, то есть в год выхода Лёвшина в отставку, в типографии Московского университета (заметим, самой крупной в Москве) печатается его дебютная книга «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени», а уже через 15 лет он стал автором целого ряда прозаических произведений, а также басен. Через два года после выхода книги загадок молодой литератор обращается к

собственному творчеству и в 1775 году в модном духе зарождающегося в России сентиментализма пишет «Утренники влюбленного» — как он сам отмечал, первый опыт сочинения о любовных чувствах. Книга посвящена будущей жене и состояла из шести утренних монологов молодого человека, разлученного со своей любимой, и четырех нравоучительных писем — «утренников», адресованных «легкомысленной» женщине, где автор касается щекотливых вопросов измен и ревности, супружеской любви. Современный исследователь А. Курилов в своей статье о Левшине определяет, что сочинение написано хорошим языком и является ярким образцом нашей ранней сентиментальной прозы, и если бы молодой литератор пошел этой стезей, то слава первого сентименталиста могла по праву достаться ему, а не Н. Карамзину.

Все это поставило молодого литератора в один ряд с создателями русской демократической литературы конца века. Он примкнул к писателям-разночинцам М. Д. Чулкову, М. И. Попову и Ф. А. Эмину; последний и сам отметился на ниве сентиментализма в 1766 г. в «Письмах Ернеста и Доравры». Эта группа видела в своей литературной деятельности кроме просветительских

целей и критического отношения к дворянству в том числе добывание средств к существованию.

Не исключено, что чувственная и дышащая любовью книга не подвела ее создателя, и в 1776 г. В. А. Лёвшин женился на дочери надворного советника С. Л. Казаева — Федосье Степановне Казаевой. На следующий год белёвское дворянство выбрало его заседателем уездного суда на 1777–1779 гг., а после — и судьей. Но Лёвшин не замкнулся в семейном и служебном кругу, а продолжал активную творческую деятельность: начал подрабатывать переводами в качестве члена «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», куда был принят по рекомендации известного просветителя Н. И. Новикова. Отметим, что переводческая деятельность Лёвшина — а он переводил с немецкого, французского и итальянского — не прекращалась до последних дней его жизни, но и ее ему приходилось постоянно совмещать с собственным творчеством, и это имея постоянную службу, а еще и управление имениями, пусть и небольшими, но все равно требовавшими внимания. В лице Лёвшина мы видим государственного служащего, переводчика, писателя и хозяйственника-экономиста, а еще отчасти и фольклориста, данной деятельностью

он также занимался, но все это в полной мере позволило проявить и реализовать «склонность его к словесным наукам и притом к опытам по экономической части».

* * *

В то время, когда молодой литератор из-под Белёва выходил на литературную тропу, в России господствовал классицизм, основы которого в первой половине века заложили российские просветители: А. Кантемир, В. Тредиаковский, М. Ломоносов, — которые тем самым способствовали культурному развитию общества и созданию национального искусства. Но со временем оно стало уводить литературу все дальше от окружающей действительности, сделав его антиин диви дуальным. К тому же в литературе классицизма главное — поэзия, оттого его сторонники относились к зарубежным и первым русским бытописательным романам и повестям с пренебрежением, порой с прямым осуждением объявляя прозу «презренной».

Однако в 60-е годы массовый демократический читатель проявлял интерес именно к повествовательной литературе на русском языке. Образованное дворянство также зачитывалось

европейскими романами, но в подлинниках, на немецком или французском языках. В. А. Лёвшин сам мог наблюдать страсть мелкого провинциального дворянства, купечества, мещанства, грамотной верхушки крестьянства к бытовавшим тогда рукописным повестям и романам. К этому массовому читателю было обращено творчество писателей-разночинцев Ф. А. Эмина, М. Д. Чулкова и других литераторов.

Но оригинальных прозаических произведений в русской литературе еще было слишком мало. Поэтому отечественные литераторы, что отважились писать прозу и желали удовлетворить все возрастающий спрос «третьего сословия» на национальную книгу, начали массово переводить европейские романы и повести. В период 60-80-х годов на книжном рынке появились переводы почти всех выдающихся произведений античной и западноевропейской литературы. На неискушенного читателя обрушился поток переводных плутовских, авантюрных, политических, нравоучительных и, наконец, новомодных сентиментальных сочинений. А первое место по количеству переводов занимали сочинения Вольтера. Широкому знакомству с работами Вольтера и французских энциклопедистов российский

читатель обязан упомянутому нами «Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг». Оттого книгами французских просветителей торговали не только в книжных лавках, их даже пытались продавать как горячие пирожки — вразнос на улицах Петербурга. Этим занимались писатели, актеры, даже известные сановники: И. А. Алексеев, С. И. Гамалия, И. А. Дмитриевский, А. М. Кутузов, М. И. Попов, А. Н. Радищев и другие.

* * *

Василий Левшин тоже попал под обаяние произведений Вольтера. Однако к концу 80-х годов нашел в себе мужество порвать с вольтерьянством. В 1788 г. он публично покаялся в специально написанном трактате под названием «Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера “На разрушение Лиссабона…”». В нём, несмотря на давивший на него авторитет французского вольнодумца, он вступил в спор с его идеями. В своем сочинении Лёвшин приводит десятки самых разнообразных примеров, делает множество отсылок для доказательства того, что знаменитая поэма и большая часть его сочинений — жестокое заблуждение, «хула на Бога». Свои писания белёвский мыслитель определил

как «защищение» всеми доступными и допустимыми средствами «закона христианского». Но, конечно, это не было защитой, полностью основанной на догматах христианства. Он признает наличие провидения, веры, а смысл жизни человека — в добродетели. Позиция Лёвшина опиралась на популярный в то время деизм, но, к счастью, не такой революционный, как у Вольтера и его последователей.

* * *

Я не просто так упомянул интерес к русскому народному творчеству, которое, видимо, Василий Алексеевич прекрасно знал с самого детства. Пристальное внимание русских писателей второй половины XVIII века, в том числе и Лёвшина, к устному фольклору, истории России, обычаям и нравам народов в основном было вызвано просветительской идеологией. Русские беллетристы выдвинули проблему национального характера, проявили неподдельный интерес к русскому языку. Писатели из демократического лагеря, к коим относился и наш герой, использовали народное творчество для сближения литературы с действительностью.

В то время интерес к «славянским древностям»,

русской старине и национальной мифологии активно и неустанно пробуждают у россиян своим творчеством М. Д. Чулков и М. И. Попов (о них мы еще поговорим дальше). Подобное увлечение вывело Лёвшина-переводчика на эту тропу. Так, сначала он работает над переводом с немецкого «восточной повести» «Везири, или Очарованный Лавиринф» (ч. 1–3. М., 1779–1780), а затем приступает к многотомной «Библиотеке немецких романов» (ч. 1–3. М., 1780). В ней были собраны «германские древности» — романы, как «рыцарские», так и «народные» (бытовые). Видимо, опыт составления этой «библиотеки», а также знакомство с ранее вышедшими в Париже «Всеобщей библиотекой романов» и «Голубой библиотекой» народных «романов» (сказок), как отмечают практически все исследователи творчества Лёвшина, наводит его на мысль о создании такой же «Библиотеки», но уже «романов» собственно русских. «Библиотека немецких романов», переведенная с немецкого Лёвшиным, вещь предромантическая, так говорит В. Шкловский, и нужно добавить, что именно романтизм является благодатной почвой для расцвета литературной сказки.

«Романы, — писал Лёвшин в предисловии, — были первые книги большей части народов.

Они содержат вернейшие изображения наших времен, наших обычаев, пороков и добродетелей. Оные суть толико нравоучительных картин, где истина скрывается под покрывалом выдумки. Дичайшие орды, равно как просвещенные народы, имеют оные собственные». А раз так, то что, мол, говорить о народе русском, издавна просвещенном (в смысле, принявшем христианство). Писатель убежден: в России также имеются свои романы, но они, из-за того что русские «опоздали выучиться грамоте», не удостоились «предания на письме» и «хранятся только в памяти», а потому никто до сих пор не «почтил оные собранием и изданием в печать». Вот эту историческую несправедливость и решает исправить Лёвшин. Он приступает к их «составлению»-реконструкции и в «подражание» прежде него «начавшим подобные предания» (имеются в виду М. Чулков и М. Попов) издает в 10 томах — 5 книгах под общим названием «Русские сказки, содержащие Древнейшие Повествования о славных Богатырях, Сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти Приключения» (ч. 1–4. М., 1780; ч. 5-10. М., 1783; 4-е изд. — 1829) «с намерением сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имеющих время собрать все

оных множество, чтоб составить Библиофику Русских Романов» (ч. I, с. 4).

Для писателя XVIII века роман, что удивительно, занимал не то место, как в наше время, когда он почти вытеснил остальные жанры. В те времена проза уже одним тем, что она проза, за исключением ораторской, учитывалась как некоторое снижение вкуса. Поэтому представитель высокой литературы Сумароков резко высказывается против романа, делая исключение только для «Дон Кихота» — как для романа, направленного против романа. Но рыцарский роман, так удачно пародируемый Мигелем де Сервантесом, не умер, он продолжает существовать до сих пор. Роман также нещадно осмеивался и позже, в эпоху романтизма, пока не появился вновь в другом качестве. Он был вскоре переосмыслен писателями, вобрал в себя национальный оттенок; возникла установка на психологию героев, их развитие по ходу повествования, на мотивирование поступков; явились новые способы поэтического изображения. Даже космополитичность старого рыцарского романа, убитая романтизмом, вернулась в XX в. вместе с фэнтези.

* * *

Переводчик Василий Левшин в примечании к части I отмечал, что для нас также имеет большую ценность стиль, язык романов, который он после перенесет в свои «Русские сказки»: «Перелагая на наш язык сии Немецкие древности, которые в оригинале представлены самым тогдашнего времени наречием, должен я сколько возможно сохранить древнюю Литературу: по чему читатели да извинят отступление мое от слога нынешнего, ибо следует мне переводить оные литерально, дабы сколько возможно дать понятие, каковыми степеньми вычищались от грубости своей слово-предложения и вкус сочинителей».

Также исследователи отмечают ироническое отношение к тогдашней сказке у Лёвшина, и не только у него, автор как бы извиняется за свои «безделицы». В то же время в Европе существовала и другая реакция на подобные произведения, например, чрезвычайная заинтересованность в сказке представителей высокой литературы в Германии (Г. Лессинг, И. Гёте, К. Виланд).

В русской литературной сказке Лёвшина произошло похожее явление. Многие романы

немецкого сборника галантны, переполнены любовными приключениями или сказочно пародийны. Отсюда и идет та пародийная сказочность, что мы потом находим в «Русских сказках», которые, по уверению В. Шкловского, по своему построению являются при чередовании жанров подражанием «Библиотеке немецких романов», и поэтому они, конечно, более сборник романов, чем сказок.

Полагая, что «повести о рыцарях не что иное, как сказки богатырские», Лёвшин создает на основе русских былин, исторических преданий и песен цикл повестей — «богатырских сказок» о временах «Великого Князя Владимира Святославича Киевского и всея России», о том, как «сражались и служили у него славнейшие Богатыри: Добрыня Никитич, Алёша Попович, Чурило Пленкович, Илья Муромец и дворянин Заолешанин», с чьей помощью «побеждал он греков, поляков, ятвягов, косогов, радимичей, болгаров и херсонян» (ч. I, с. 3, 7). Считая, что «начертания» жизни и «обыкновений» народных есть сказки (романы) «народные», Лёвшин «во удовольствие любителям сказок» пишет несколько оригинальных литературных сказок (новелл) — «бытовых сказок» плутовского, аллегорического

и комического характера, основанных на реалиях современной ему российской действительности (о Тимоше, попавшем в ученики к разбойникам и сумевшем их обмануть, о Цыгане, о воре Фомке, о чиновнике-пьянице и «новомодном дворянине»). Эти сказки, значительно меньшие по объему, чем богатырские, и составили «второе отделение» его «Русских сказок».

* * *

Говоря о русских литературных сказках XVIII века, как и о «Русских сказках» В. Лёвшина, мы должны понимать, что они весьма и весьма отличались от аналогичных сказок даже следующего, XIX века, а тем более от народных. Во второй половине галантного столетия кипел невообразимый котел, где стряпались новые традиции, вот только достанутся они не тем поварам, что разрабатывали рецепт и дышали дымом и паром, а их литературным наследникам. В. Шкловский чересчур сурово отмечает, что, говоря о первых русских сказках, нельзя настаивать даже на слове «русские», потому что разница между оригинальным произведением и переводным для того времени не так уж велика. В тогдашние сказки вводили, как мы узнаем, сказку переводную,

даже порой не изменяя имен.

В екатерининские времена сказками не только пользовались и переделывали их, но и создавали. «Повествователь русских сказок» (автор неизвестен, возможно, некто Тихонов), изданный в Москве в 1787 году, интересен тем, что в нем видно превращение лубочного листка в сборник сказок. В начале «Сказки о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике», которой открывается первая книга сборника, находится прямое указание на источник: «.. оный именитый витязь родился у нас, есть ли должно верить тем исправным историкам, которые, слышав по преданию от старинных людей вместилища древности, какую повесть издавали в свет на листках. И так во удовольствие некоторых любителей вознамерился я о сем знаменитом герое написать историю не витийственным, а простым слогом». Сам сборник содержит схематические пересказы сказок.

Сказки эти похожи одна на другую, потому что неизвестный «повествователь», очевидно, записывал их, не понимая, что иногда это варианты одной и той же сказки. «Сказка о принце Карзамане» — точный пересказ переводной сказки из «1001 ночи». Далее, продолжает В. Шкловский,

источниками для так называемых русских сказок в то время являлись: пародийная французская сказка, которая переводилась в чрезвычайном количестве, сказка, очень часто пользующаяся псевдоарабскими обрамлениями, рыцарский роман, затем опера и, наконец, отдельные элементы прежде существовавших русских сказок.

* * *

Вернемся к Левшину. Представление о всей этой системе может дать «Известие» Левшина в первой части книги «Русские сказки»: «Издать в свет книгу, содержащую в себе отчасти повествования, которые рассказывают в каждой харчевне: кажется, был бы труд довольно суетный; но я уповаю найтить оправдание мое в следующем.

Романы и Сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам вернейшие начертания древних каждыя страны народов и обыкновений и удостоились потому предания на письме, а в новейшие времена, у просвещеннейших народов, почтили оныя собранием и изданием в печать. Помещавшиеся в Парижской Всеобщей Вивлиофике Романов повести о Рыцарях не что иное, как сказки Богатырские, и Французская Bibliotheque Bleue содержит таковыя ж Сказки,

каковыя у нас рассказываются в простом народе. С 1778 года в Берлине также издается Вивлиофика Романов, содержащая между прочими два отделения: Романов древних немецких рыцарей и Романов народных. Россия имеет также свои, но оные хранятся только в памяти; я заключил подражать издателям, прежде меня начавшим подобные предания, и издаю сии сказки Русские с намерением сохранить сего рода наши древности; и поощрять людей, имеющих время, собрать все оных множество, чтоб составить Вивлиофику Русских Романов.

Должно думать, что сии приключения Богатырей Русских имеют в себе отчасти дела бывшие, и есть ли со всем не верить оным, то надлежит сумневаться и во всей древней Истории, коя по большей части основана на оставшихся в памяти Сказках; впрочем, читатели, есть ли похотят, могут различить истину от баснословия, свойственного древнему обыкновению в повествованиях; в чем, однако, никто еще не успел.

Наконец, во удовольствие любителям Сказок, включил я здесь таковыя, которых никто еще не слыхивал и которыя вышли на свет во первых в сей книге».

Состав книги, таким образом, ясно указывает,

что в ней имеются рыцарские романы; в последнем абзаце упоминается то, что обыкновенно называется фацециями (потешками). Материал арабских сказок литератором не упоминается.

Каким образом вводился материал местный, мы видим также и в предуведомлении к сочинению Михайла Попова «Старинные диковинки, или Приключения славенских князей» (СПб., 1778). Книга эта в первом издании, правда, называлась «Славенские древности» (СПб., 1770–1771) и побудила кого-то искать в ней подлинную историю. Поэтому во втором издании Попов ввел следующую оговорку: «…царствуют здесь одни вымыслы забавных и чудесных приключений старинных Витязей, прикрашенные по местам Славенскими историческими и баснословными некоторыми Достопамятствами, что и было мне побуждением ко прежнему наименованию моего Романа».

Вставки в сказки не всегда удаются. Этнографический материал (например, песня) у Лёвшина попадается иногда не в самом тексте, а в примечании к «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнушке Всеславьевиче и о сильном его могучем Богатыре Добрыне Никитиче».

Чудесное в сказках состоит в ряде превраще-

ний, они так многочисленны, что совершенно понятно заявление одного из героев романа Попова «Старинные диковинки»: «...Не странна мне была сия перемена, ибо к чудным сим превращениям имел уже я привычку». Данные метаморфозы сильно напоминают оперные, даже слышен стук молотков за сценой, а иногда с нескрываемой иронией приводится и сама механика превращений: «Пока еще Светлосан, с Оруженосцем своим, стоял от удивительного сего приключения в недоумении, в то время превратившийся пустынник, махнув стрелою, проговорил несколько странных слов, за которыми последовал преужасный шум и стук молотов, по окончании коих пещера превратилась в великолепную колесницу, запряженную шестью единорогами».

Еще большей «оперностью» отличается следующий отрывок из «Русских сказок» в «Повести о дворянине Заоле-шанине, богатыре, служившем князю Владимиру»: «...При первом взгляде за оным представилось Громобою волнующееся море, и выскакивающие из оного чудовищи разевали страшные свои пасти, грозя проглотить всякого приближающегося. “Вам должно броситься в сие море и плыть посреди сих чудовищ;

достижение к драгоценной вещи не может уступить опасности". "Я ничего не имею в сердце, кроме Миланы", — отвечал Громобой и побежал повергнуться в море. В самое сие время тьма распростерлась над водами, и невольник без пользы говорил Громобою, чтоб он подождал, поколь тьма исчезнет; он бросился с берега.

"Ты шутишь надо мною, — сказал Громобой, когда опять просияло, и увидел он стоящего близь себя невольника. — Здесь только игрище, и я вместо моря и волн упал на растянутую холстину, кою поддували мехами". "Нет, государь мой, — отвечал невольник, — благодарите вашей отважности; без нее вы не разрушили бы сея очарованные бездны, и волны ее иль чудовищи конечно бы вас поглотили. Но впереди там уж не очарование: с природою вам надлежит сразиться, ступайте". Громобой следовал, и вдруг преужасная пламенная река пролилась впереди их. Сверкание пламени было ужасно, и казалось, что растопленная медь готова была обратить в пепел каждого приближающегося. "Вам должно перейти сию реку, — сказал невольник, остановясь. — Здесь уже мужество вам не поможет, есть ли б вы были не человек, а вещество несгораемое... Не лучше ль возвратиться?

Безумно наверное умереть; ибо по смерти нет от любовниц никаких ожиданий, воротимся". "Слабый, — молвил Громобой с досадой, — разве забуду я, что смерть моя полезна Милане". Сказал сие и бежал в огонь.

Он вдруг остановился и искал, чем бы побить невольника. Представлявшее издали огненную реку был ряд выпуклых зеркал, поставленных на дрожащих пружинах так противу солнца, что отвращенные онаго лучи ударялись прямо в глаза приближающимся».

Таким образом, мы видим, как опера повлияла на сказку, а в самой литературной сказке стало возможно и даже модно чудеса объяснять, исходя из рационального подхода, а не волшебного или магического. Кстати, данный прием активно используется многими авторами до настоящего времени.

Поразительная история о ковре-самолете рассказывается в «В повести о богатыре Булате»: «Наконец летающий ковер стал готов. Оным можно было управлять так на воздухе, как ладиею на воде; оный поднимался на высоту, опускался вниз, стремился вдоль и оборачивался в каждую желаемую сторону. "Посредством ковра сего, о Роксолан, — сказал мне Аспарух, — намерен я

подкрепить храбрость и надежду нашего народа. Ты ведаешь, что нужно утверждать простолюдинов в предрассудках как для того, чтоб привести их в повиновение, так и затем, чтоб можно было при всяком нужном случае возбудить их ревность и храбрость, под предлогом защищения вещи, кою сочтет он за святыню. Венец, мною соделанный, конечно, заслуживает сие предпочтение, в рассуждении предписанных на оном законоположений; однако ж надлежит деятельнейшим способом привести народ к рабскому оного обоготворению; ибо без сомнения твердо простоит держава, где Государь следует надписанному на венце сем и где подданные каждое повеление своего Государя приемлют за глагол божественный. Я намерен предстать к моему сыну Русу и уверить его о покровительстве Богов и о обещании оных послать ему с неба венец, на коем предписаны будут правила, как ему должно вести себя на престоле. *Я* подвигну его ко всенародным молениям, и тогда пред собранием народным ты должен будешь, сокрывшись в летающем ковре, опустить оный на золотой нити на главу Русову. Я отрежу притом нить так, что народ сего не приметит и сочтет венец слетевшим с небес по воздуху. Ты предвидишь, я чаю, всю пользу такого

благонамеренного обмана? Я не сомневался в сей истине и следовал воле моего учителя”.

В назначенный час сели мы на ковре, забрав с собою сосуд, венец, зеркало, таинственные книги и орудия, и, поднявшись на воздух, пустились к столице Русской. Достигнув оныя, опустились мы в великом лесу близь соленого озера с южной онаго стороны. Аспарух, взяв с собою златый сосуд и зеркало, пошел во Дворец, а меня с венцом оставил, повелев, чтоб в следующее утро поднялся я на ковре довольно высоко и высматривал надлежащего времени, когда следовать будет опуститься ниже и свесить венец.

Аспарух принят был как некое благодетельное божество. Князь Рус и весь тайный его совет внимали с набожностью его пророческие глаголы и сделали распоряжение к утреннему всенародному молению.

Едва багряная Зимцерла распростерла на востоке свои оживляющия природу ризы и отворила врата к изшествию благотворительного Световида, я поднялся на ковре в высоту и ожидал надлежащего времени, держа в руках конец длинной, к венцу укрепленной златой нити. Вскоре показался Рус, водимый родителем своим Аспарухом, в провожании несчисленных

полков воинства, всего народа и самих жен и детей. Они шествовали на поле до холма, посвященного громоносному Перуну; жрецы несли торжественно истукан Чернобогов, некоторые из них пели песни, а прочие вели черных агнцев, покрытых черным аксамитом, на пожирание Богу мстителю, и белых, увенчанных связками красных цветов, для всесожжения пред Перуном. В приближении их к холму дневальные жрецы близь стоящего жертвенника неугасаемого Знича повергли на огнь благовония и с гласом труб и рогов соединили встречную песнь. Наконец приходящие жрецы, переменяясь со стоящими на холме, пели покорно похвалу обоим Богам; народ всем множеством оканчивал последние стихи песней и колебал воздух своими восклицаниями. Истукан Чернобогов поставили рядом с Перуновым; заклали агнцов, возложили на пылающие жертвенники и, общественно упав на колени, приносили благодарные мольбы за обещание, ниспосланное небесами через уста мудраго Аспаруха. Сей по пожрании огнем жертв приступил к истуканам, и, упав на одно колено, простер вверьх свои руки, и произносил следующую молитву: Великий Перун, отец Богов! И ты, о Чернобог, защитник Русскаго народа! Примите

сию жертву благодарения от страны, ожидающей исполнения священного вашего обета, да познают враги наши, что меч, толико им страшный, управляется вашим водительством, что заступление ваше будет вечно на Князях, увенчанных венцом небесным. Я с коленопреклонением исповедую, что словеса божественный не могут быть применяемы; но чтоб не произошло некогда сомнения о предсказании моем о вашей воле, явите, что уста таковаго, как я, сединами покрытого старца, лжи вещать не могут. Да ниспадет всенародно с небес венец вашего благословения на главу того, коего избираете вы водителем Русскаго народа и котораго потомство достойно будет споспешествовать его славе и благоденствию! — В сие мгновение опустил я летающий ковер книзу».

Как видим в приведенном отрывке, чудеса одновременно и достаточно традиционны для сказочного повествования, и рационалистичны. А национализация материала происходила путем внесения примечаний географического и главным образом местного мифологического характера.

Например: «Сие боговещалище, или Оракул, находилось близ пригородка Елабуги при речке

Тойме, впадающей тут же в Каму; которого поднесь еще видны каменные развалины, известные под именем Чортова городища. В оном жрецами был содержан обожаемый Великий змий, которому людей давали на снедение вместо жертвы. (См. записки Путешествий Капитана Рычкова, л. 44 и 45, ч. I, стр. 47–48.)

В самый текст произведения часто вставлялись редко связанные с сюжетом то полемические выходки, то элементы злободневной социальной утопии. Так, например, Россия в «Старинных диковинках» Михайлы Попова описана так: «…в Государстве его заведено было премножество разного рода заводов и фабрик, на коих делали всякие вещи, какие только были в употреблении в тогдашнее время. Инде ткали парчи, бархаты, штофы и другие шелковые материи; там делали сукна, полотна и все то, что человеку для одеяния потребно; в других местах выкапывали из земных недр разные металлы и по очищении их делали из оных всякие дорогие сосуды и орудия для великолепия и пользы всенародной. Одним словом, не было такого искусства, которое бы в сей благополучной Державе могло уйти от рук тщательных ее обитателей: и малый и старый были тамо в деле, которое сходствовало с их сила-

ми и знанием. Все содержатели таких заводов и фабрик платили Государю подать, которая весьма увеличивала его сокровище, а им была нимало не отяготительна. Люди там не имели нужды в чужестранных товарах; ибо все нужное имели дома; а иностранцам тогда только давали деньги, когда от них хотели научиться какому-нибудь новому мастерству».

Хотя ни один из элементов этого описания, правда, не попадает в сюжет произведения, все равно перед нами попытка привязать повествование не абы к какой сказочной стране, а именно к России. В нем мы видим одни чудеса и превращения.

* * *

Говоря о влиянии первых авторских сказок на последующее развитие русской литературы в первой трети XIX века, сразу пойдем с козырей. Вот А. С. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила», как это отмечалось еще В. Сиповским в книге «Пушкин и его современники», заимствовал ряд мотивов из «Русских сказок» Лёвшина. Пародийность «Руслана и Людмилы» — это пародийность сказок XVIII века. А элегичность настроения Руслана, которая была отмечена как ошибка критикой, — это тоже

элегичность XVIII века. Вообще Пушкин «Руслана и Людмилы» еще достаточно архаичен. Приведем крохотный отрывок из «песни третьей», каждый может открыть томик поэта и продолжить:

…Он видит старой битвы поле.
Вдали все пусто: здесь и там
Желтеют кости по холмам,
Разбросаны колчаны, латы…

А вот, по-видимому, источник данной картины, отмечает В. Шкловский в «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнушке Всеславьевиче и о сильном его могучем Богатыре Добрыне Никитиче»: «Чрез несколько дней взъехал я на пространную долину, которая вся покрыта была человеческими костьми. Я сожалел о судьбе сих погибших и лишенных погребения и предался в размышления о причинах, приводящих смертных в столь враждебные противу себя поступки. Но задумчивость моя пресеклась тем, что конь мой вдруг остановился. Я понуждал онаго вперед; он ни шагу не двигался. Я окинул взорами и увидел перед собой лежащую богатырскую голову отменной величины».

Кстати, очень похоже на «Повесть о Силославе» М. Чулкова («Пересмешник», ч. I, вечер 2). Этот от-

рывок использован самим Левшиным в девятой части «Русских сказок»: «Он видит исполинский остав, одетый бронею; долгота времени, обнажившая кости, не лишила сию красоты ее: броня сияла от лучей солнечных, и великий меч лежал вместо возглавия под черепом богатырским («Повесть о богатыре Булате», с. 207–208.).

Только в сказке В. Лёвшина под богатырской головой лежит не меч, как у Пушкина, а ключ. Он от горы, в которой находится меч. Пушкин, видимо, сжал сюжет, сделал его еще более пародийным, а также ввел литературную пародию («Двенадцать спящих дев»). Например, отрубленная голова обладает каким-то характером, она еще ругается. Руслан ее ударяет. Все это трудно себе представить у Лёвшина.

Из тех же «Русских сказок», вероятно, заимствован и волшебный сон Людмилы: «…она спала на постели, усыпанной розами. Я приблизился, пожирал глазами ее прелести, не смея дышать, дабы не возмутить ее покоя. Но ах! Сей сон ее был действие очарования. Три дня сидел я у стены хрустального здания, ожидая ее пробуждения, не вкушая никакой пищи, но бесплодно: Зенида опочивала» («Повесть о богатыре Булате»),

У Пушкина:

В сетях открылася Людмила:
Не веря сам своим очам,
Нежданным счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвет.
Любви восторга слезы льет,
Зовет ее – но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ее подъемлет.

Приведу высказывание Николая Полевого в «Очерках русской литературы» об этой поэме Пушкина: «Бесспорно: в “Руслане и Людмиле” нет ни тени народности, и когда потом Пушкин издал сию поэму с новым введением, то введение это решительно убило все, что находили русского в самой поэме. Русизмом поэмы Пушкина была та несчастная, щеголеватая народность, флориановский манер, по которому Карамзин написал “Илью Муромца”, “Наталью, боярскую дочь” и “Марфу-Посадницу”, Нарежный — “Славен-ские вечера”, а Жуковский обрусил “Ленору”, “Двенадцать спящих дев” и сочинил свою “Марьину

рощу”».

Старая флориановская, виландовская, лёвшинская народность была еще народностью условной, она и к Пушкину перешла в указанной поэме, и Полевой это понимал. Не помогает автору упоминание Днепра, отеческих русалок, лешего, хазарского хана, Руси и прочего…

* * *

Вернемся к Лёвшину. Так, новеллы сращиваются в «Русских сказках» двумя способами. Первый способ: герой рассказывает свое прошлое. Обыкновенно за этим рассказом вводится новый герой. Прием этот настолько условный, что герой иногда рассказывает другому герою такие события, в которых тот сам был участником.

Второй прием — это переход от отца к сыну. Рассказывается история отца, затруднения к браку, например, а потом рассказ переходит на историю сына.

Этот сложный развернутый прием есть, например, в «Повести о дворянине Заолешанине» и взят, вероятно, из «1001 ночи» (История принца Камаральзамана).

Лёвшинский сюжет, сюжет ходовых вещей XVIII века, основан на занимательности. Но

нередко части повествования не связаны друг с другом. XVIII век знал народность, но народность эта во многом еще пародийная, утверждает Виктор Шкловский. Трудно и часто неблагодарно быть первыми. Так, чулковские сказки и сказки Лёвшина пытаются найти тропинку в темном лесу к истинной народности, но все смахивает на то, насколько бессмертный «Дон Кихот» является рыцарским романом. Народность в литературных сказках и не только, взятая всерьез как направление, — это дело уже грядущего XIX века.

Особняком в сборнике «Русских сказок» стоят части VII и VIII. Они представляют собой одно произведение — «Приключения Любимира и Гремиславы». Это самый большой слитный кусок во всех десяти томах «Русских сказок». Слитность, конечно, условная. В основу ее положен любовный роман, данный в манере романа «История кавалера де Гриё и Манон Леско» популярного французского писателя аббата Прево. Это рассказ молодого человека Любимира о своих несчастьях.

Во времена Лёвшина сказки не столько собирались, сколько просто-напросто сочинялись. Белёвский писатель все же несколько расширил тематику сказки и вызвал этим возражение ре-

цензента в «Санкт-Петербургском вестнике» от апреля 1781 года. Вот что писала газета:

«…что касается до издания старинных богатырских сказок, мы согласны с г. издателем, но правду сказать хотели бы, чтоб он в самом исполнении своего намерения больше придерживался старинного сказкослагателей слога, историческими и етимологическими своими примечаниями изъяснял темные места. В сем, однако, как и во многих других делах, гораздо легче желать, нежели исполнять.

Из прибавленных издателем новых сказок некоторые, как то: о воре Тимохе, Цыгане и проч. — с большею для сея книги выгодою могли бы быть оставлены для самих простых харчевень и питейных домов, ибо всякий замысловатый мужик без труда подобных десяток выдумать может, которые ежели все печати предавать, жаль будет бумаги, перьев, чернил и типографских литер, не упоминая о труде господ писателей».

Это «известие», как отмечает Виктор Шкловский, — кажется, единственный известный нам отзыв современников о «Русских сказках».

* * *

В 1787 году Лёвшин издал «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских», которые служат продолжением «Русских сказок». В отличие от «Русских сказок», они разбиты на «вечера», то есть в них есть непосредственное влияние «1001 ночи». «Сказки славян древлянских» заключают в себе еще меньше национальных элементов, еще меньше попыток на запись так называемой подлинной сказки, чем «Русские сказки». И тут еще заметны большое влияние французской сказки, сильно модернизированной, и элементы фантастики. Сочинитель пускается в пространные рассуждения, растолковывая чудеса, словно в научно-фантастическом романе, и в этом нет ничего удивительного, когда подобный жанр только формируется, и, как видно, Лёвшин мечется из стороны в сторону. Так, например, им делаются попытки рационально обосновать возможное существование подводных людей со ссылками на французский журнал.

«Сказки древлянские» также эротичны, и чародеи действуют в них уже не только талисманами. Напомню, сказки читают совсем не дети, а взрослые. Волшебные предметы, помогающие героям,

стали иными, более разнообразными по сравнению с народными сказками. Среди них мы встречаем не только привычное кольцо, но и волшебные карманные часы, а сколько их еще будет впереди. Сюжеты построены преимущественно на бесчисленных приключениях, часто весьма галантных, в духе времени.

Бытовой комический материал здесь присутствует в меньшем количестве, чем в «Русских сказках», и сосредоточен главным образом на одном герое — Простое («Повесть о княжиче Вадиме»), Локальные элементы по-прежнему остаются в примечаниях, заимствованных из энциклопедического словаря, и в попытке поведать древнюю историю России. Книге предшествует «Известие», в котором автор рассказывает о древних племенах, населявших Россию, и местах их обитания.

В «Сказках древлянских» уже отсутствуют примечания мифологического характера. По этому поводу самим Левшиным сделано следующее примечание: «За бесполезное почитаю объяснить об упоминаемых здесь Славянских божествах. Читавшим Русские Сказки, также и Славянские Сказки и древности известно, что Лада была богиня любви; Световид — бог дня,

или Феб; а Зимцерла — Аврора, или богиня Зари» (ч. I, с. 24).

Лёвшин ссылается здесь на свои «Русские сказки», а также на книги Чулкова («Пересмешник, или Славянские сказки») и Попова («Славянские древности»), В это время, то есть к 1787 году, во многом нафантазированная система российской мифологии была уже установлена, широко известна в читательских кругах, и у автора не стало потребности пояснять новым читателям ее героев.

«Русские сказки» выдержали четыре издания и вскоре надолго ушли в лубок. Хотя сам В. А. Лёвшин задумывал свои «Русские сказки» для читателя среднего образованного слоя: это дворяне среднего достатка, купцы, чиновники. Для них он старательно делает примечания, приводит музыкальные ноты и ссылается на иностранные источники. Но книгу ожидала своя судьба, она стала жить совсем не в той среде, для которой предназначалась, издатель Решетников раздробил ее на отдельные, уже лубочные, выпуски, т. е. для так называемого «низового» читателя — мещан и грамотной части крестьянства, которые еще сохранили в своей среде кондовые взгляды XVIII века. Сборник разбивается на части и выхо-

дит отдельными частями: например, популярная «Повесть о новомодном дворянине» выпускается отдельной книжкой во многих издательствах.

* * *

В литературе XVIII века широко применялись условные имена и фамилии героев. Так, *у* М. Чулкова в романе «Пригожая повариха» героиню, хотя она родилась в Полтаве и переехала в Киев, зовут Мартона, ее любовники называются Светон, Ахаль и Свидаль. Или же, как в комедиях, у людей русские имена и при этом фамилии, выражающие качество. Этот прием сохранился надолго и в комической литературе продержался почти до XX века.

Лёвшин в «Русских сказках» пользуется вообще именем для придания герою или «славянскому богу» локальной окраски. Но в «Приключениях Любимира и Гремиславы» действия, очевидно, современные, хотя с необыкновенными анахронизмами, а имена — условные или условно русские. Так, Гремиславы и Любимиры живут рядом с Клорандом, Агнезой и т. д., почти как в нынешних школах.

Эти имена, разумеется условные, выражающие явную отделенность произведения от обыденной

жизни, ее в некоторой степени сказочность. Этим приемом, кстати, пользуется и Пушкин.

«Евгений Онегин», по определению самого Александра Пушкина, — роман в стихах. Жанр средний, с несколько пародийным словарем, поэтому, видимо, Пушкин решается ввести в него имя Татьяна, так оговорив его:

Ее сестра звалась Татьяна…
Впервые именем таким
Страницы нежного романа
Мы своевольно освятим.

К «Татьяне» Пушкин сделал следующее примечание: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, напр., Агафон, Филат, Фёкла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами». Эта глава датируется Пушкиным 1823 годом. В 1828 году Пушкин пишет «Полтаву» — поэму историческую, и хотя в романе Пушкин восхищался именами Агафон, Филат, Федора, Фёкла, в «Полтаве» он называет героиню Марией, следующим образом оговаривая это имя в примечании: «У Кочубея было несколько дочерей: одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матрёной».

Заканчивая разговор об именах героев, обратим внимание на фамилии героев пушкинского романа: Онегин, Ленский, гусар Пыхтин, Зарецкий, уездный франтик Иван Петушков, Скотинины, толстый Пустяков и так далее. Далеко ходить не надо, традиция живет и поныне.

* * *

С 1780 г. Василий Лёвшин состоял в переписке, а в 1782 г. познакомился лично с земляком А. Т. Болотовым, жившим и служившим тогда в Богородицком уезде Тульской губернии. Предпринятое Болотовым издание журнала «Экономический магазин» (1780–1789) очень привлекало В. А. Левшина. Будучи сторонником использования достижений науки, опыта передового земледелия и вообще хозяйствования, Василий Алексеевич стал одним из самых активных его корреспондентов, а позднее, уже после войны с Наполеоном, в 1814–1815 гг., сам предпринял издание похожего журнала — «Экономического и технологического магазина».

В. А. Лёвшин встречался с А. Т. Болотовым чаще всего в Туле. В 1787 г., например, они «имели удовольствие свидеться» и «говорить о многом» на новогоднем маскараде в Благородном собрании.

Любопытно, что Болотов, сообщая о свидании со своим другом и корреспондентом Лёвшиным в 1787 году в Туле, довольно пренебрежительно упоминает о его сочинениях, хотя Лёвшин был уже автором «Русских сказок», изданных Новиковым в 1780–1783 годах: «После обеда приезжал ко мне друг мой г. Лёвшин и просидел до вечера, занимаясь приятными разговорами. Оба мы были тогдашнего времени именитейшими литераторами и, помогая друг другу, трудились в пользу отечества. Я занимался экономическими, а он — переводами разных книг, а отчасти также кой-какими и сочинениями».

В Москве В. А. Лёвшин часто бывал у Н. И. Новикова, где он встречал А. Т. Болотова и Н. М. Карамзина. А в конце 80-х годов Болотов едва не породнился с В. А. Лёвшиным: его брат Фёдор Алексеевич некоторое время был женихом дочери А. Т. Болотова Елизаветы. Как мы уже указывали, Василий Лёвшин был человеком бедным и брался за такую работу, от которой отказывался даже многотерпеливый и работоспособный Болотов. Так, в 1788 году, приехав в Москву, Болотов встретился с Лёвшиным у Новикова.

«…Заезжал я опять к Новикову, и у него я сей день и обедал. Тут нашел я и знакомца своего

Василия Алексеевича Лёвшина, такого же трудолюбца, как и я; оба мы с ним были в сие время — черкасские волы и трудились над сочинениями и переводами без отдыха. Г. Новиков отдавал ему тогда переводить огромную немецкую книгу, которая напечатана потом под заглавием “Хозяин и хозяйка” и состояла в 12 томах. И я рад был, что от труда сего избавился, ибо сперва хотел было г. Новиков на меня сей страшный и скучный труд навалить».

К 90-м годам XVIII в. В. А. Лёвшин стал тяготеть к исследованиям экономического и исторического характера. В этих областях он был как активным переводчиком, так и создателем оригинальных произведений. В 1791 г. В. А. Лёвшин избран корреспондентом Вольного экономического общества, спустя два года, в 1793 г., стал его членом, а позднее — непременным секретарем и непременным членом комитета общества. В. А. Лёвшин внес значительный вклад в деятельность общества своими экономическими сочинениями, прежде всего «Топографическим описанием Тульской губернии», которое до настоящего времени является, по определению специалистов, одним из лучших из всех существующих описаний губерний. В. А. Лёвшин также стал пионером

геологических разведок на территории Белёвского уезда…

Являясь членом Вольного экономического общества, В. А. Лёвшин был в курсе исследований А. Т. Болотова, агронома И. М. Комова, известного ученого XVIII в. А. А. Нартова. В конце XVIII — начале XIX вв. в данное общество входили известный политический деятель и военачальник М. И. Голенищев-Кутузов, адмирал А. И. Синявин, поэт Г. Р. Державин. Помимо Вольного экономического общества Лёвшин с 1809 г. был членом Общества испытателей природы при Московском университете, почетным членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (с 1818-го), Московского общества сельского хозяйства (с 1821-го). Заслуги Василия Алексеевича в изучении хозяйства и экономики, в распространении в России достижений европейских ученых сделали его имя широко известным в Европе: в 1795 г. он был избран почетным членом Королевского саксонского экономического общества, в 1806 г. — членом Итальянской академии наук.

Отметился Лёвшин и на ниве драматургии. Так, в 1779 г. в Москве отдельным изданием вышла первая переводная пьеса В. А. Лёвшина «Фраскатанка» Ливиньи. Последующий двадцатилетний

период его работы как переводчика и создателя драматических произведений подарил русскому театру 11 оригинальных и 19 переводных пьес, которые с успехом шли на столичной и провинциальной сцене. (Тех, кому интересна данная тема, отсылаю к статье И. Немировской «Лёвшин и традиции музыкального театра».) Его перу принадлежит несколько лучших либретто русских комических опер XVIII в., все это связано с тем, что с 1794 года он руководил Калужским публичным театром, который имел пусть и полупрофессиональную, но постоянную труппу и осуществлял постановки в том числе и в Туле, где наместником было выстроено специальное здание под театр. В. А. Лёвшин оказался последним знаменитым автором, их создававшим, и лучшим русским переводчиком XVIII в. знаменитых пьес венецианского драматурга и либреттиста Карла Гольдони.

Стоит остановиться и поведать о недописанной утопической повести Василия Лёвшина с фантастическим сюжетом «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белёве», где человек земли по имени Нарсим на построенной им самим летающей машине с орлиными крыльями улетает на Луну. Там он встречает счастливых лунати-

стов, не знающих ни религии, ни государства, живущих по заветам Жан-Жака Руссо. Видимо, заезженный фантастический сюжет служит только поводом для философских раздумий автора. Старец Фролагий рассказывает Нарсиму: «“У нас не приобретающий руками своими пищи считается ненужною тягостию для земли…” Нарсим краснелся от стыда, слышав слова сии. Вот как разумеют здесь, помышлял он, плод трудов моих! Боже мой! Сколько людей посадили на хлеб и на воду, если бы хотя одну только Академию нашу отдали сюда на свидетельство!»

Вероятно, произведение не очень понравилось тогдашней цензуре, потому что в дальнейшем продолжении оно уже становится странствием во сне, а затем вводится другой путешественник, лунатист Квалбоко, который одновременно с Нарсимом знакомится с нашей планетой. На Земле он попадает в Турцию, где едва не лишается жизни, и бежит в могущественную Россию, которую хвалит долго и льстиво.

Лёвшин призывал в своей повести вернуться к земле и заниматься простым трудом. Так уже в XIX веке возвратился в родное поместье Лев Толстой, уроженец Крапивенского уезда Тульской области, и так и в своих сказках он заставлял

работать чёрта, и мера наказания, примененная к не земледельцу, та же самая — питание хлебом с водой.

Вообще у Лёвшина, по мнению В. Шкловского, имеется много совпадений с Толстым: и среди прочего — своеобразный дворянский агностицизм, отрицание необходимости познания. Лев Николаевич провел начало жизни в остановленном времени. Он не слушал старые русские сказки, ходившие среди простого народа, а внимал слепцу, рассказывавшему «Тысячу и одну ночь» в переводе XVIII века, и истины, которые были для Толстого так несомненны, пришли из того же века, по мнению Шкловского. Отсюда, вопреки прогрессу, призывы графа Толстого жить своим трудом на земле, упростить быт…

Вот что писал Лёвшин в «Письме… о поэме Вольтера»: «Рассуждать о ненужных вещах, которыми ни склонности наши не делаются совершеннее, ни нравы поправляются, ни обществу услуги оказываются, есть уклонение от истинного пути или вредное замедление в нужной дороге: ибо вместо сего могли бы мы предпринять что-нибудь полезное».

* * *

Продолжая говорить о новаторстве на ниве отечественной литературы, нельзя обойти стороной и интерес Лёвшина, Чулкова и Попова к исторической тематике, к историческим и легендарным источникам по русской истории. Современные исследователи в то же время подчеркивают условную, сказочную сторону созданного типа повествования. Речь идет об определенной повествовательной модели, которая обладает рядом устойчивых черт сюжетики и поэтики. Авторы монографий и диссертаций, посвященных прозе XVIII в. и истории русского романа, такие как Серман И. З. (Зарождение романа в русской литературе XVIII века // История русского романа. М.; Л., 1962), Степанов В. П. (Чулков и русская проза 1750-1770-х годов: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1972), Троицкий В. Ю. (Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982), относят начало исторической прозы именно к сочинениям данных авторов, отмечая при этом, что «историческая действительность» была осмыслена ими при помощи «жанра авантюрного романа». Особая роль в становлении исторической беллетристики

отводится сборнику Лёвшина, который «осуществил введение в печатную литературу русского эпоса в качестве исторического и художественного материала».

* * *

Творческая работа приносила Левшину радость познания и минуты вдохновения, но не могла служить постоянным источником дохода. Так, в 1798 г., как раз после написания и издания его комических опер и замечательного перевода «Слуги двух господ» Гольдони, долг титулярного советника В. А. Лёвшина составил 1800 рублей с залогом имения — села Темрянь и села Троицкого Одоевского уезда. Эти трудные обстоятельства заставили В. А. Лёвшина в 1799 г. обратиться к влиятельному родственнику, князю П. В. Лопухину, с просительным письмом. «Мне почти 60 лет, в семействе моем сам двенадцатый, имение малое, которое по малоземелью не токмо не приносит столько дохода, чтоб мог я прилично дворянину себя содержать, но не доставляет оного на проценты», — писал В. А. Лёвшин. В письме содержалась просьба помочь ему «в старости, имеющему десять детей, в том числе пять дочерей, ожидающему и с ними остаться

без пропитания». Прошение имело княжескую резолюцию: «Пусть терпит».

Литератор продолжал «терпеть» и нашел в себе силы после этого в 1803 г. составить для Вольного экономического общества «Топографическое описание Тульской губернии», перевел несколько пьес немецкого драматурга Августа фон Коцебу. Так сложилось, что в начале XIX в., занимаясь больше экономическими, историческими сочинениями и переводами, а также хозяйственными экспериментами, В. А. Лёвшин отходит от активной литературной деятельности, впрочем, как и Н. И. Новиков. Где-то позади остались увлечение вольтерьянством, сочинение социальных утопий, комических опер. Все это, по правде говоря, задержалось где-то в XVIII в., устрашенном в последние десятилетия разразившейся кровавой французской революцией, якобинским террором, грянувшими наполеоновскими войнами и борьбой за независимость от Англии североамериканских штатов.

Однако, чтобы хоть как-то поправить материальное положение семьи, В. А. Лёвшин в 1803 г. в возрасте 57 лет (глубокий старик по понятиям того времени) вынужден был вновь отправиться служить, но теперь — по гражданскому ведом-

ству: назначен чиновником особых поручений к статс-секретарю А. А. Витовту Действительно, как говорится, в России надо жить долго. Вскоре на творческую деятельность белёвского дворянина обратил внимание император Александр I, взявшийся в первые годы царствования опекать «науки и художества». Лёвшин в книге «Управитель, или Практическое наставление во всех частях сельского хозяйства», изданной в Москве в 1809 г., напечатал благодарственное обращение к императору за то, что имел «в преклонности дней питание, спокойствие, почесть, признание». На следующий год он посвятил свою книгу «Полное наставление, на гидростатичных правилах основанное, о строении мельниц» графу Н. П. Румянцеву, дружеской поддержкой кружка которого он также пользовался.

В отставку В. А. Лёвшин вышел только в 1818 г., 72-летним статским советником, был награжден орденом Анны 2-й степени и орденом Владимира 4-й степени и получил от государя 5 бриллиантовых перстней. До конца своих дней, даже несмотря на потерю зрения, он продолжал заниматься литературным трудом — переводил, теперь уже с помощью детей.

Конец жизни Лёвшина описан в некрологе в

«Северной пчеле» 1826 года (№ 105), опубликованном тульским историком И. Ф. Афремовым: «1818 года февраля 20-го, при отставке, награжден чином Статского Советника с пансионом по 2000 рублей по смерть, после него жене по смерть же и двум дочерям до выхода в замужество.

Склонность его к словесным наукам и в особенности к опытам по экономической части сопровождала его во все течение жизни, и в самых преклонных летах, когда уже зрение его померкло, продолжал он заниматься переводами с помощию детей своих, из коих один читал, а другой писал им переводимое…

1812 года избран ученым корреспондентом Филотех-нического общества. 1818 года С.-Петербургское вольноэкономическое общество любителей словесных наук и художеств почтило его званием почетного члена; и наконец Московское общество сельского хозяйства в 1821 году признало его своим почетным членом».

Обращалось внимание на чрезвычайную доброту и бескорыстие В. А. Лёвшина, так как лучшие его издания были им безвозмездно напечатаны и проданы по самой низкой цене. Лёвшин до последних дней жизни сохранял любознательный и веселый характер. На смерть белёвского

писателя также отозвался и журнал «Московский телеграф»: в некрологе упомянуто, что Василий Алексеевич был одним из самых трудолюбивых русских литераторов…

* * *

Умер Василий Лёвшин тихо, спокойно в Белёве 29 июля 1826 года, оставив после себя много неизданных книг, как мы знаем из одной статьи, присланной в «Москвитянин» из Тулы, в которой после ряда сведений о Болотове сообщается и о Лёвшине: «В. А. Лёвшин был одним из деятельнейших писателей русских… В. А., посвятив всю свою жизнь литературе и сельскому хозяйству, печатал множество сочинений и переводов. Болотов, Новиков и Лёвшин всеми зависящими от них средствами старались подвинуть вперед некоторые отрасли просвещения, хотя направления умственных их занятий совершенно параллельны были одно другому. Взгляните на “Роспись российским книгам” Смирдина, и вы невольно удивитесь разнообразным трудам В. Л. — одних названий до пятидесяти, а книг, им изданных, восходит до полутораста… Такая плодовитость изумляет и даже ужасает… Пересматривая его издания, замечаешь не поверхностное изуче-

ние всех отраслей наук, а обширные познания, которыми обладают немногие из новейших писателей. Пушкин не мог умолчать о В. А. в своем “Евгении Онегине”, и его два стиха скорее напомнят о Левшине отдаленному потомству, нежели все полтораста томов, написанных В. А. Кто, спрашиваю вас, не знает наизусть этих стихов Пушкина:

Вы, школы Лёвшина птенцы,
Вы, деревенские Приамы…»

* * *

Лёвшин похоронен в селе Темрянь, могила писателя и просветителя была утрачена из-за непонятных стараний местных жителей, не пожелавших сохранить место упокоения знаменитого земляка, уже в наши дни, в 70-е годы XX столетия. В настоящее время подле церкви Покрова Пресвятой Богородицы, что в конце XVII столетия на века выстроил воевода Афанасий Лёвшин, а ныне поруганной и обезглавленной, без куполов и с разрушенной колокольней, без дверей, местами разобранной на кирпич, покоится скромная плита, установленная администрацией Белёвского района, на которой

ныне можно с превеликим трудом разобрать напоминание потомкам о том, что здесь похоронен русский писатель и просветитель Василий Алексеевич Лёвшин.

Свежие могилы и ограды среди бурьяна и кустов, рытвин и ям, куч мусора жмутся к едва живому остову храма и к памятному знаку, навсегда упрятав от благодарных потомков место упокоения не только известного просветителя, но и, видимо, его родных и близких.

Оглядываемся. Вокруг все печально, несмотря на погожий день. Ближе к Оке находился каменный дом усадьбы Лёвшиных, который, естественно, не сохранился. В последние годы настойчивые исследователи обнаружили остатки его фундамента и когда-то шумевшего поблизости сада, они мечтают о восстановлении усадьбы, о создании музея…

Каждому свое: кто-то рушит, кто-то воссоздает из земного праха. А пока недалеко, среди давно никому не нужных и заросших бурьяном брошенных полей и поймы реки, в вымершей Темряни дачники под музыку жарят шашлыки и копают огороды…

* * *

Семья Левшина была многочисленной. Он имел 16 детей, семь из которых умерли в младенчестве. Старшие сыновья: Владимир (1777 —?) и Алексей (1785 —?) — окончили Сухопутный шляхетский корпус. Владимир в 1836 г. стал полковником. Александр (1787 —?) тоже был офицером, с 1836 г. — капитаном второго ранга. Степан (1786 —?) служил в контрольных экспедициях, Лев (1797 —?) окончил морской кадетский корпус и служил на Балтике. Село Темрянь перешло к его внучке, Екатерине Степановне Левшиной, вышедшей замуж за Вл. Соловцова. Сын Е. С. Соловцовой, Александр Владимирович Соловцов (1847–1923), был последним владельцем Темрянского родового гнезда рода Левшиных.

По утверждению тульского историка Г. П. Присенко, в книге «Просветитель В. А. Лёвшин», на которую мы во многом опирались в ходе работы над настоящим разделом книги, взгляды Лёвшина никогда не были реакционными, он не укреплял охранительно-аристократических позиций дворянства. В. А. Лёвшин до конца жизни оставался верен идеалам просвещения, сосредоточив всю свою энергию на вопросах

организации и ведения хозяйства. Более того, он остался предан увлечениям молодости, связанным с деятельностью новиковского кружка: так, в 1809 г. анонимно издал перевод злого памфлета Альбрехта о князе Г. А. Потёмкине, который был «гонителем и притеснителем» их кружка. Жизненный путь В. А. Лёвшина созвучен словам немецкого поэта-философа Кристофа Виланда, которого он так любил: «Кто любит муз и любим ими, тот в самом уединении не будет празден и всегда найдет для себя приятное дело. Он несет в себе источник удовольствия, творческую силу свою, которая делает его счастливым». Добавлю, что белёвский просветитель открыто выступал против вольте-рианства и атеизма, но с позиций просвещения.

* * *

Василий Лёвшин не создал своей школы, его основной труд, «Русские сказки», еще при жизни был записан на первых порах на имя Н. Новикова (Кайсаров А., «Славянская мифология»), а затем все историки литературы и библиографы считали автором М. Чулкова (в «Словаре русских писателей» митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова). «Русские сказки» и «Сказки древлянские» при-

писаны сразу и Лёвшину, и Чулкову). Так, Н. М. Языков в письме к брату от 6 января 1823 года писал: «…пришли ко мне Историю Карамзина и, если можно, собрание Русских сказок Чулкова: ето важная вещь для меня…»

Между тем их известность росла среди простых людей. Сказки перепечатывали различные типографии, специально занимавшиеся изданиями лубков, их выпускали отдельными листами, и в редкой крестьянской избе не было лубка с эпизодами из лёвшинской сказки…

Жизнь и творчество В. А. Лёвшина имеют свою историографию. Впервые о нем написал в своих «Записках» А. Т. Болотов. В 1843 г. тульский историк Н. Ф. Андреев упомянул о краеведческой деятельности Лёвшина в статье «Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям», опубликованной в журнале «Москвитянин». Имя В. А. Лёвшина вошло в «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, в 17-й том, изданный в 1896 г., в «Русский биографический словарь», в 10-й том, вышедший в 1914 г., в «Краткую литературную энциклопедию», в 4-й том, вышедший в 1967 г., и даже в «Сельскохозяйственную энциклопедию». Но, несмотря на то что еще в 1818 г. его избирают почетным членом Петербургского общества лю-

бителей словесных наук и художеств, Лёвшин как писатель оказался практически забыт читателями на долгие годы, и причина — в анонимности издания самых знаменитых его книг: и «Русские сказки», и «Вечерние часы» вплоть до 30-х годов XX столетия настойчиво приписывались М. Чулкову, на что мы неоднократно указывали. И это, несмотря на то что еще в 1812 г. был опубликован перечень сочинений Лёвшина, где упоминались «Вечерние часы» и «Русские сказки», а в 1818 г. имя автора этих «сказок» прямо называет К. Ф. Калайдович, тем не менее историки литературы почему-то поверили А. Ф. Смирдину, который безоговорочно «расписывает» их в ряду сочинений М. Чулкова.

В 1880 г. только в «Дополнениях» ко II тому «Справочного словаря о русских писателях и ученых…» Г. Н. Генна-ди говорит об авторстве Лёвшина, ведь его ранее поправлял библиограф Н. П. Собко, указывая подлинного автора. Казалось бы, правда восторжествовала, навеки имя Лёвшина извлекли из небытия, но нет… В 1894 г. с аргументацией в пользу авторства М. Чулкова неожиданно выступит Н. С. Тихонравов, и его точка зрения становится доминирующей вплоть до 1933 г. Только появление книги В. Б. Шклов-

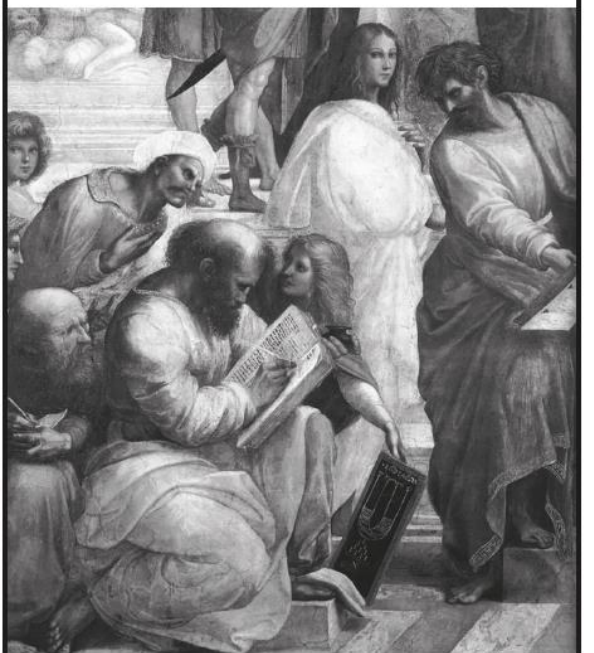
ского «Чулков и Лёвшин», на которую я уже неоднократно ссылался выше, вносит ясность и окончательно снимает вопрос об авторстве Чулкова.

Виктор Шкловский впервые в советской историографии охарактеризовал творческую деятельность В. Лёвшина и поместил список его работ. В 1945 г. Д. Д. Благой вводит Лёвшина в курс «Истории русской литературы XVIII века». Затем постепенно начинаются публикации его произведений: сначала — отдельных басен, затем — отрывка из «Новейшего путешествия», наконец, «богатырских» и «народных» сказок. «Утренники влюбленного», а также большинство басен никогда не переиздавались. Имеется ряд статей о В. А. Левшине, опубликованных в центральной и тульской периодической печати современными краеведами А. А. Петуховым, З. П. Тишиным, А. Кондрашовым. Особо следует упомянуть работу Н. А. Малеванова «Энциклопедист из Белёва». Это обширная статья, опубликованная в газете «Неделя» 12–18 марта 1967 г., об увлечениях Лёвшина. В 1-м номере «Русской словесности» за 1997 г. выходит интересная статья А. С. Курилова «В. А. Лёвшин», также в периодике имеются статьи о его театральной деятельности и посвя-

щенные элементам фантастики в «Новейшем путешествии».

Культурология

Культурология

Российский
колокол

Анна Гутиева

38 лет, писатель, психолог и редактор. Работает с начинающими и издаваемыми авторами как

редактор и наставник. Исследует природу творчества и творческих возможностей человека. Пишет как художественную прозу для детей и взрослых, так и нон-фикшн-книги по писательству и психологии. Под редакцией А. Гутиевой выходили книги в издательствах «ИД Городец», «Редакция Елены Шубиной», «Эксмо», «Нигма». Номинатор «Нацбест-2020».

Мастер текста в Писательской академии Антона Чижа. Ведет блоги для писателей с упором на общезначимые смыслы, глубокое исследование конфликтов времени и цели человека как такового.

Русскость

Статейка попалась мне дрянная, знаете, из того разряда, когда вроде правду хочет сказать человек, только к правде ложь примешает — и вот уже дрянь дрянью вышла его правда. Говорит человек, что русскость равно дикость и душевная истерия, мол, только на границе смерти любят русские бравировать жизнью, в экстазе сентиментальность проявлять и геройством, точнее, агрессией наслаждаться, а сонливую буржуйскую жизнь не уважают, разрушители и агрессоры.

Правду ведь сказал, только с эдакой усмешечкой, что вышло так, будто правдой его вырвало. Сам-то русский, но косится в сторону бюргеров — вон цивилизация, комфорт, сытость и законы крепкие, не то что у этих экзальтированных высшими смыслами на границе со смертью — русских. Русский, как было сказано где-то, — это прилагательное, потому что как русский — он любой национальности, так что необъятно получается.

Сложно русскому принять свою природу — расцветает жизнь русского на сломе эпох, в революции, в завоеваниях, в великих идеях, ради которых можно жизнью, и прежде всего своей жизнью, жертвовать, в исступлении, в самоотречении, в жертвенности и в служении высшему, чем бы высшее ни было. И цветет жизнь именно что на пороге смерти, надо русскому, чтобы смерть за спиной стояла. А в спокойные годы без указания будущего — царства ли Божия, светлой звезды коммунизма, победы ли над фашизмом, полета в космические дали — разлагается русский в пьянь, глупь и хмарь.

Ни один обыватель с мещанской психологией комфорта и личного успеха, ни один цивилизованный человек со сводом законов и страхом перед миром не станет хвалиться подобным

характером. Сам русский не станет хвалиться, потому что себя боится, а чаще и осознать себя не может, потому что более всего желает убежать от такой судьбы в комфорт, и успех, и цивилизацию, уже кем-то отстроенную, и все равно еще куда — подальше бы из себя выскочить.

Но скажи, что таков вот национальный типаж, — и открестятся все, накидают в ответ слов в полтонны, что всё это — выдумки, вот я — нормальный бюргер и я — мещанин комфортный. Потому что и правда странно выглядит описание, в сытые и разнеженные годы совсем уж таких революционных характеров не видать, так, если на окраине общества какой проклюнется, его в сторонку лакированной туфлей отодвинут и сделают вид, что нет такого. Если революционер с пафосным звучанием вдруг и всколыхнется в обывательских кругах, то промолчат люди, вроде как неприличное что сделал человек. Тоже русские, между прочим. Наградят истериком и поморщатся.

Зато если война или волнение, народ затрагивающее, таких пламенных людей в разы больше становится. Настолько больше, что внезапно большинство. В такие периоды очень опасное сообщество образуется, и смерть стоит у него за

спиной, так что остальные сообщества мировые чувствуют это инстинктом сохранения своих сытых систем и ненавидят древнюю неуправляемую, мистическую силу русского человека. Как ненавидят эту невнятную силу обыватели в том, кто кричит: идите вперед, в высшие дали, ваша буржуйская жизнь есть разложение и смрад. Как ненавидит в себе ее сам русский — эту тоску его по неизведанному, требующую, истязающую его изнутри. Ах, как хочется русскому не быть русским — неудобно, жжется и колется. Но порой как ударит что-то изнутри волной — и враз почувствует гордость за себя, словно его источником правды из-под земли опьянило.

Всё труднее русскость дается современным жителям России. Вот у нас уже и Бога отменили, и ад отменили, и космос вроде обыденности стал — как в Турцию слетать, один бюргерский успех оставили. Ляпнешь в запале про мистические корни, про дух божественный, про исток жизни, про правду — засмеют, скажут: сказки тут мы и сами рассказать сумеем, фэнтезийно закрутим и продадим подороже. И психологически не закрутить — не обосновать эту мысль, если еще в двадцатом веке великие психотерапевты говорили об архетипическом, о пиковых переживаниях,

о проникновении в родовую память, то сегодня психология в основном о границах и комфорте печется, и даже в искусстве напрочь отрицается, или даже так — с пренебрежением отпинывается всё это экзальтированно-возвышенное. Только что уж тут ходить вокруг да около, так и брякнем: есть это мистическое, архетипическое, глубинное и духовное в человеческой природе. Сама жажда Бога и неизведанных далей — потребность психологическая, а не абстрактная. Может, на сытый желудок оно и не заходит, но когда петух клюнет, то тут уж не до раздумий — оно само просыпается и горит в душе так, что разодрать грудь хочется и идти в самое пекло. Только мы всего этого не чувствуем, пока сидим в интернете, пока ходим по расписанию современной жизни, пока бегаем по психотерапевтам, чтобы душу вылечили и душой бы нам не мучиться. Нет в сегодняшней жизни места удивительному, глубокому, возвышенному, древнему, тайному. Расцвет русскости, как уже было сказано, вот в тех далях и совершается, а раз места нет, то и русскости места уже давно нет.

Может, и молодежь потому на Запад перекошена. А вот случился мировой слом, русскость восстала из недр земли, и крик-то стоит всем

мировым сообществом: русский ужас, русский кошмар, уничтожить, запретить. И сами русские испугались себя, привыкли за столько десятилетий погони за успехом, мягким диваном и ничегонеделанием нерусскими существовать, стыдятся, убегают. Но это по мелочи застыдились которые, большинство же все-таки силу свою почуяли. Но за миром остальным смешно наблюдать: в панике руками машут, глаза пучат — а как, если русскость самое себя поймет и одобрит, а если русскость возьмет какую идею в руки и взмахнет ею, как флагом над миром, — то-то они запретили идейно мыслить, знают нас получше нашего, а если русскость перестанет стыдиться своей природы особой, на подвиги, на служение высшим целям заточенной, и как начнет в полную мощь жить. Страшно.

Но закон человеческий прост. Пока годы сытые, мистиков, пророков мы юродивыми будем называть. Но когда годы злые, когда смерть ходит рядом, мы будем носить их на руках и считать святыми. Психология революционного характера и психология эволюционного не сойдутся никогда и ни в чем, это две силы мира, у которых нет точки примирения. Ты, русский, знай свою долю, чти свою землю, смело бери свою участь и не

бойся великих целей. Питают тебя кровь и земля сотен народов, и каждый из них — русский, из каждого вырос ты. Бог с тобой, русский человек.

Иррациональная сила произведений искусства
Эссе

Исследуя творческие процессы, мыслители отмечали разницу между творчеством, воспроизводящим реальность, и творчеством «визионерским» (определение К. Г. Юнга), которое происходит через сложный и до сих пор не объяснимый комплекс надличностных переживаний: вдохновение, интуиция, озарение, предвидение.

Я бы назвала такое творчество «со-творчеством» мира, потому что в его процессе создаются и преобразуются смыслы. В психологии творчества такой вид творчества связан с интуицией, определений которой множество, но природа которой остается загадкой, так как интуиция — это скрытый от сознания процесс постижения мира. Я буду использовать термин «интуиция» как объяснение процессов постижения мира в его целостности и глубине через внезапные вспышки предвидения, в необъяснимом озарении сути

мировых закономерностей; постижения, не являющегося результатом логических рассуждений и исследований, не опирающегося на доказательную базу, но являющегося при этом верным суждением (я обобщаю в этом определении множественные исследования по психологии творчества).

Творчество через интуитивное постижение порождает произведения искусства, которые становятся частью мировой культуры. Но интуиция, конечно же, действует и в более мелких масштабах, ее проявления знакомы обширному числу творцов. Также визионерский тип творчества связан с вдохновением как особым состоянием сознания, состоянием наполненности, активации сознательных и бессознательных процессов и мощного эмоционального переживания, которое простыми словами можно охарактеризовать как открытость разума и души миру — внешнему и внутреннему.

Наша задача — узнать и расширить возможности своей души, чтобы испытать невероятные ощущения жизни, ведущие нас за пределы познанного, что в конечном счете изменит и углубит наше творчество. Практически ни одна другая деятельность человека не ведет личность

к настолько значительным переживаниям, поднимающим над собственной ограниченностью психикой, обстоятельствами и эпохой. Здесь сливаются воедино интеллектуальное и эмоциональное, сознательное и бессознательное, личностное и внелич-ностное, сама жизнь и отстранение от жизни. Невозможно не жаждать испытать подобное, а если испытал, то невозможно не подсесть на процесс творчества, чтобы испытывать это вновь и вновь, как свидетельствуют дневники и высказывания великих творцов всех эпох.

Итак, интуитивное постижение лежит в сфере иррационального, а проникнуть в иррациональное разумом мы не можем, и путь у нас один — эмоции, эмоциональное переживание жизни. Каким же образом эмоциональное переживание связано с такими глубинными процессами, как интуиция, предвидение, озарение? Вот об этом и поговорим.

Творческая личность — это личность с максимально обостренной восприимчивостью к миру, к жизни, к людям. Творец — это хаос эмоций, сбивающих с ног; зачастую переживания настолько интенсивны, что поглощают творца, лишая его возможности заниматься повседнев-

ной работой или обязанностями. В то время как обыденного человека легко мобилизовать на каждодневную деятельность, потому что его не отвлекает переживание жизни как таковой. Для обыденного сознания жизнь — набор известных фактов, правил и понятий. Для творческого сознания жизнь — хаос, неизвестность, мучительная и манящая тайна. Для человеческой психики нестабильность — основа для психотических изменений личности. Для творческой психики нестабильность — основа для развития творческого потенциала и личности в целом.

А. Маслоу в 1960-х годах писал о том, что обучение и развитие должны идти через творчество, что всем возможно это переживание акта творения и видения мира необычайным образом. Уже в наше время, когда этим «всем» навязали возможность творить, развивать заложенный потенциал, мы получили очень нехороший результат. Очевидно стало, что творить может не каждый, даже если его с детства натаскивали на творческое мышление. Очевидно стало, что обыденному сознанию намного комфортнее в заданных рамках реальности; при всем возможном выборе такое сознание выбирает то, что привычно и соответствует реальности,

всем понятным чувствам, событиям. И уже мне видится негуманным, когда человеку, которому комфортно в рамках реальности, говорят о некоем неведомом потенциале, когда предлагают творить великое, которое создается при особых состояниях сознания; такой человек играет в творчество-отражение прежде всего самого себя, узкого опыта, который он прожил в миру; он не получает от этого никакого результата; творчество как предназначение уже не работает — не удовлетворяет. То есть человек самым откровенным образом варится в иллюзиях, буквально живет в воздушных замках и зачастую, кроме депрессии и неудовлетворенности, ничего не получает. Хотя мог бы быть счастлив в рамках своей реальности, сосредоточившись на достижимых в рамках реальности и по законам реальности целях. Такому человеку, чтобы достичь смысла в творчестве, придется сломать свою психическую структуру, разбить множество защитных механизмов психики, долго работать с сознанием. То есть стать не тем, кто он есть.

Но на деле произошло иное: **сам акт творчества был разложен на технические составляющие, понятные конструкции, правила и шаблоны, по которым творить действительно может каж-**

дый. То есть не человек изменился ради того, чтобы доказать, что любой способен к творчеству, а понятие творчества подогнано под обыденное сознание. Что является масштабной проблемой в области искусства, культуры человечества.

Также понятие таланта было снижено до уровня создания форм. Если человек умеет хорошо писать или рисовать, он уже может называться талантливым. Но дело в том, что талант — это не только умение создавать форму, он включает ряд особенностей личности. И главная из них — это способность остро переживать жизнь, эмоциональная наполненность, открытость к интуитивному постижению. Такое условие внутреннего бытия ведет к удивительному процессу — интуитивному озарению, когда творчество перестает быть актом сознания и воли и становится актом связи с процессами глубинными или надличностными — называйте как хотите, — суть которых в том, что через творца начинает говорить нечто большее, нежели он сам. Это отмечали все великие люди, словно открещиваясь от результатов своего творчества, утверждая, что не они сами создавали, а нечто создавало через них. **Талант не есть способность к созданию**

формы, но есть способность глубокого переживания жизни до такой степени, что жизнь обретает новую форму в произведении творца.

Приходится признать тот факт, что люди рождаются с врожденными механизмами проживания жизни. Одни словно без кожи впитывают жизнь, не видя в человеческом существовании законченного результата, а значит, выискивая возможности для его трансформации; другие отлично функционируют в рамках реальности по заданным схемам, даже если это схемы творчества. Разный тип психики, как встроенный механизм.

Из-за того что само творчество было изменено под обыденную психологию, в мировом масштабе мы наблюдаем нарушение баланса сил. Творческая психология уходит в теневую область человечества: уже долгое время в информационном пространстве постулируется обесценивание самых важных для творчества элементов: вдохновения, озарения, интуиции, нестабильности психики творца, предвидения, ответственности перед обществом. Великих творческих людей судят по их личной жизни, как обычных людей. Потому что, получив творчество в обыденное пользование, обыденный тип старается низвести

его са-кральность, принадлежность избранным, непостижимость к уровню обывателя. Огромное количество так называемых творцов возмутятся перечисленными вещами и получат значительную поддержку всего общества. А мы в итоге получаем абсурдный мир, в котором в сферу творческую, недоступную подавляющему большинству, влезла целая толпа и «творит» культуру эпохи.

Об этом я говорю, с тем чтобы вывести из коллективного сознания понятие новой нормы.

Эта толпа — творцы-в-рамках-реальности — штампуют не столько саму реальность, усиливая ее рамки, усугубляя ее стереотипы, умножая ее воздействие, сколько уже другие произведения, повторяя одно и то же. Творчества, которое, по сути, всегда открытие, видоизменение реальности, не происходит. Мыслители, психологи, творческие деятели, эзотерики выстраивают логическую систему, обосновывающую эту ситуацию; они заняты научением тому, как жить в рамках новой социальной парадигмы — парадигмы обыденного сознания. В качестве примера могу привести рецензии литературных критиков на слабые произведения, в которых научно обосновывается отсутствие важных для литера-

турного произведения структурных моментов: картонные персонажи подаются как смелый шаг, отсутствие сюжета — как небывалый эксперимент и т. д.

Но общество идет дальше и не только нивелирует са-кральность творчества, но и извращает понятие нормы. **Если из коллективного сознания убираются идеал, избранность, величие, красота, развитие — происходит движение в обратную сторону: нормой становятся низменные переживания, болезни психики, отсутствие морали, уродство; развитие оборачивается деградацией.** На уровне государств за норму принимают отклонения психики в половой сфере. С экранов исчезли красивые актрисы, потому что красота избранных женщин оскорбляет большинство женщин, которым она недоступна. Бессмысленные и разрушительные произведения искусства восхваляются и спонсируются. Мужчины становятся женщинами, и наоборот. На пике внимания ничем не примечательные, глупые люди, у которых миллионы подписчиков.

Войны ведутся через ложь, фейки и информацию. В подобной общественной парадигме невозможно творчество как акт по той простой

причине, что творчество требует душевного и духовного развития как для создания, так и для его понимания. Возврат в мир творчества — это путь героя в прямом смысле. Ведь требуется пойти не просто против политической системы мировых сообществ, не просто против какой-то отдельной идеи, а против психологии массового человека.

Манифест нового направления

Предисловие

Постмодерн в последние годы деградировал до полной бессмысленности содержания. Смена культурной парадигмы назревала уже давно. Спецоперация на Украине стала тем разломом, который обозначил переломный момент не только в мировой политической системе, но и в культуре страны. Новая эпоха началась. И у этого начала уже образовалась определенная тенденция, включающая патриотизм, героику, веру, социалистические настроения. Создать направление, которое включит всех нас, готовых строить новую культуру страны, — вот необходимость.

Перед нами стоит сложная задача: из тоталь-

ного культурного упадка выйти на уровень исторических традиций величия творческих деятелей. Почему это сложно? Потому что десятилетиями формировался определенный уровень, на котором сегодня и происходит культурный процесс. Этот уровень принят за норму как теми, кто потребляет культуру, так и теми, кто ее создает и руководит ею. На этой отметке в минус тысячу нет идеологии, нет критериев, нет содержания и ценностей. Ведь одно дело — заменить классицизм импрессионизмом или импрессионизм сюрреализмом; и то, и другое, и третье имеет под собой четкую парадигму движения. Другое дело — предложить обществу, отвыкшему от достижений, труда, усилий, имеющему единственный лозунг: «Никто никому не должен», цели, ценности, вектор.

Сила сегодня у тех, кто сможет предложить идею, кто укажет ориентиры. Это коллективный запрос, который постмодернисты удовлетворить не в состоянии. Так же как не в состоянии удовлетворить и те, кто оглядывается на чуждые России ценности: западную иллюзию демократии, толерантность к различного рода искажениям психики, антихристианскую мораль вседозволенности, денежного идола и медиауспех.

Необходим манифест, который будет воплощать в себе ориентиры нового творчества, творчества, способного воспитать в народе дух единства, показать красоту и силу личности, задать планку духовного развития, творчества, который покажет глубину и вершины человеческого духа.

Манифестация культурного направления нужна для союза сил. По отклику на манифест становится ясно, кто с нами в одном потоке. Манифест необходим для создания собственного информационного поля, в котором звучат четкий посыл и ясные лозунги общего движения. На этот посыл и приходят СВОИ люди. Объединенные общим направлением, мы задаем вектор для общества в целом. Если у внутреннего врага есть лишь лозунги «против», есть общая ненависть и общая тоска по утраченному комфорту, то у нас есть лозунг «за», есть путь, по которому мы идем сами и приглашаем народ следовать за нами. Путь, проложенный смертями, героизмом, верой в жизнь, в правду, в новое будущее, начало которому положено на Донбассе.

Дело сейчас не в личном успехе каждого из нас, а в общественном движении за новую эпоху. Если бы импрессионисты выступили по одному, а не

одним движением, смогли бы они заявить о себе громко? Если бы они не сформулировали основы нового направления, постулат о смысле своего творчества, смог бы один Сезанн выступить как глашатай новой культуры? Нам необходимо четкое направление, которое, с одной стороны, позволит каждому быть собой неповторимым, но и которое, с другой стороны, соберет мощь каждого из нас в один поток. А если оно вдохновит многих из нас, значит, через какое-то время появятся тексты — воплощение идей новой культуры. И мы лавиной хлынем в образовавшуюся сегодня брешь и смоем старый мир.

Манифест

Итак, название нового направления культуры — беизм, от старославянского «быть». Это фундаментальное понятие о жизни как таковой, о чистой правде бытия: пришел как есть, уйдет как был; это искренность перед миром, перед Богом, перед народом без лишних домыслов и конструктов ума.

Беизм — это правда жизни, правда сердца, правда народа.

Основные постулаты беизма и критерии творческого содержания

Жизненность. Наше творчество наполнено жизненной силой, потому что личность беиста — личность, переживающая за мир, за страну; личность, берущая на себя ответственность за смыслы эпохи.

Эмоциональность. Тексты беистов должны цеплять сильными чувствами, глубокими переживаниями, сложными общечеловеческими конфликтами. Взамен современных текстов, которые служат лишь арт-терапией самих авторов, рассказывающих о себе, боящихся подлинных переживаний.

Героизм. Нам нужны персонажи, которые станут ориентиром для народа.

Развитие. Сегодня одна из самых сложных задач творчества — показать возможности развития: человеческого сознания, психики, общества взамен отчаянию и бессмыслице, неверию и безнадежности произведений старого мира.

Правда. Нам открывать правду сердца, погребенную под лживыми конструкциями ума, фейковых инфопотоков, общественной парадигмы «свободы» для капиталистов. Вскрылась

ложь мировых увещеваний и взаимосвязей. Нам открывать правду общества. Нам открывать правду жизни.

Мы не забудем, что послужило началом новой эпохи — боль, смерть и жизненная сила Донбасса. Мы не забудем, кто дал нам дорогу к новым возможностям общества и культуры. Победы наших героев, смелость, выдержку и отвагу павших и живых на Донбассе нам воспевать в книгах и песнях, стихах и картинах. Их смерти служат жизни, их жизнь — в несмолкаемой песне о Герое.

«Я творю культуру России», — говорит беист и берет ответственность за качество и содержание собственных произведений в контексте истории вместо «творить может каждый», как говорили еще вчера, и каждый плодил произведения без оглядки на общественно значимые цели и ценности. Мы не боимся больших задач, мы ставим высокую планку для своих произведений и идем напролом в создании новой культуры.

Творит историю тот, кто творит смыслы, чьи произведения несут сильные чувства и вечные ценности: любовь, сострадание, человечность, силу духа, героизм, веру, правду, доброту и свет. Творить смыслы означает придавать чему-либо значимость, включать описываемое в общий

контекст жизни и мира, находить цели, предназначение. Мы не знаем преград в поисках правды жизни.

Творчество беизма — о героях. Героическая психология отличается от психологии обыденного. В своей мотивации героическая личность исходит из высших потребностей (потребностей, направленных не на выживание и социальный успех, а на общественные, культурные и духовные достижения) и работы над общественно значимыми целями. Постмодерн уничтожал величие нашей истории, человека в принципе. Мы возвращаем величие и мощь человека. Мы пишем героев, которые станут ориентиром. Мы продолжаем великие традиции истории.

Служить народу, а не собственным амбициям. Мы расскажем народу о его возможностях, покажем его силу, красоту, богатство духа, чтобы русский человек мог гордиться собой. Хватит ставить народу заезженную пластинку про маргинальных алкоголиков, не знающих иного пути, кроме разрушения. Жители Донбасса в невыносимых условиях показали такую стойкость, жизненность, красоту духа, что уже стыдно творческим деятелям ныть про беспомощность человека, про его ничтожность и пороки. Вели-

ким писателям прошлых эпох трезвый взгляд на недостатки русского народа не мешал воспевать его величие.

Бейсты za социальную правду! Правда в том, что каждый получает то, что заслуживает. Нам нужен мир, где люди могут опираться на свои таланты, знания, развитие, ценности, а не на количество денег и качество связей. Это мир всеобщих возможностей и строительства нашей страны общими усилиями взамен лживой свободы капитала. Капитализм сделал из творцов ремесленников, творящих «продукт» и «личный бренд». Бейсты восстают против олигархической системы, которой сегодня полностью подчинена культура. Свободы развиваться и жить достойно нет ни у кого, кроме олигархов. Бейсты за свободу созидать и строить!

Наше искусство воспевает жизнь. Постмодерн был насмешкой над жизнью, мы же ее чтим и через свои произведения на жизнь вдохновляем. Наши произведения — о ценностях жизни, ее возможностях и открытиях.

Беизм — о правде сердца. Правда одна, и она в биении сердца. Мы живем в загрязненном пространстве инфомусора. Сегодня мы — информационная раса. Задействован наш разум, идет

мощнейшая атака на структуру нашего сознания, мы бьемся на информационном поле словом — мы живем от ума, не от сердца. Вся ложь мира стала возможной потому, что ум все значимое для каждого способен низвести до незначительного, а незначительное — возвеличить. Люди устали от сложных, надуманных концепций новомодных движений. Они хотят правды — правды жизни, правды сердца, красоты души и ценностей духа. Мы им это дадим.

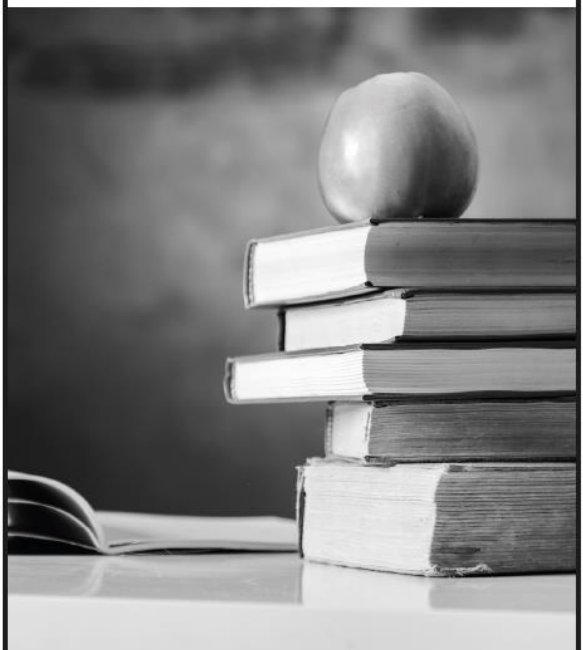
Личность беиста — инструмент, на котором создается произведение нового искусства. И личность должна быть полной знаний, глубоких и тонких переживаний, смелости на свершения и постановку смыслов. Взамен эгоцентричности «творцов» старого прозападного мира, свой куцый и комфортный опыт ставящих наравне с произведением искусства; взамен высосанных из пальца пустопорожних проблем собственной половой идентификации; взамен бессмысленного усложнения сюжета ради привлечения внимания; взамен надуманного шок-контента собственных извращенных фантазий.

Делом своим мы несем ответ перед страной, перед нашими великими предками и будущим русского народа. Мы творим историю своей

страны сегодня для завтра, а значит, уважаем и чтим прошлое: древнюю Русь, имперскую Россию, СССР, постсоветскую РФ вместо постоянных оправданий и унизительного поклонения перед западными странами. Не зная и не любя своей истории — не найти собственного пути.

Накануне

Накануне

Российский
колокол

Людмила Лазебная

Родилась в с. Семивражки Вадинского района Пензенской области 14 июня 1966 года. С 2004 года

живет и трудится в Москве и Санкт-Петербурге.

Член Союза писателей России, Международной гильдии писателей, Российского союза писателей, Интернационального Союза писателей, член-корреспондент Международной Академии наук и искусств, кандидат филологических наук, лауреат премии П. П. Бажова, Московской литературной премии-биеннале (2021), Российской литературной премии, премии журнала «Российский колокол», Международного литературного конкурса «ЛИБЕРТИ» (Германия), Международного фестиваля «Золотое Перо Москвы», Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Поэт года», Международного историко-литературного конкурса им. В. Арсеньева (Австралия), Международного арт-фестиваля памяти Владимира Высоцкого «Я только малость объясню в стихе».

Ее перу принадлежит более десятка печатных сборников прозы и поэзии для взрослых и детей различного возраста, девять аудиокниг. Печаталась в журналах и альманахах: «Российский колокол», «Край городов», «Сура», «Новый Ренессанс», «Симфония сердец», «Писатель года», «Поэт года», «Совёнок», «Наследие», «Невский альманах» и др.

Удостоена знака «Почетный работник общего образования Российской Федерации», Почетной грамоты Министерства образования и науки Российской Федерации. Награждена двенадцатью муниципальными и общественными орденами, почетными знаками, медалями, в том числе орденами и медалями писательских организаций России.

Опалённое древо
Повесть

Февраль одна тысяча девятьсот четырнадцатого года, Санкт-Петербург. Россия празднует Масленицу. В семье известного русского учёного-математика, профессора С. В. Батицкого, происходит несчастный случай во время народных гуляний — погибает младшая дочь. С этого момента всё в крепкой семье начинает рушиться.

Считая себя виновным в смерти младшей сестры, сын профессора Николай впадает в депрессию и вынужден прекратить обучение в гимназии.

Старший сын, Антон, офицер царской армии, проходит военную службу на восточной границе с Пруссией и не имеет возможности отлучиться

с места службы.

Супруга профессора ищет успокоение в ежедневных посещениях могилы дочери, чем доводит себя до нервного истощения. Спасение она находит в православной вере, в одночасье понимает свою ошибку и меняет отношение к случившемуся. Теперь важной задачей для матери становится спасение больного ребёнка, поскольку умершего не вернуть.

Верные слуги, старик Тимофей и молодая повариха Варвара, по-своему стараются помочь хозяевам. Они обращаются к известной петербуржской гадалке, которая предсказывает много трудностей и бед семье профессора, а молодому барину, старшему сыну, и вовсе трагическую судьбу. Варвара принимает решение молчать об этом предсказании.

Барыня с больным сыном выезжает из Петербурга в семейную вотчину в Пензенской губернии. Там по предложению старого слуги Тимофея она отваживается посетить с сыном местную знахарку, которая, прибегнув к нетрадиционным методам лечения, исцеляет беднягу Николя от страха и нервной болезни.

Тем временем в мире происходят страшные события. Россия вынуждена вступить в войну с

Германией.

Старший сын профессора Батицкого направлен для прохождения военной службы в отдалённую и недостроенную крепость Осовец на границе с Пруссией, в белорусских болотах. Крепость, несмотря на незавершённое строительство фортов и немногочисленное присутствие русских военных, преграждала путь германским войскам на Россию. Уловки немцев и предложения сдать крепость не нашли поддержки и понимания среди офицерского состава крепости. Предъявление ультиматума германской стороной с определением срока в сорок восемь часов и неминуемой смерти бойцов не сломили патриотического духа защитников рубежей Российского государства. Крепость простояла не только сорок восемь часов, а сто девяносто дней и ночей! Мощный, доселе невиданный шквал огня, бомбардировки с воздуха и обстрелы самыми на то время мощными орудиями не увенчались успехом. Немцы, выждав подходящий случай, начали газовую атаку. Ветер гнал газ в сторону крепости, уничтожая всё живое на своём пути. Птицы падали замертво на лету, звери гибли в лесу… Германские войска, оснащённые противогазами, которых не имела на тот момент русская армия, начали наступ-

ление. Вслед за артиллерией, под прикрытием смертоносного газового облака, более семи тысяч германских пехотинцев пошли в атаку на крепость, в которой оставалось несколько десятков русских солдат и офицеров. Обмотав лица тряпками, смоченными в солёной воде, русские пошли в контратаку. Газ разъедал глаза и разрушал кожу, лёгкие… Бойцы, в окровавленных повязках, отхаркивая кровь и куски лёгких на свои гимнастёрки, в полный рост бесстрашно шли на врага… «Русские не сдаются!» — впервые прозвучали слова в рядах воинов-защитников. Подоспела русская артиллерия, и контратака возымела успех.

Невиданное жуткое зрелище, которое впоследствии было названо Атакой мертвецов, вселило панический ужас в немецких солдат, в животном страхе ринувшихся обратно в поисках спасения.

Крепость выстояла! Герои-защитники, чудом оставшиеся в живых, среди которых оказался Антон, старший сын профессора Батицкого, были спасены.

Профессор получает телефонограмму о том, где находится его сын, и направляется за ним в госпиталь. Потерявший зрение и руку подпоручик Батицкий сохраняет достоинство и честь

русского офицера и патриота.

Спустя несколько лет после свершившегося октябрьского переворота профессор вынужден выехать из Советской России за границу. Однако старший сын его остаётся на родине и впоследствии находит личное счастье с милой и заботливой девушкой Варварой, бывшей прислугой в семье Батицких. Предсказание петербуржской гадалки сбылось.

Судьба каждого человека в руках Господа Бога. Меняются жизнь, уклад, политический и государственный строй, но неизменными остаются вера, благородство и любовь к отчизне.

На том стояла и стоит земля русская!